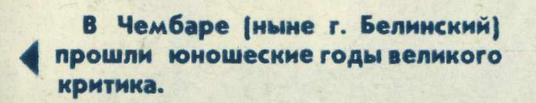

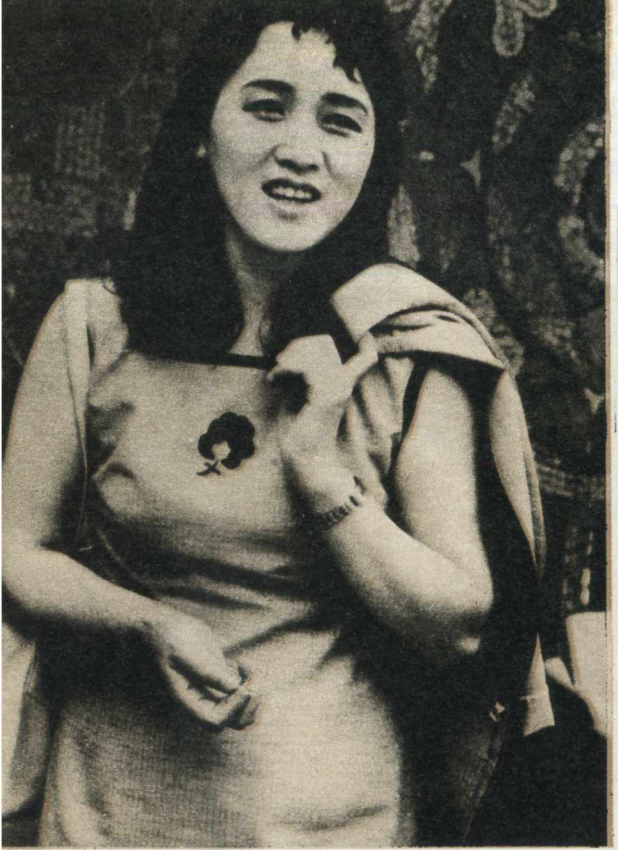

В. Белинский

В Чембаре (ныне г. Белинский) прошли юношеские годы великого критика.

Сценарист из КНДР О Хе Ён.

Радж Капур в Бухаре.

Телефото С. Величкина и А. Авазова (ТАСС)

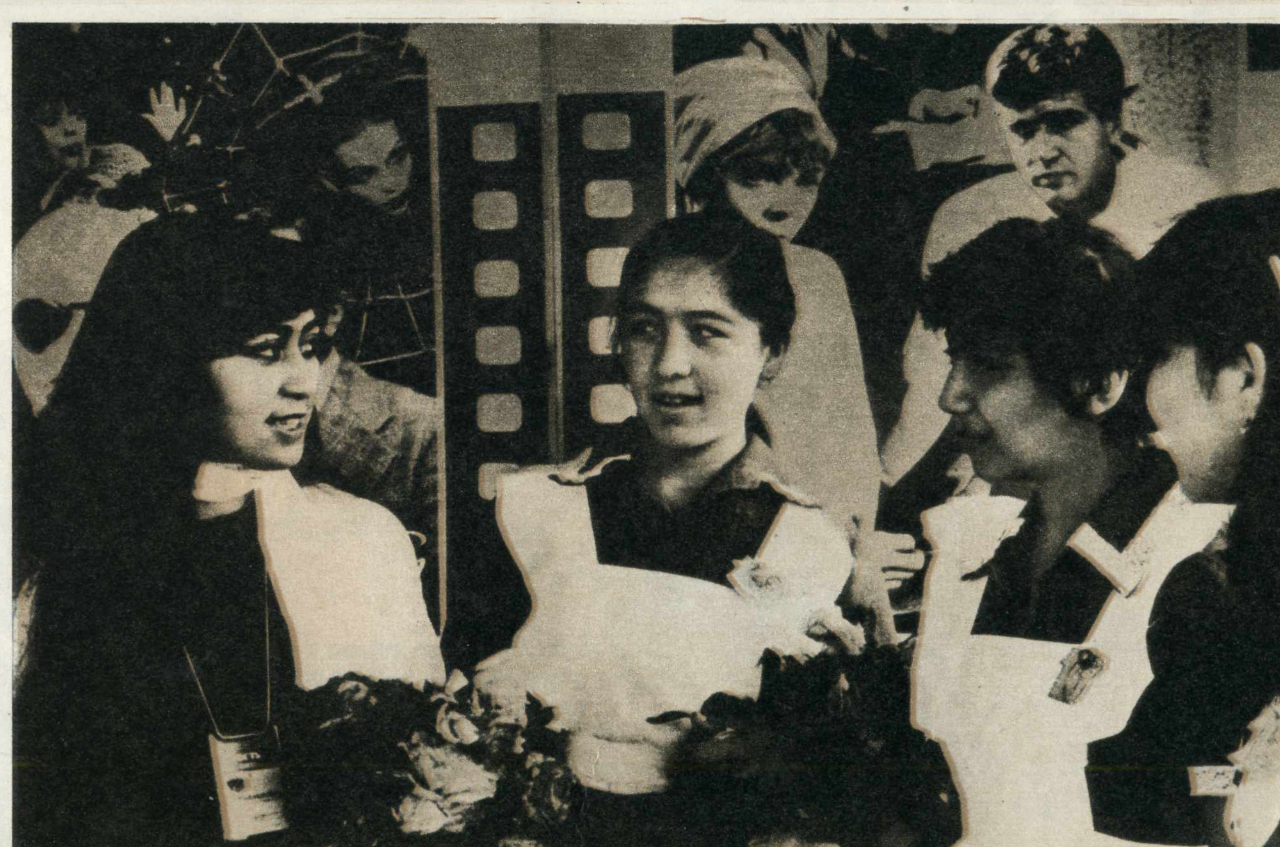

Гостиница «Узбекистан» — центр Ташкентского фестиваля.

«Победа будет за нами!» — говорит режиссер из Никарагуа Рональд Поррас Рамирес.

Режиссер из Афганистана Саид Варакзай.

Цветы мужественной Хоме.

РЕПОРТАЖ С IX МЕЖДУНАРОДНОГО КИНОФЕСТИВАЛЯ СТРАН АЗИИ, АФРИКИ И ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

В КАДРЕ — БИТВА ЗА МИР

Виталий ЗАСЕЕВ, специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора

У Хомы Мустаманди по-девичьи узкая ладонь, но рукопожатие мужественное и крепкое, как у человека, привыкшего к нелегкому физическому труду. Она приехала на Ташкентский кинофестиваль прямо со съемочной площадки. Иногда во время работы над фильмом «Перед рассветом», где Хома играет главную роль, душманы пытались атаковать киногруппу, и тогда изящная, с плавной восточной походкой Хома бралась за автомат.

— Наш фильм рассказывает о судьбе сельского учителя, перед которым Апрельская революция открывает необозримые горизонты творчества,— рассказывает режиссер Саид Вараказай.— Картина снималась в Файзабаде, в отдаленных уголках провинции Бадахшан, где встречи с душманами не редкость. Мужество молодой актрисы помогало и нам, мужчинам, преодолевать трудности, смело смотреть в глаза смерти.

Фильм «Перед рассветом» понравился зрителям, получил широкую прессу, и в этом, конечно же, немалая заслуга и Хомы Мустаманди, и Саида Вараказай, и многих афганских крестьян, которые охотно участвовали в съемках.

Мысленно возвращаясь к IX Международному кинофестивалю стран Азии, Африки и Латинской Америки, благородный девиз которого «За мир, социальный прогресс и свободу народов!» собрал в Ташкенте кинематографистов более ста стран и международных и национальных организаций, невольно обращаешь внимание на одну характерную деталь — много фильмов, будь то документальные или художественные, сняты под пулями противника.

— Днем рождения никарагуанского кино,— говорит молодой режиссер Рональд Поррас Рамирес,— принято считать апрель 1979 года, когда в разгар ожесточенных боев против режима Сомосы были сняты первые документальные кадры. И сегодня,—продолжает Рональд,— какая бы картина ни снималась в Никарагуа, ее тема — борьба за мир.

Рональд — автор нескольких документальных картин. Одна из них, об инвалидах освободительной войны, потрясает самоотверженностью кинематографистов Никарагуа, которые смело шли навстречу смерти ради нескольких кинокадров.

Ташкентский кинофестиваль собирает под свои знамена, как правило, молодых кинематографистов. Сценарист из КНДР О Хе Ён никогда не мечтала о кинематографе. Окончив политико-экономический факультет Пхеньянского университета, решила себя посвятить проблемам экономики. Но вот поездила по стране, увидела, с каким подъемом и воодушевлением трудятся во имя новой жизни ее земляки, и руки, по ее выражению, сами потянулись к перу. В двадцать два года она написала первый роман, «Ясный день», о воинах Корейской народно-демократической армии, а спустя пять лет еще один — «Вечный свет звезд». Его героиня, водитель автомашины, жертвует жизнью и, подставив под гусеницы вражеского танка свою машину, преграждает неприятелю дорогу в город.

О Хе Ён счастлива, что ее фестивальный фильм «В их образах» понравился зрителям Ташкента.

— Мы учимся мастерству у советских кинематографистов,— говорила в беседе с корреспондентом «Огонька» молодая писательница.— Ташкентские кинофестивали для нас являются подлинными университетами.

Немало поучительных и увлекательных встреч было в дни Ташкентского кинофестиваля. Как верного и старого друга встречали зрители знаменитого индийского актера и режиссера Раджа Капура, обаятельную актрису из Бангладеш Бабитту Фариду Ахтар, выдающегося режиссера из Марокко Сухейля Бен Барка (его фильм «Амок!» с успехом прошел по экранам нашей страны) и многих других кинематографистов.

Большой интерес вызвали на фестивальных просмотрах фильмы советских мастеров кино.

Громадное впечатление на всех кинематографистов и гостей произвело приветствие товарища М. С. Горбачева участникам и гостям Ташкентского фестиваля. В нем — еще одно яркое подтверждение решимости советского народа противостоять попыткам развязать ядерную войну. С решимостью бороться за мир и покидали гостеприимный Ташкент кинематографисты стран Азии, Африки и Латинской Америки.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

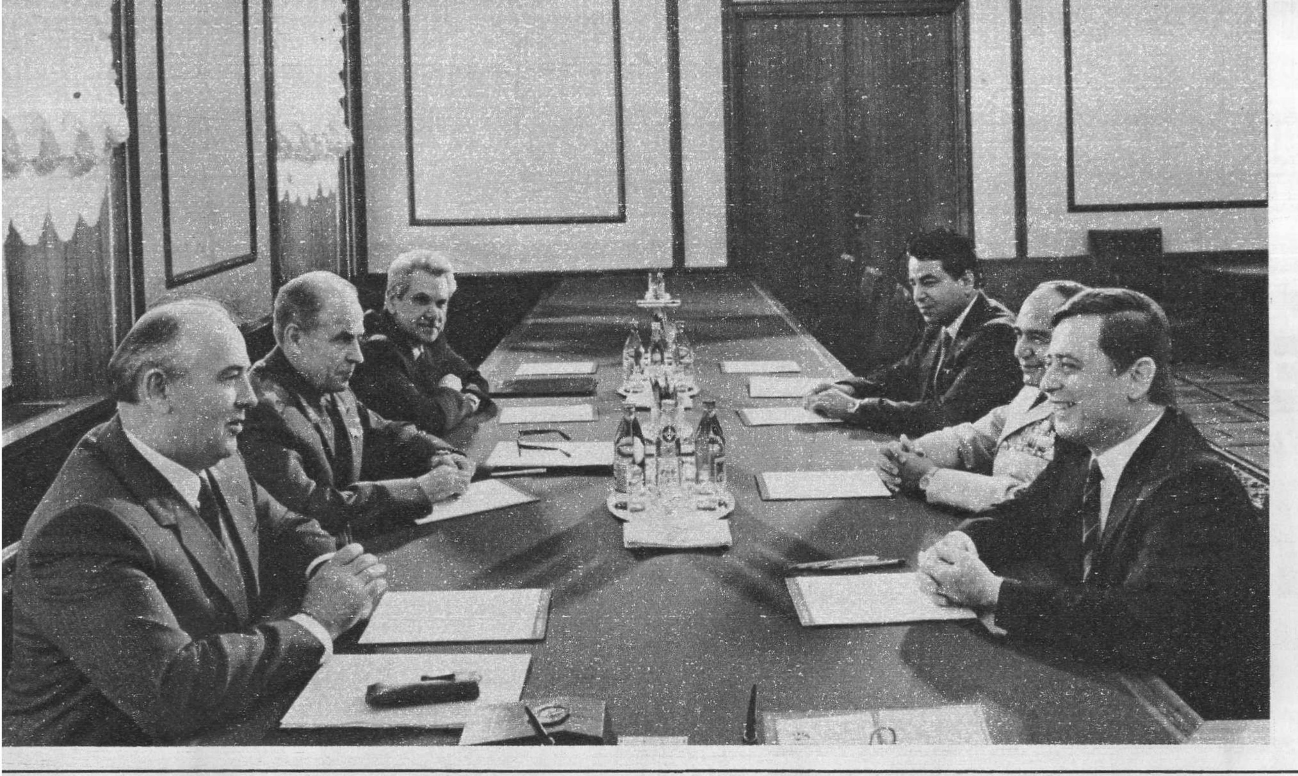
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 23 (3072)

7—14 ИЮНЯ

В НОМЕРЕ:

Беседа М. С. Горбачева с А. Х. Хаддамом

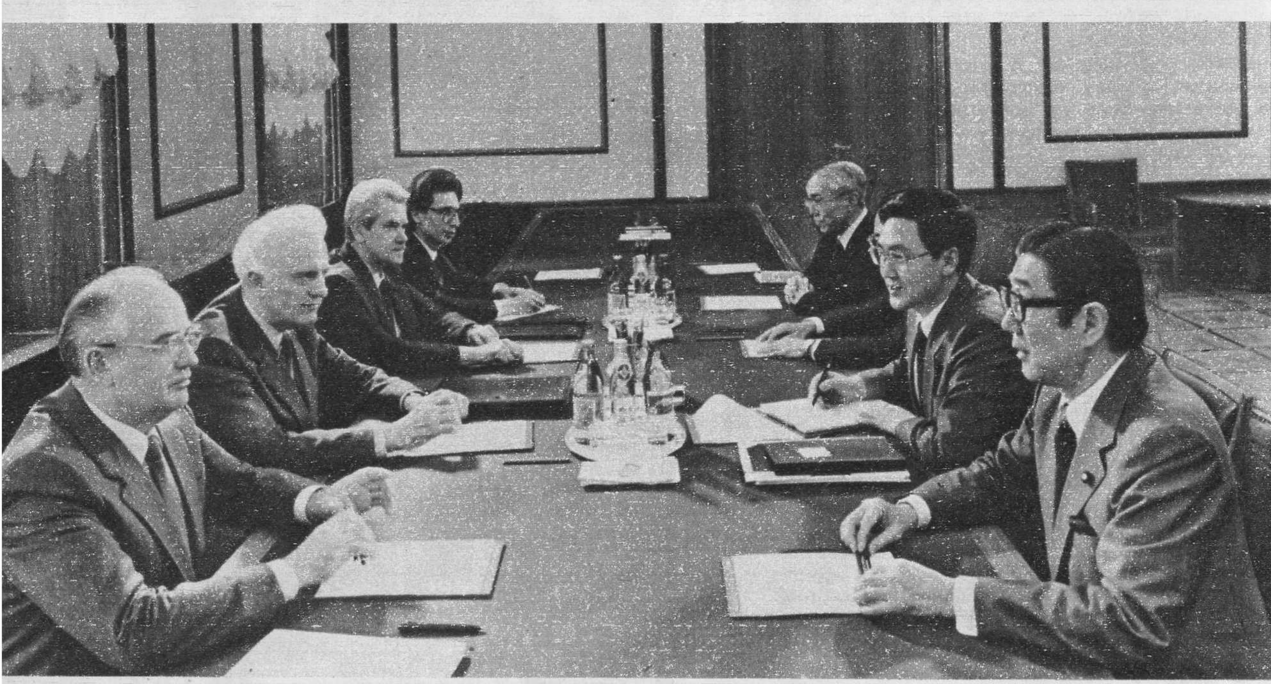
28 мая М. С. Горбачев принял в Кремле члена руководства Партии арабского социалистического возрождения (ПАСВ), вице-президента Сирийской Арабской Республики А. Х. Хаддама.

Было выражено удовлетворение развитием дружественных советско-сирийских отношений.

Главное внимание на встрече было уделено ситуации, которая складывается в данный момент вокруг Сирии. М. С. Горбачев и А. Х. Хаддам подтвердили стремление их стран к решению всех спорных международных вопросов политическими средствами. Ввиду нагнетания американским империализмом и Израилем угроз в отношении Сирии были рассмотрены, наряду с политическими, конкретные вопросы усиления содействия ей в укреплении обороноспособности в соответствии с Договором о дружбе и сотрудничестве между СССР и Сирией.

На снимке: во время беседы.

Фото ТАСС

ПРИЕМ М. С. ГОРБАЧЕВЫМ СИНТАРО АБЭ

30 мая М. С. Горбачев принял в Кремле министра иностранных дел Японии Синтаро Абэ, который вручил послание от премьер-министра Японии Я. Накасонэ.

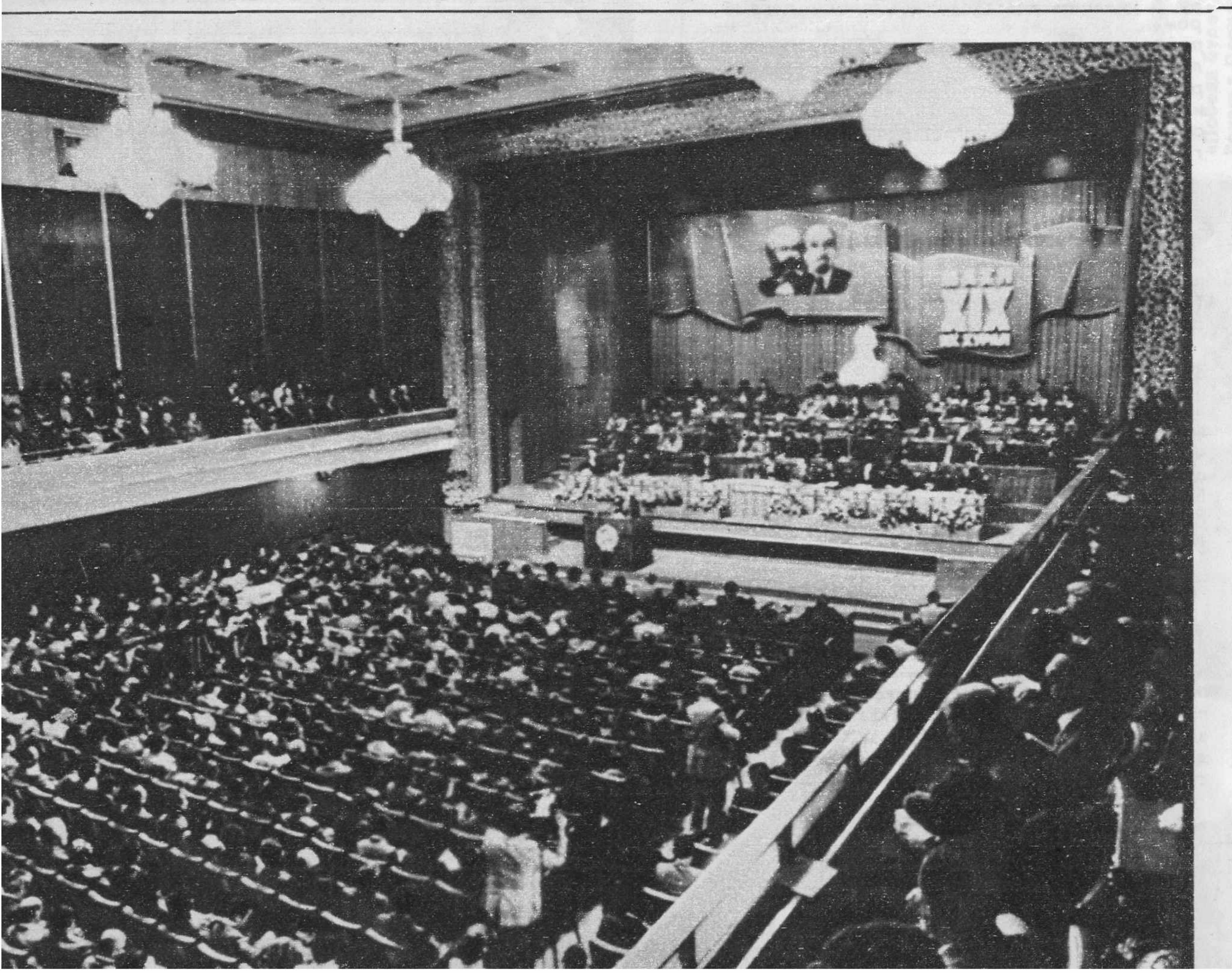
Был рассмотрен широкий круг проблем международной обстановки и двусторонних отношений. С. Абэ констатировал «огромную роль советского руководства в деле обеспечения мира и международной стабильности». М. С. Горбачев, отметив большие возможности Японии в решении современных мировых проблем, изложил основы внутренней и внешней политики Советского Союза.

Была выражена серьезная озабоченность намерениями японского руководства подключить потенциал своей страны к американским планам «звездных войн», что не может не отразиться на оценке внешнеполитических намерений Японии и на советско-японских отношениях.

В итоге откровенной и доброжелательной беседы были выявлены и точки соприкосновения, и моменты различий и несогласия.

На снимке: во время приема.

Фото ТАСС

СЪЕЗД МОНГОЛЬСКИХ КОММУНИСТОВ

31 мая в Улан-Баторе закончился XIX съезд МНРП. Делегаты обсудили актуальные проблемы жизни страны, дальнейшего совершенствования стиля и методов работы партийных организаций, укрепления связей МНР с братскими государствами.

На XIX съезде МНРП выступил тепло встреченный собравшимися глава делегации КПСС, член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров РСФСР В. И. Воротников.

Съезд принял постановление по отчету ЦК МНРП и ЦРК МНРП. Полностью одобрены курс внутренней и внешней политики, практическая деятельность ЦК партии, выводы и задачи, изложенные в докладе товарища Ж. Батмунха. В постановлении о проекте «Основных направлений экономического и социального развития МНР на 1986—1990 годы» указывается, что этот документ полностью отвечает программным положениям и курсу партии на развитие общественного производства, повышение его эффективности, дальнейшее улучшение материального благосостояния народа. Съезд единодушно утвердил основные направления развития страны. Утверждены также изменения и дополнения в Уставе МНРП.

Съезд избрал руководящие органы партии.

Состоялось первое заседание вновь избранного ЦК МНРП. Генеральным секретарем Центрального Комитета Монгольской народно-революционной партии избран Жамбын Батмунх.

На снимке: открытие XIX съезда МНРП.

Телефото В. Мусаэльяна (ТАСС).

Фото Ю. Лизунова (ТАСС)

ПОСЕЩЕНИЕ М. С. ГОРБАЧЕВЫМ МИКРОРАЙОНА КРЫЛАТСКОЕ

31 мая Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев посетил микрорайон города Москвы Крылатское. Он ознакомился с ходом жилищного и культурно-бытового строительства, обратив особое внимание на его комплексность и качество, посетил магазины, комсомольскую дискотеку, другие объекты социального назначения, побывал в квартирах рабочих.

Состоялись теплые встречи с жителями этого микрорайона. В беседах с М. С. Горбачевым трудящиеся выражали горячую поддержку внутренней и внешней политики КПСС и Советского государства, практических дел, направленных на совершенствование всех сторон жизни советского общества, повышение благосостояния народа, дисциплины и порядка, укрепление мира во всем мире, безусловное выполнение решений XXVII съезда КПСС.

Вместе с М. С. Горбачевым были председатель исполкома Моссовета В. Т. Сайкин и первый секретарь Кунцевского РК КПСС И. М. Головков.

ПОСЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ОГОНЬКА»

ХОДОКИ К ЖАЛЫБИНЫМ

Известно, что дороги умельцев-изобретателей чаще всего устланы не розами, а шипами. Но даже в их ряду выделяется затяжная история изобретения Николая Федоровича Жалыбина. О ней было рассказано в «Огоньке» (№ 12, 1986). Самодельщик без диплома, он почти двадцать лет назад предложил оригинальную конструкцию теплиц — простую, сберегающую много времени на монтаж, уйму материалов и средств, надежную в эксплуатации, достаточно долговечную.

Позже семейное конструкторское бюро (в него вошли сыновья Николая Федоровича, дипломированные инженеры-механики Олег и Николай) разработало на этой основе в колхозе имени Ленина Энбекшиказахского района Алма-Атинской области и проект кошары, а затем и различных складов, промышленных цехов, навесов для хранения техники.

Очерк о Жалыбиных вызвал широкий отклик читателей. Редакция получила сотни писем — от правлений колхозов различных зон, специалистов по сельхозстроительству, овощеводов и животноводов. Примечательно, что к очерку проявили интерес и руководители десятков заводов и фабрик в связи с организацией подсобных агроцехов. Письма и даже телеграммы чаще всего заканчивались просьбой сообщить адрес умельцев и вопросом: где достать чертежи?

Редакция готовит обзор писем читателей с анализом проблемы, связанной с разработками Жалыбиных. Дело в том, что прошло три месяца после выступления «Огонька», но журнал до сих пор не получил официальных ответов от ЦК КП Казахстана и Агропрома республики, Госстроя СССР и Агропрома СССР.

Однако, несмотря на затяжное молчание компетентных органов, жизнь идет своим чередом. По-прежнему поступают письма в редакцию и Жалыбиным. К новаторам устремились на свой страх и риск ходоки из дальних мест. (Лучше раз увидеть, чем сто раз услышать, а повезет — может быть, раздобудут чертежи конструкций.)

В числе первых, кто приехал в колхоз под Алма-Атой, были четверо полтавчан из Новосанжарского района: инженер-строитель, механик-изобретатель, другие специалисты. Придирчиво изучали новинку. Заключение однозначное: выгодно! Поражала простота конструкции и монтажа. Назад уезжали без чертежей, но с образцами прокатных профилей. Позже по заданию Полтавского обкома партии сюда прилетел первый секретарь Новосанжарского райкома КП Украины М. В. Бернадский. Он пригласил Н. Ф. Жалыбина помочь организовать новое дело на Полтавщине.

В конце мая мы позвонили М. В. Бернадскому.

— Николай Федорович уже у нас! — обрадованно сказал он.— Светлая голова!.. Думаем в области развернуть выпуск гнутых легких профилей, предложенных умельцами из казахстанского колхоза. Мы видим, что они таят решение и многих других вопросов. Из таких профилей легко можно делать склады, хранилища для техники, крытые рынки, навесы на автобусных остановках и даже... клубы!

— Что-что? — переспросил я, настолько неожиданным было упоминание про клуб.

Михаил Владимирович засмеялся:

— Вы не ослышались. Да, и клубы тоже. Да еще какие!.. Словом, нестандартное решение умельцев крепко поможет нам.

Когда этот номер журнала готовился к печати, в редакции раздался междугородный звонок. На проводе — Олег Юрьевич Балабанов, начальник отдела механизации и автоматизации Копейского машиностроительного завода Челябинской области. Я знал, что предприятие выпускает тяжелую горнопроходческую технику, тем более неожиданной оказалась просьба:

— Помогите связаться с Жалыбиными. Мы выпускаем для ширпотреба слесарный инструмент, консервооткрыватели и так далее. Теперь хотим ознакомиться с жалыбинскими профилями и, если «покажутся», возможно, наладим их производство у себя. Соблазн немалый...

Дал казахстанский адрес Жалыбина-старшего и посоветовал позвонить ему в Полтаву по телефону: он там.

Разговор о детище Жалыбиных еще не закончен. Дитя рождается в муках. Есть данные, что за рубежом гораздо позже, чем было предложено Н. Ф. Жалыбиным, появились кошары его конструкции (счастье, что наш соотечественник успел-таки зарегистрировать свое изобретение). А пока новое пробивает себе дорогу самостоятельно, без увязки в «инстанциях». Словом, Улита едет...

А. ПАНЧЕНКО

Инженер-гидротехник совхоза «Судково» А. П. Филончик гостеприимно предоставил свой дом для бывших жителей села Оревичи.

«МЫ ОДОЛЕЕМ

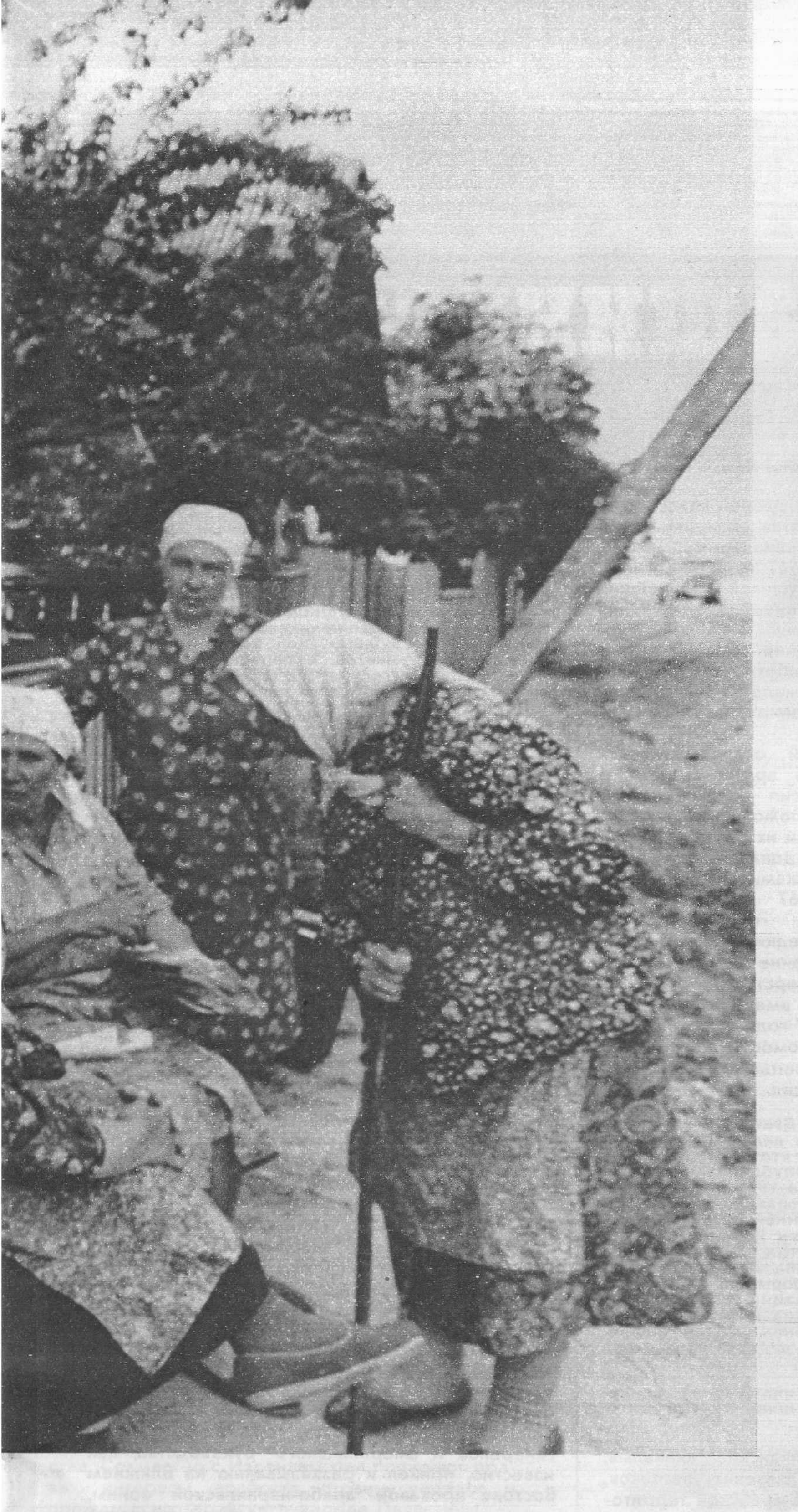
Второй секретарь Хойникского райкома КПСС Н. Н. Дрозд (справа) беседует с прибывшими новоселами.

Река Припять.

Фото И. ГАВРИЛОВА

БЕДУ»

Эти телята родились уже в «гостях».

Если бы не этот листок — бланк анализа крови — на письменном столе первого секретаря райкома партии, не сказал бы, что обстановка здесь чем-то отличается от повседневной, будничной. На том же столе сводки о надоях молока, информация о ходе полевых работ, свежие газеты...

— Ну, а анализ крови,— Дмитрий Михайлович Демичев кивает на карту, что висит на стене,— Чернобыльская атомная совсем близко от Хойников, мне же приходится все время ездить по району, бывать и в той зоне, откуда мы эвакуировали людей,— там ведь наша земля и наши заботы... Так что нужно подчиняться медицине, а врачи сейчас предельно строги. А во всем остальном живем обычно.

Живем обычно. Мне по душе эти слова первого секретаря, тем более что в них ни капли рисовки, ложной бравады перед бедой, нежданно-негаданно ворвавшейся сюда.

— Конечно, трудно! Но есть уверенность в главном: мы одолеем беду, потому что люди, как подтвердили несколько недель испытаний, оказываются сильнее ее...

В последний год райком усилил воспитательную, организаторскую работу. В районе за пять месяцев нынешнего года надои от коровы выросли по сравнению с тем же периодом прошлого почти на сто килограммов. Более чем на треть увеличилось производство мяса.

Обыденный труд. И вдруг серьезнейшая проверка всего и всех— чернобыльская экстремальная ситуация.

— Надо было очень быстро вывезти тысячи людей, больше десяти тысяч голов крупного рогатого скота... Мобилизовать транспорт, организовать охрану порядка, наладить медицинское обслуживание, принять и разместить эвакуируемых из деревень тридцатикилометровой зоны. Удивительно собранно действовали люди в те сложные часы. Самоотверженно трудились председатель колхоза «Новая жизнь» Иван Николаевич Васюк и заведующий сельскохозяйственным отделом райкома партии Александр Васильевич Дейкун. Они не покинули опасной зоны до тех пор, пока не закончилась эвакуация. Помогали своими руками — ведь эвакуация началась ночью: не всем, как известно, легко сняться с места. Я имею в виду стариков, семьи, где трое-четверо маленьких ребят. А погрузить, отправить в дорогу скот...

Тут действительно руководители района держали ответственнейший экзамен и выдержали его. Впрочем, экзамен продолжается. Начался всего лишь новый этап: не дать чрезвычайным событиям выбить жизнь из обычной колеи. Это главное в нынешних будничных заботах.

В совхозе «Судково» его директор Николай Иванович Садченко подтверждает: все идет своим чередом.

— Очень напряженно складывались первые дни, когда принимали эвакуированных. Заранее же никто не готовился. В считанные часы развернули строительство кошар. А туда ведь надо было дать воду, провести электричество, перебросить доильные установки. Справились! Теперь вернулись к насущным делам и хлопотам. Организовали уход за посевами. Дождей вот нет, беспокоимся, не помешала бы погода заготовить достаточно кормов. Планируем пожнивные посевы брюквы и других кормовых корнеплодов; уже включили в работу агрегаты по приготовлению травяной муки. В Дворище, Судкове, Храпкове продолжаем строительство домиков для рабочих совхоза, пятнадцать намереваемся до конца года заселить. Так что от планов не отступаем, наоборот, по некоторым показателям выглядим лучше, чем в прошлом году.

...В Хойниках разместилась областная рабочая группа. Здесь средоточие всего, что связано с устройством эвакуированных хозяйств и ликвидацией последствий бедствия. Руководитель группы первый заместитель председателя Гомельского областного Совета народных депутатов Алексей Алексеевич Шахнович в начале нашего разговора рассказывает о первых авральных днях:

— Ночью мы получили распоряжение начать эвакуацию населения из тридцатикилометровой зоны, в которой очутилась часть районов Гомельщины — Наровлянского, Хойникского и Брагинского. К утру в зону эвакуации стянули четыреста автомашин, а к концу дня — 1200. Подоспели около шестисот автобусов. Подготовили санатории, турбазы, профилактории, которые приняли женщин с маленькими детьми, школьников. Своевременно наладили питание, медицинские осмотры. Поскольку с детьми уехали некоторые доярки, свинарки и телятницы, понадобилось срочно искать замену. На фермы изъявили готовность пойти те, кто работал в конторах, клубах, и даже механизаторы, пенсионеры... Ни одно стадо не осталось без присмотра. Эвакуированных в основном расселяли по деревням. Кроме того, железнодорожники дали вагоны под жилье, столовые, склады. Республика выделила дополнительные фонды продуктов, товаров. Мы получили необходимые медикаменты, препараты, технику для дезактивации местности, скота. На помощь пришли воины Советской Армии. Приехали специалисты—врачи, радиологи, физики, гидрометеорологи из Москвы, Минска, Обнинска...

...Сколько испытаний выпадало в прошлом на долю этой земли! И вот еще одно. И, как всегда, не растерялись люди, делом доказывая, что и на сей раз хватит мужества и умения одолеть несчастье. Для кого-то же так буйно цветут сады в опустевших деревнях? Люди должны туда вернуться.

А. ЩЕРБАКОВ,
соб. корр. «Огонька»

Лев КОРНЕЕВ

С подачи Вашингтона

СКАНДАЛ В НЕБЛАГОРОДНОМ СЕМЕЙСТВЕ

Новый, 1986 год США встретили громким скандалом в правительственных сферах. В канун рождественских праздников оказалось, что сотрудник разведывательного центра поддержки ВМС США в штате Мэриленд некий Джонатан Поллард за 50 000 долларов снабдил посольство Израиля в Вашингтоне обильным количеством секретной американской документации. Выяснилось, что через Полларда израильская разведка получала характеристики радарного и другого электронного оборудования, которое используется спецслужбами США для того, чтобы следить за передвижением вооруженных сил на Ближнем Востоке. Другие материалы касались возможностей американских кораблей и самолетов следить за военными операциями как арабских стран, так и Израиля.

Полларда арестовали, решили судить. Шум в этой связи подняли архистрашный на самом высоком вашингтонском уровне. Государственный секретарь Дж. Шульц потребовал от израильского правительства в ультимативной форме предоставить Соединенным Штатам подробную информацию, с каких пор Поллард работал на израильскую разведку, какую конкретно он ей передавал документацию и кто еще занимается в США шпионажем в пользу Израиля. Он предложил также вернуть все секретные документы, которые Поллард передал Израилю, и поставил вопрос о том, чтобы сотрудникам ФБР была предоставлена возможность допросить работников израильского посольства, связанных с агентом.

Израиль сделал вид, будто собирается уступить нажиму своего старшего партнера. Премьер-министр Израиля Ш. Перес фактически признал причастность своей страны к «делу Полларда» и пообещал вернуть похищенные документы. Несмотря на реверансы Тель-Авива, официальные лица в Вашингтоне еще долго метали громы и молнии в адрес израильтян. Но весь этот спектакль разыгрывался лишь для простаков, дабы уверить — прежде всего арабский мир,— будто Вашингтон «бережет свои секреты» от спецслужб Тель-Авива. Попались на эту удочку во многих странах мира, поверив в искренность возмущения официальных кругов Белого дома.

В действительности же между секретными службами США и Израиля давно уже нет никаких секретов. А комедия с Поллардом была разыграна с целью скрыть соучастие разведки США в обеспечении бандитского налета израильской авиации в октябре 1985 года на южный пригород Туниса Хаммам аш-Шатт, где находилась штаб-квартира Организации освобождения Палестины. Как хвастливо заявило в те дни радио Тель-Авива, в распоряжение генерального штаба израильской армии по линии ЦРУ было передано значительное количество аэрофотоснимков района Хаммам аш-Шатт, полученных с помощью американских разведывательных спутников. Именно этим обстоятельством — наводкой ЦРУ израильских истребителей-бомбардировщиков — объясняется особая точность бомбежки, предпринятой сионистскими воздушными пиратами...

Но совместно организованный спецслужбами США и Израиля бандитский налет изральской авиации на Тунис — лишь одна из последних акций преступной политики международного терроризма по оси Вашингтон — Тель-Авив. Пособничество спецслужб США израильским агрессорам имеет давнюю, почти двадцатилетнюю историю, длинный послужной список совместных преступлений против народов Арабского Востока. Напомним некоторые факты.

...На рассвете 5 июня 1967 года на Египет, Сирию и Иорданию обрушился сильнейший удар военной машины сионизма. Осуществляя давно вынашиваемые планы экспансии, военщина Израиля с одобрения всех сил мировой реакции оружием, сработанным на заводах стран блока НАТО, сумела за шесть дней нанести серьезное поражение арабским армиям.

Немаловажной причиной осведомленности командования израильской армии «цахал» о состоянии вооруженных сил арабских государств в 1967 году была помощь ряда империалистических государств и их разведывательных служб. Есть немало доказательств того, что активными соучастниками израильского «блицкрига» в июне 1967 года на Арабском Востоке являются головные службы американской разведки — Центральное разведывательное управление и разведывательное управление министерства обороны. По данным западной прессы, американская разведка перед агрессией 1967 года и во время ее оказала Израилю такую помощь, которая по эффективности может сравниться с применением значительных воинских сил.

Американский дипломат Дэвид Нэс, бывший в тот период поверенным в делах США в Каире, писал в этой связи в статье «Израиль — 51-й штат?», которая была опубликована в газете «Нью-Йорк таймс» 5 июня 1971 года, следующее: «В месяцы, предшествовавшие войне 1967 года, задания по линии военной разведки в основном диктовались нуждами Израиля. Эффективность ударов, нанесенных израильскими ВВС 5 июня 1967 года, была обеспечена — по крайней мере отчасти — информацией о египетских аэродромах и о дислокации самолетов, полученной через американские каналы. Что касается политической и экономической информации, государственный департамент имел обычай в то время снабжать посольство Израиля в Вашингтоне копиями всех донесений американских посольств на Ближнем Востоке, которые представляли хоть какой-нибудь интерес».

Что это были за американские «каналы», нет нужды гадать: у израильских летчиков, сбитых летом 1967 года над арабской территорией, обнаружили карты, сделанные на основе материалов аэрофотосъемки, которая в разное время проводилась с американских самолетов-разведчиков. На этих картах оказались точные обозначения целей бомбометания и коридоры без радиолокаторов. Соучастие спецслужб США в войне Израиля против арабских государств в июне 1967 года объясняется не какими-то временными, преходящими факторами; в основе этого соучастия лежит совпадение стратегических целей сионизма и американского империализма на Арабском Востоке.

НЕЧЕСТИВЫЙ АЛЬЯНС

Ряд разоблачений в 1974—1975 годах на страницах американской прессы преступных дел ЦРУ как внутри страны, так и за границей привлек внимание общественности США к неприглядной деятельности «департамента грязных дел», что и послужило одной из причин отставки руководителя отдела контрразведки ЦРУ Д. Энглтона. Как явствует из материалов американской газеты «Вашингтон пост» от 1 января 1975 года, близкой к сионистским кругам США, Энглтон «занимался обменом информации с секретными службами Израиля в обход обычных каналов — ближневосточного регионального отдела ЦРУ, и лично обеспечивал связь с израильскими разведывательными службами».

Ссылаясь на мнение, высказанное в руководящих кругах спецслужб США, «Вашингтон пост» отмечала, что, хотя «Израиль первый почувствует результаты отставки Энглтона», она отразится и на других иностранных разведывательных службах, которые «были готовы делиться информацией с Израилем, так как они могли получать от Соединенных Штатов прекрасные разведывательные сведения». Иными словами, «Вашингтон пост» устанавливает наличие триады сотрудничества: ЦРУ — секретные службы Израиля — «иностранные разведывательные службы», под которыми следует понимать, разумеется, в первую очередь секретные службы государств блока НАТО при наличии прямой и обратной связи между ними.

Порвавший с ЦРУ в 1974 году агент американской разведки Эйджи вспоминает: «В те годы в ЦРУ существовал специальный и особо засекреченный отдел. Его единственной задачей была координация совместных операций ЦРУ и израильской разведки. Шефом этого отдела был Джеймс Энглтон».

Энглтон отнюдь не исключение. В разведке ВВС США длительное время подвизался просионистски настроенный офицер Черба. Американская «Нью-Йорк таймс» называла его «видным специалистом», а израильская «Джерузалем пост мэгэзин» — «талантливым разведчиком». Он был видным экспертом по разведывательной информации по Ближнему Востоку и советником президента Р. Рейгана.

В дни агрессии Израиля против Ливана летом 1982 года на страницах мировой печати замелькало имя Е. Саги, начальника разведки генерального штаба израильской армии. Американская пресса характеризовала его как особу, которая «прекрасно умеет выражать свои мысли, изъясняется прямо, без обиняков, и обычно проявляет прагматичный подход ко всем проблемам». Именно таким был подход Саги к ближневосточной проблеме в феврале 1982 года, когда во время визита в США он встретился в Вашингтоне с официальными представителями Белого дома в Пентагоне. Израильская пресса не скрывала: шеф военной разведки Израиля изложил информацию о подготовке Тель-Авивом вторжения в Страну кедров и испросил предварительное «добро» на разработку операции под кодовым названием «Мир для Галилеи». Окончательные подробности операции были уточнены в мае на более высоком уровне: в США прибыл тогдашний министр обороны Израиля генерал А. Шарон, непосредственный начальник Саги. Альянс израильских генералов и американского руководства, как известно, привел к развязыванию на Ближнем Востоке кровавой арабо-израильской войны, которая вместо мира для Галилеи принесла смерть более чем 40 тысячам арабов и евреев. Список жертв еще не закрыт...

Характерная деталь: агрессии Израиля в июне 1967 года против Египта, Сирии и Иордании также предшествовал визит в Вашингтон генерала израильской секретной службы. Им был начальник службы внешнеполитической разведки Израиля, известной под названием «Моссад», М. Амит (Слуцкий).

Другая закономерность: после завершения израильской агрессии с первой посадкой в Тель-Авиве Ближний Восток посещают шефы американского ЦРУ. В свое время такой визит совершил Р. Хелмс, в апреле 1983 года гостем сионистского государства был руководитель «департамента грязных дел» У. Кейси. Хелмса встречали высшие чины «Моссад», Кейса — офицеры военной разведки. Оно и понятно: после «шестидневной войны» 1967 года, когда роль военщины в Израиле резко возросла, положение изменилось. «Моссад» явно отошла на второй план в системе спецслужб Израиля, хотя в публикациях об израильской разведке «сионистскому ЦРУ» и по сей день отводится абсолютное большинство строк. Деятельность же разведотдела генштаба израильской армии обычно остается в тени; она малоизвестна широкой общественности, хотя именно военная разведка является сегодня, бесспорно, головной спецслужбой Израиля.

Руководящие звенья ЦРУ и других секретных служб США в значительной степени насыщены ставленниками международного сионизма. Уолл-стритовский банкир, активист ВСО

Вольф являлся начальником отдела кадров ЦРУ, а выходец из семейства Мейеров (активно поддерживающих деятельность международного сионизма и Израиля) Корд Мейер руководил многими международными программами ЦРУ. Мейер в течение ряда лет был шефом агентуры ЦРУ в Лондоне, являясь главным агентом «Моссад», внедренным в ЦРУ.

Теснейший симбиоз, взаимозависимость и взаимопроникновение разведки США и сионистских шпионов очевидны. Шпионско-подрывная и террористическая деятельность секретных служб империализма, международного сионизма и государства Израиль угрожает всему человечеству. И этот факт не скрыть никакой дымовой завесой. Взять хотя бы последнее преступное деяние из досье сионистско-американского «стратегического альянса». В тесном взаимодействии с разведслужбами 6-го американского флота в Средиземном море израильские воздушные пираты осуществили 4 февраля 1986 года вопиющий акт международного терроризма. Военная авиация перехватила в международном воздушном пространстве ливийский гражданский самолет, следовавший в Дамаск, и принудила его к посадке на севере Израиля. Пассажиры самолета подверглись унизительному обыску.

Как отмечалось в Заявлении ТАСС от 7 февраля 1986 года, «безнаказанность и культ силы, которыми бравируют правители Израиля, объясняются в первую очередь попустительством со стороны тех, кто стоит за спиной наглой антиарабской линии Тель-Авива. Бросается в глаза, что пиратский акт против ливийского гражданского самолета осуществлен вслед за тем, как США сорвали принятие Советом Безопасности резолюции с осуждением агрессивной политики Израиля в отношении Ливана и на оккупированных им территориях».

НА КОНЬКЕ АНТИСОВЕТИЗМА

В бытность свою министром обороны Израиля генерал А. Шарон, кровавый палач и убийца палестинцев, публично заявил:

— Наш подлинный враг не Организация освобождения Палестины, а Советский Союз. Мы чувствуем угрозу вторжения со стороны Советского Союза. Мы хотим завоевать Турцию, Иран, Пакистан или даже всю Африку!

Лихое заявление, не правда ли? Однако государственные деятели Израиля и сионистская пресса страны не раз — и на полном, как говорится, серьезе — похвалялись, что израильская армия «способна нанести поражение советским войскам»...

Конечно, милитаристская похвальба сионистов рассчитана в первую очередь на запугивание народов и правительств стран Арабского Востока, относительно которых Израиль выступает в роли жандарма Вашингтона. Произвольно объявив Ближний Восток сферой своих «жизненных интересов», Соединенные Штаты добиваются установления здесь своего господства. Совместно с Израилем они попирают права и интересы арабских стран и народов, и прежде всего арабского народа Палестины.

Но в то же время нельзя упускать из виду и то, что благодаря значительной, практически безвозмездной финансовой помощи США — она достигает ныне фактически 7 миллиардов долларов в год — Израиль, небольшое государство с населением в 4,5 миллиона человек, создал сильную современную армию. На ее вооружении находится 3700 танков. Израильская авиация, насчитывающая до 700 современных боевых самолетов, может считаться сильнейшей (в том числе и по уровню подготовки летного состава) на Ближнем Востоке. Кроме того, по данным иностранной печати, сионистские генералы располагают солидным арсеналом атомных бомб и средствами их доставки.

Заправилы Тель-Авива в состоянии поставить под ружье полумиллионное войско, солдаты и офицеры которого в основном имеют определенный боевой опыт — результат беспрестанных агрессивных действий Израиля против сопредельных арабских государств. Израильская военщина, как неоднократно отмечалось, отличается ультрарасистским духом, культивируемым всей идеологией сионизма и раввинами, которые приданы израильским частям, носят военную форму и имеют офицерские звания вплоть до генерала.

В числе важнейших постулатов сионистской идеологии — ненависть к идеям коммунизма, социализму, странам социалистического содружества, прежде всего СССР. Еще в 1918 году на тайном сборище в молодой Стране Советов главари сионизма заявили: «Социализм стоит сионизму поперек дороги».

Широкую известность получило заявление Генерального секретаря ЦК Компартии Израиля Меира Вильнера: «Антисоветская пропаганда ведется в Израиле 24 часа в сутки». На подготовку и проведение подрывных операций против стран социалистического содружества только ведущие сионистские и просионистские организации — «Всемирная сионистская организация», «Бнай-брит», «Джойнт» и «Хиас» — ежегодно расходуют более миллиарда долларов. Это обстоятельство, а также теснейшие связи с военно-промышленным комплексом, масонскими организациями и мафией в США неизмеримо усиливают опасную роль сионизма в психологической войне империализма против сил мира и прогресса.

США

Почти 100 тысяч человек ночуют сегодня на улицах финансовой столицы США — Нью-Йорка на скамейках парков, на вокзалах, в туннелях метрополитена. В то же самое время из-за крайне высокой арендной платы пустуют 6 тысяч домов. Домовладельцам выгоднее держать дома незаселенными, нежели предоставлять их беднякам и идти на значительные расходы по их содержанию.

Жилищная проблема в стране обостряется не только из-за произвола домовладельцев и постоянного роста стоимости жилья. Значительная доля ответственности за то, что в США почти 4 миллиона бездомных, а еще 15 миллионов американских семей вынуждены ютиться в непригодных для нормального существования помещениях, ложится на нынешнюю администрацию. Взяв курс на милитаризацию страны, она практически полностью прекратила выделять средства местным властям на ремонт старых и строительство новых домов для жителей с низкими доходами.

На снимке: бездомная в Нью-Йорке.

ФРАНЦИЯ

К чему только не прибегает большой бизнес, чтобы обойти конкурентов в бешеной гонке за прибылью! Однако высшую изобретательность в этой области проявили хозяева итальянской автомобильной компании «Альфа Ромео», рекламирующей свою продукцию на одной из парижских улиц (на снимке): за руль рекламного макета автомобиля они усадили человека, в задачу которого, согласно контракту, входит постоянно улыбаться и весело помахивать рукой проходящим мимо парижанам.

Фото ЭФЭ — Кейстон — ТАСС

Фото Б. Дмитриева

ПАМЯТЬ ИСТОРИИ СВЯЩЕННА

КЯХТА

Валентин РАСПУТИН

Мы приехали в Кяхту поздно вечером, а утром, поднявшись на гору, откуда вся Кяхта открывалась как на ладони, я вспомнил свою бабушку Марью Герасимовну, безграмотную и мудрую деревенскую старуху, которая никуда с Ангары не отлучалась, с сомнением относилась к существованию в мире англичан и французов, но в Кяхту верила неукоснительно. С детства слышал я ее вздохи: «Это че ж такое деется, это пошто Кяхта-то простаивает»,— это когда трудно стало с чаем, без которого бабушка обходиться не могла. Много без чего могла, а без чая никак. Она страдала без него так сильно, раз за разом поминая и заклиная Кяхту, что в неокрепшем моем умишке надолго отложилось, будто Кяхта — это второй после Москвы по важности город, влияющий на судьбу всякого и каждого.

И вот теперь передо мной лежал маленький городишко, какие прежде называли заштатными, почти сплошь в старой части деревянный, со склонов трех сопок стекающий вниз и открыто, но несмело выходящий в четвертую сторону—к монгольской границе. И лежал он както немускулисто и расслабленно, казалось, даже удрученно, словно до сих пор не пришел в себя от последнего, решительного поворота судьбы. Позднее и это впечатление если и не изменится, то отмякнет, сделается точней и справедливей, но поначалу оно таким именно и было: неужели это Кяхта? Неужели это Кяхта, которая сто лет назад гремела на всю Россию, к которой с почтением относились в Париже, Лондоне и Нью-Йорке, которую называли «песчаной Венецией», заказы которой исполнялись в первую очередь, зная, что Кяхта не скупится, которая из всех сибирских городов спустя полтора века после Мангазеи приняла на себя ее славу «златокипящего города»?! Неужели все это здесь происходило? Днем и ночью вон оттуда, от границы, где теперь монгольский город Алтан-Булак, шли верблюжьи караваны с чаем и холстами, выгружались вон за теми стенами Гостиного двора, где ныне прядильно-трикотажная фабрика, и купцы, прибывшие из глубин Китая, шли отдыхать вон в тот двухэтажный каменный Посольский дом на территории пограничного контрольно-пропускного пункта. Неужели и верно, что с Воскресенским собором, стоящим сейчас сиротливо и сутуло, только два-три храма в России и могли соперничать по богатству, что в нем были хрустальные колонны, а строился и расписывался он итальянскими мастерами, что роспись их подновлял в нем позднее декабрист Николай Бестужев? Что темные полуразрушенные три двухэтажных дома возле речки Кяхты — это остатки поселка миллионеров, единственного, должно быть, в мире, где их, один другого богаче, ворочавших огромными оборотами, собралось в слободе за двадцать громких величин? И это только в Кяхте, а ведь жили-были они еще и в городе.

Даже из местных жителей далеко не каждый сегодня знает, что нынешняя Кяхта вобрала в себя небольшую слободу под этим именем и город Троицкосавск. Теперь они сошлись в одно целое. Линия между ними почти неразличима. Пожалуй, провести ее можно вон там, где справа от дороги на насыпи-кургане стоит памятник А. В. Потаниной, жене и помощнику в тяжких трудах прославленного сибирского писателя и ученого Г. Н. Потанина, и где на месте кладбища, на котором была похоронена Александра Викторовна, разбит стадион. Город оставался по эту сторону от кладбища, слобода располагалась по ту, поближе к границе. Буквально в ста метрах от Кяхты начинался китайский город Маймачен, от которого теперь ничего не осталось. Здесь, в Кяхте, особенно хорошо заметно, какие изменения произошли в этой части света в наше столетие.

Зря моя бабушка в военное и послевоенное время надеялась и грешила на Кяхту. Кяхта отлучена была от чайных дел и потеряла торговое значение намного раньше. Упадок ее начался еще в прошлом веке, но Кяхта и прежде знавала кризисы, умела сопротивляться им и оставалась в силе вплоть до революции, даже до монгольской революции 21-го года.

Если история всегда права, то судьба нередко жестоко обходится со своими любимцами. Когда я был в Кяхте, город этот, поивший чаем всю Россию, давно забыл, как пахнет настоящий чай.

* * *

Кяхта — дитя торгового брака России с Китаем. До этого, говоря народным словом, были шашни. И при Алексее Михайловиче и при Петре Великом все попытки завести серьезные связи с самолюбивым и осторожным засибирским соседом кончались ничем: китайцы не держали условий, русские купцы из пределов Монголии и Китая высылались обратно. То, чего удалось добиться специальной миссии графа Саввы Рагузинского, в сущности, подготовлено было Петром, но осуществлено уже после его смерти. Много месяцев провела миссия в Китае, обговаривая пункты соглашения, натерпелась и унижений, и волокиты, переезжала с места на место, и наконец в августе 1727 года соглашение было заключено и вошло в историю под именем Буринского договора: стороны подписали его на реке Буре и в восьми верстах от Кяхты. По нему определялась южная граница России и позволялся проезд русских купцов внутрь соседней территории, а для меновой торговли решено было поставить в двух местах пункты, по одному с каждой стороны, которые могли бы поддерживать меж собой постоянные связи.

Выбор с нашей стороны такого пункта на реке Кяхте — особое условие Саввы Рагузинского. Позднее много обсуждалось, отчего город заложен был не на полноводных Селенге или Чикое, а на маленькой речушке, которая и в те времена своими размерами вызывала лишь милую улыбку. Надо сказать, что Кяхта и ныне, имея водопровод от Чикоя, страдает тем не менее от недостатка воды. Но осторожный, учитывающий каждую мелочь московский посол выбрал речку, текущую не из Китая, а в Китай. Недолго она туда течет, но в этом месте течет именно туда, что и сыграло свою

Очерк войдет в книгу «Сибирь, Сибирь...», готовящуюся в издательстве «Молодая гвардия» в серии «Отечество».

М. Нестеров. 1862—1942. ЗА ПРИВОРОТНЫМ ЗЕЛЬЕМ. Саратовский государственный художественный музей имени А. Н. Радищева.

Б. Кустодиев. 1878—1927. МОРОЗНЫЙ ДЕНЬ. Саратовский государственный художественный музей имени А. Н. Радищева.

роль. Почему? Потому, вероятно, что граф Рагузинский боялся коварства соседей, которые при неладах могли отравить воду. Не забывайте, что происходило это два с половиной века от нас, а тогда это имело не последнее значение.

Таким жребием и избрана была Кяхта, и так на этой речушке появилась крепость, ставшая затем городом Троицкосавском. «Савск» — в честь Саввы Рагузинского. А рядом возникла торговая слобода. Сибирского купца в старые времена не приходилось подталкивать к освоению новых земель, он готов был хоть к черту на кулички, если они сулили ему выгоду и деятельность. Кяхта — уголок не из самых райских на земле. Пески, летом изнуряющая жара, зимой бешеные ветры; нравы, не отличавшиеся в то время мягкостью и благородством ни в Петербурге, ни в Москве, ни в Иркутске, здесь и вовсе должны были представлять смесь плохого с худшим. На что, кроме барыша, рассчитывал купец, направлявший свои семейные повозки на нижний край России, можно только предполагать. Барышом довольствовались те, кто из знатных городов для ведения дела направлял сюда своих представителей, комиссионеров, осевшим же фамилиям этого было мало. Пески не втоптать, ветры не унять, зноей не заговорить — значит, в песках, под ветром и зноем следовало создать приличествующую карману и благородную жизнь, за которую не было бы совсем стыдно ни перед заезжим гостем, ни перед собственной дочерью, обучающейся манерам и французскому языку. Начиналось, вероятно, с этого, затем пошло дальше.

Не вдруг, не сразу, но и без долгой приглядки, примеривая дом к дому, разрасталась слобода. Застройщиком и архитектором ее прежде всего было дело, выгодная торговля. К 20-м годам прошлого века роли поменялись. Не город правил слободой, а слобода городом. Она давала ему и окрестным селам работу, меценатствовала над ним, открывала училища, строила храмы, была законодательницей вкусов. Рядом со слободой богател и город, но, богатея, терял власть и все чаще оглядывался на слободу: что скажут в Кяхте. Постепенно даже и в названии Троицкосавск стал подменяться Кяхтой.

Позднее Кяхта добилась почти невозможного. Единственная на всю Россию, она вытребовала себе право быть самоуправляемым городом. Формальное подчинение генерал-губернаторству мало что значило, что прекрасно понимали и в Иркутске, и в Кяхте. Граф Муравьев-Амурский, бывший в середине прошлого века восточно-сибирским генерал-губернатором, для отвода глаз назначил пограничным губернатором в Кяхту своего родственника Деспот-Зеновича, попавшего в Сибирь за вольнодумство. Странная водилась у прославленного графа родня: другой его родственник, не кто иной, как Михаил Бакунин, опасный государственный преступник, в 1861 году в роли доверенного лица кяхтинского купца Сабашникова бежал из Сибири на американском барке.

В обязанности пограничного губернатора входило первое разрешение могущих возникнуть между двумя государствами недоразумений, а также борьба с контрабандой. Вообще же городом управлял «Совет старшин торгующего на Кяхте купечества», который руководил торговлей, взимал налоги за чайное место, что давало хорошие деньги, и распределял их на торговые и городские нужды.

Нигде, кроме как в Кяхте... Эти слова объяснением, недоумением и удивлением не однажды возникают, когда знакомишься со старой историей города.

Начать с того, что ни в каком другом месте во всем свете Кяхта и не могла появиться, тут, в этом углу, где сходились разные религии, культуры и судьбы народов, и была ее точка, тут и велено было ей родиться. Возникнув из недр экзотики, она сама от начала и до конца была экзотикой, быть может, не совсем представляя, что это такое. Но она была российской территорией и обязана была подчиняться российским законам, не всегда удобно ложившимся на особенности ее занятий и быта.

Нигде, кроме как в Кяхте...

Между слободой и китайским городом Маймаченом, например, никаких ограничений и никакого контроля в движении туда и обратно не существовало: «Ходы куда хоты». Но по дороге из Троицкосавска в слободу, из одного российского пункта в другой, едва разделенных между собой полутора верстами, стояла таможня, обыскивающая пешего и конного, его величество и его нижайшество. Искать логику в российских законах и всегда-то представляло немалые затруднения, а в середине прошлого века законами по отношению к Кяхте управляло одно упрямство. Торговлю обязывали быть только меновой: вы нам чай и «китайку» (бумажное полотно), мы вам меха, мануфактуру и кожи. Однако китайцев товарный обмен не устраивал, они требовали за чай серебро и золото. Китайцы требовали золото, а русское правительство решительно, под страхом каторги, запретило пользоваться им в торговых операциях: или сбывай топоры и кожи, или закрывай дело. Вопрос стоял так: быть или не быть Кяхте, потому что ни китайцы, ни московские власти на уступки не шли, а таможне были даны строгие предписания. Чтобы вести торговлю, требовалось до мелочей, до сантиметра, грамма и копейки указывать в расчетных книгах, что на что меняется, дабы стоимость отданного товара точно соответствовала стоимости принятого.

Что оставалось кяхтинцам делать? От мала до велика они объединились в контрабанде. Это было великое надувательство не расположенных к ним установлений, о котором все знали, все участвовали и все закрывали глаза, делая вид, что ничего противозаконного не происходит. Торговля могла продолжаться на металл, она на него и продолжалась. «Экипажи делались с двумя днами, с потайными ящиками в оглоблях, осях, колесах, хомутах, дугах — словом, везде, где только была возможность устроить помещение для золота и серебра»,— свидетельствовал Д. И. Стахеев, журналист и писатель, в то время торговавший в Кяхте и хорошо знакомый с ее нравами. Присланный для борьбы с контрабандой губернатор Деспот-Зенович очень скоро разобрался, что к чему, махнул на свою миссию рукой и счел за лучшее заняться изданием «Кяхтинского листка», в качестве цензора защищая его от цензуры. Торговля шла на металл, а товар, указывавшийся в документах как меновой, оставался у купца и, путешествуя из Кяхты в Троицкосавск и обратно, в едином лице заносился в платежные книги и во второй, и в пятый, и в восьмой раз.

И так продолжалось десятки лет, в которые Кяхта не только не пострадала, а, напротив, расцвела — пусть и преступной, недозволенной, но от этого не менее привлекательной красотой. Построены были Гостиный двор в слободе и Гостиный двор в городе, к двум деревянным церквушкам прибавились три больших каменных собора, один из которых в слободе являл собой роскошь, недоступную, пожалуй, и столицам. Разбили бульвар, для орошения его провели водопровод, открывались именные училища, выписывались для них библиотеки. На путешественников этих лет, оставивших свои впечатления о Кяхте, производят сильное действие две вещи: яркая бутафория Маймачена, где по китайским законам близ границы не разрешалось жить женщинам, и вызывающее богатство слободы.

Ограничения на торговлю были сняты в 1861 году. К этому же году относится письмо декабриста Михаила Бестужева к своей сестре в Петербург, опубликованное позднее в «Кяхтинском листке». В письме младший из братьев Бестужевых, отбывавших ссылку в Селенгинске, рассказывает, как он со своими маленькими дочерьми приезжал в Кяхту и какой они ее увидели:

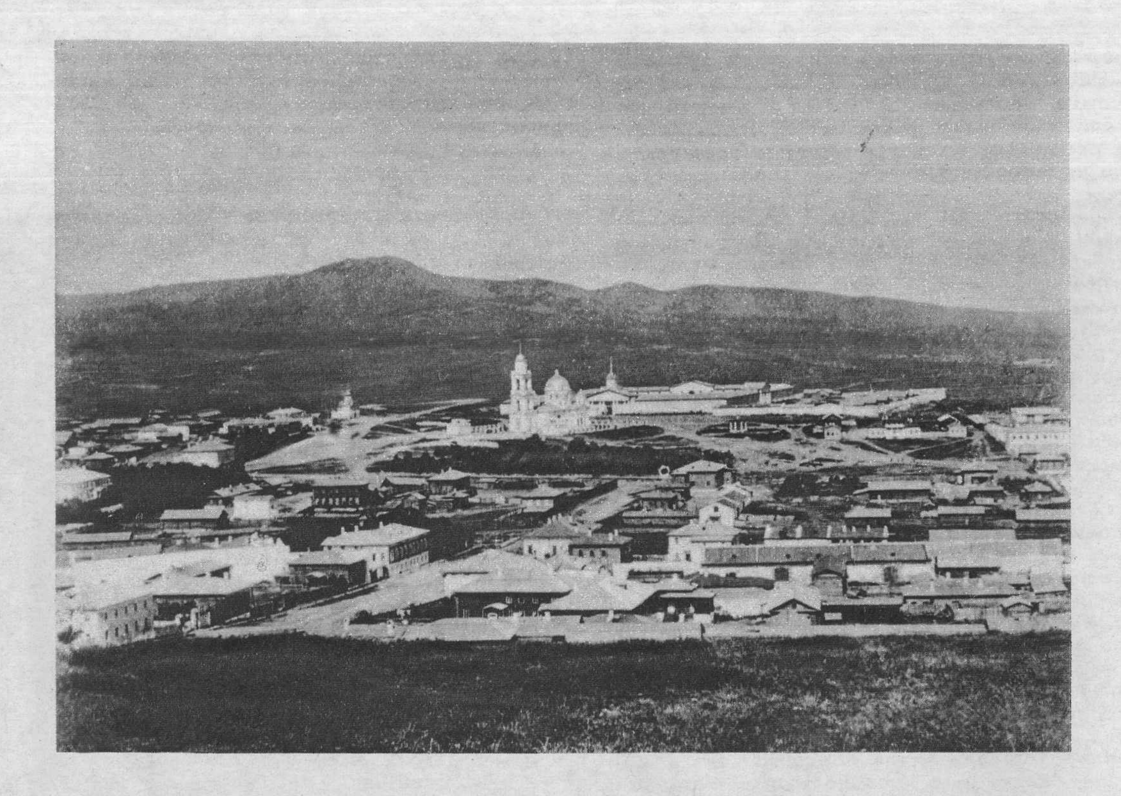
«Их все поражало, удивляло своею новизною. Вопросам и восклицаниям конца не было. По обеим сторонам улицы, по которой мы ехали, были устроены деревянные тротуары, окаймленные рядом тумб и фонарных столбов. Вечерело, жар схлынул, мы уже не глотали пыль. Толпы гуляющих, вызванные тихою прохладою вечера, тянулись по тротуарам длинною вереницею. Веселенькие, опрятные дома быстро мелькали мимо нас, но веселенькие глазки моей Лели успевали пробегать крупными золотыми буквами надписи над общественными домами, и она громко вскрикивала: вот детский приют, вот женская гимназия, а это приходское училище, аптека, типография и редакция «Кяхтинского листка», дом Общественного собрания... «Ах, папа! посмотри: какая огромная церковь... сад... там музыка. Да и танцуют там!» После мирной, почти келейной нашей селенгинской жизни их поразила эта деятельность торгового города, эти толпы китайцев, снующих по всем направлениям, эти бронзированные монголы на верблюдах...»

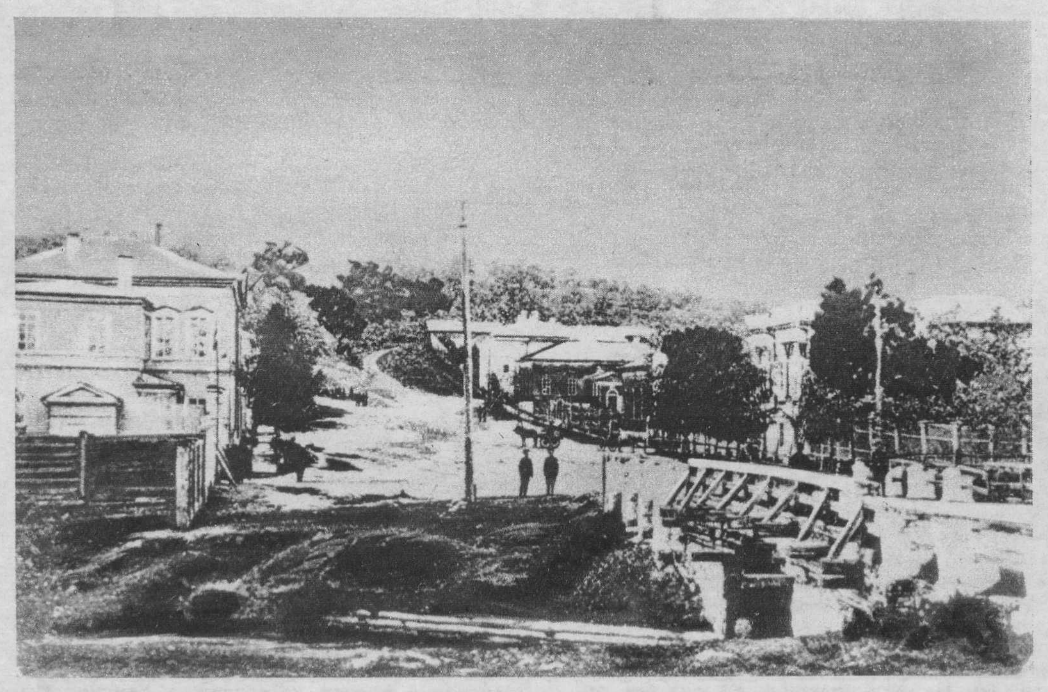
Остается добавить, что Михаил Бестужев, намеревавшийся прежде отправить свою дочь на учебу в Петербург к сестре, после этой поездки предпочитает оставить ее в Кяхте в гимназии С. С. Сабашниковой, матери впоследствии известной фамилии издателей.

Прошло более двадцати лет. В 1885 году в Кяхту впервые приезжает по судьбе политического ссыльного И. И. Попов, оставивший о себе в Сибири память общественной деятельностью и редактированием в Иркутске ядринцевских изданий «Восточное обозрение» и «Сибирский сборник». Попов был зятем самого видного кяхтинского мецената и прогрессивного деятеля из купцов А. М. Лушникова и прожил в Кяхте не один год. В своей книге «Минувшее и пережитое» он посвящает ей, пожалуй, самые полные, живые и интересные воспоминания. Не впечатления путешественника и гостя, а свидетельства очевидца и участника многих событий, читающиеся буквально взахлеб. Быть может, временами Попов описывает Кяхту излишне восторженно, но ведь и для восторженности нужно было сохранить настроение и не поддаться привыканию, которое способно сгладить и принизить все, что угодно. Чтобы этого не произошло, требовалась, конечно, далеко не обычная обстановка.

«Апартаменты кяхтинцев,— описывает И. И. Попов,— были обширны и располагались в двух этажах. Верхний этаж отводился под парадные комнаты. Комнаты всегда были со вкусом меблированы, и аляповатости меблировки купеческих семей России я не встречал в Кяхте. Картины, библиотека, музыкальные инструменты, биллиарды, иногда зимний сад и всегда роскошные комнатные растения, какие я редко встречал даже и в России. Усадьбы кяхтинских купцов занимали относительно обширные площади, с главным домом, флигелями, кухней, баней, службами, каретниками, конюшнями на десятки стойл, коровниками, конским и скотским двором, садом, где часто бил фонтан, и т. д. Дом кяхтинца — полная чаша, с массой челяди и служащих, с погребами редких вин и гастрономии, непосредственно выписанных из столиц, а то и из-за границы, с каретниками, полными разнообразных экипажей, конюшнями с кровными рысаками, выездными, верховыми, беговыми, рабочими лошадьми, каковых только для домашнего обихода содержалось 40—60. Для детей имелись ослики, у которых были также свои экипажи. Скотный двор был полон коров, всякой птицы. Все выписываемое было добротное, высокого качества. «Все равно втридорога платить — на бутылку целковый падает: стоит ли после этого дешевую дрянь выписывать»— так рассуждали кяхтинцы. И выписывали обувь, костюмы, обстановку и прочее из столиц, а дамские туалеты нередко от самого Ворта из Парижа. Известный портной в Петербурге Новотня находил выгодным для себя раз в год приезжать в Кяхту и брать заказы. Сняв мерки, он получал заказы и по телефону. Артисты, концертанты не боялись трястись от Иркутска и мерзнуть несколько сот верст — они знали, что гастроль с лихвой окупится».

Давайте переведем дух. Я позволил себе эту длинную выписку не только для того, чтобы показать, в какой роскоши купалась кяхтинская верхушка. Чего и ждать от удачливого прыща, за каковой можно принять Кяхту, где миллионер сидел на миллионере и погонял миллионером! Разумеется, выхвалялись друг перед другом, не без этого, богатство требовало демонстрации и шума. Но бешеное богатство могло являть себя бешеным безобразием и дурным вкусом, нередко так оно и случалось, за примерами и во всей России, и в Сибири далеко ходить не надо. В Кяхте же в продолжение прошлого столетия постепенно создалось в среде купцов независимое, образованное, с передовыми для своего круга взглядами общество, о чем у нас еще будет возможность поговорить. Общество, разумеется, небольшое, но влиятельное, к которому прислуживались и подражали. Соревнуясь во внешней демонстрации богатства, в нем принято было соревновать и в его благом употреблении. Со всем плохим и хорошим, замечательным, исключительным и непонятным это была все та же Россия, но протащенная через

Кяхта в конце XIX века.

Сибирь, порастрясшая по ее дорогам часть старых качеств и натершая часть новых, остановившаяся там, откуда по морям до Европы было ближе, чем до собственной столицы. Так или иначе это сказывалось на взглядах кяхтинского промышленника.

Вести выгодное дело — первая заповедь всякого торговца. От сибирского купца сама эта огромная и невозделанная земля потребовала расторопности, живого ума и образования, без которых еще можно было обходиться в XVIII веке, но не в XIX. В XIX, чтобы соперничать со своим братом-соотечественником и европейцем, приходилось присматриваться, как хозяйничает европеец, что имеет он в своем обзаведении, какие машины и приемы, угадывать, куда он в торговле метит. Случались среди сибиряка, разумеется, всякие экземпляры, но экземпляры случаются во все времена, и речь не о них. На фигуру кяхтинского купца повлияло, кроме того, пограничное положение города, в котором он жил, его даже и не отдаленность, а заброшенность, обрекавшая его на духовное нищенство и на влияние сильной соседней культуры. Одиночными и судорожными усилиями противостоять этому было нельзя, потребовались для поддержания порядка и духа постоянные общественные мероприятия и сборы. Так введены были аксиденции — местный налог за чайное место, дававший немалые деньги. В кяхтинце по всей логике вещей должно было взыграть самолюбие, подогреваемое богатством, и оно, разумеется, взыграло. Московское купечество ставит новый собор, краше старых, давайте и мы не поскупимся, а Боткину поручим договориться с итальянцами, чтоб ехали и постарались затмить Москву. Петербург одевается у Новотни, а мы чем хуже? Далеко, говорите, от Петербурга, неудобно ездить на примерку? Ничего, Новотня сам к нам приедет, не пожалеет. Княгиня К. заказала в Париже платье Ворту? Ну и мы закажем Клавдии Христофоровне — что за оказия! Если моя дочь показывает способности, отчего бы ей не брать уроки скульптуры у Родена? И верно, дочь А. М. Лушникова Екатерина у него их и брала, и Роден считал ее лучшей своей ученицей. В Кяхту приезжали на жительство из Германии и уезжали в Швейцарию, никого это не удивляло.

«Показать товар лицом» имело здесь широкий смысл. Это значило, во-первых, показать себя, свое твердое положение и европейские вкусы одновременно с демократичностью и широкостью натуры. Дочь могли выдать замуж за французского коммерсанта, сына женить на горничной. Американец Кеннан, написавший хорошо известную у нас книгу «Сибирь и ссылка», побывав в Кяхте, заметил, что земля мала: он встретил там и европейцев, и европейскую культуру, и продающиеся в лавке предметы из Нового Света. С. И. Черепанов, оставивший воспоминания о Кяхте 20—30-х годов прошлого века, уже в то время называет тамошних купцов «высокообразованными людьми, каких среди русского купечества не было». Едва ли верно, что не было, решительные противопоставления в таких случаях чаще всего несправедливы, но и на кяхтинских весах, составивших мнение, лежал, стало быть, не случайный груз местной культуры.

«Показать товар лицом» значило также показать свой город, который являлся здесь лицом России. Ясно, что кяхтинцы украшали и благоустраивали его прежде всего для себя, для сносного и даже красивого житья, чтобы меньше чувствовалась отдаленность, однако имел место и «показ». Рядом стоял китайский Маймачен, невольное соревнование с ним происходило постоянно, и во всем Кяхта не только не должна была ударить в грязь лицом, но и по многим статьям, не зависящим от традиций и нравов разных народов, превзойти. О том, как живут в Кяхте и как работают, судили вообще о русских. Почти на всех путешественников, переступивших границу, в Маймачене производили впечатление чистота и восточная нарядность города, а больше всего тучные и диковинные обеды из сорока — шестидесяти блюд. Мартос: «Не требуйте, чтобы я со всею подробностью описывал кухню китайскую, и многосложную до невероятности и совершенно новую для европейца, ибо это есть вещь едва ли возможная». Кеннан: «Если они устраивают ежедневно подобные обеды, то остается только удивляться, как эта раса еще не вымер-

ла. Человек, пообедавший подобным образом поздней осенью, может проспать, как медведь в своем логовище, без всякого питания всю зиму до следующей весны, если предположить, что он еще раньше не умрет вследствие несварения желудка». Кеннан имел решительное право на подобную оговорку: отобедавши в Маймачене раз, он провалялся в постели две недели и был болен три месяца.

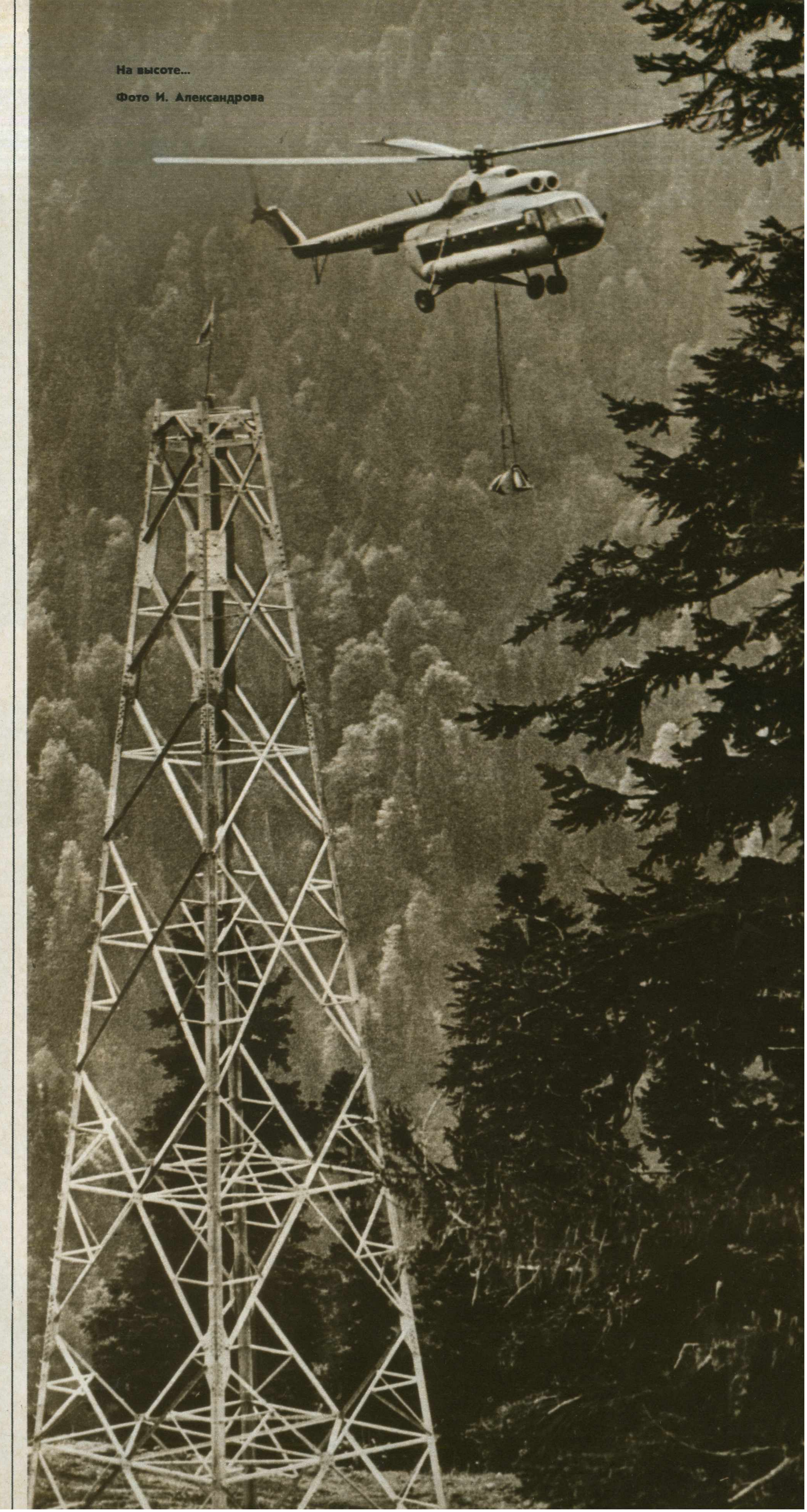
В Кяхте тоже любили угощать и нередко утомляли чаями, в которых не было недостатка, а возле ведерных самоваров не пустовали и столы, но не это главным образом оставалось в памяти после Троицкосавска и Кяхты, не меню заставляло вспоминать «песчаную Венецию», а нечто иное, что касалось образа жизни и мыслей, в некотором роде даже образа богатства, который имел здесь заметные отличительные черты.

Но «товар лицом»— это и в прямом смысле товар, умение торговать и отказ от нечистых средств в торговле. Вот это, пожалуй, оказалось труднее всего. В первое столетие торговли обе стороны соревновались в искусстве надувательства друг друга, не стесняясь в самых грубых и безобразных способах и оправдываясь детской логикой: «Он первый начал». Отдать предпочтение кому-либо в этом старинном искусстве было невозможно, хороши, что называется, были те и другие. Китайцы прятали в куски материи, которую не позволялось разворачивать, деревянные поленья, наши мастаки зашивали в лапки пушного зверя, продававшегося на вес, свинец. Китайцы серебро подменяли латунью, русские за песцов выдавали мангазейских зайцев. Китайцы чурку оборачивали свиной шкурой, зашивали и продавали за ветчину, русские укорачивали аршин. Дело докатывалось до прямого разбоя, что не однажды приводило к длительным перерывам в торговле. Нравы меняются не так скоро, как хотелось бы, и тем не менее при желании они все-таки меняются, и Кяхта тому доказательство. Шли годы, вместо вороватого и тороватого комиссионера со стороны появлялся купец, заинтересованный в долгосрочных прибылях, которые не могли постоянно держаться на обмане. Торговая община вырабатывала свои законы и заставляла соблюдать их всякого, кто рассчитывал быть жалуемым. Во второй половине прошлого века ко всему подозрительные китайцы полностью доверяли кяхтинцам. Сделки на огромные суммы обычно совершались под слово, и так же, как прежде обман, это стало порядке вещей. Из последних десятилетий до нас дошел только один случай, когда слово кяхтинца чуть было не лопнуло, но купечество, прознав об этом, выложило все свои наличные и спасло себя и своего собрата от позора.

Помню, меня приятно удивило, когда я узнал, что до революции Иркутск по числу учащихся на тысячу жителей был далеко впереди Москвы и Петербурга. Но с Кяхтой Иркутску не сравниться, она по этой части сто очков могла дать любому городу. В 90-х годах в ней насчитывалось 8—9 тысяч жителей, всего ничего, а работали городское училище, реальное училище, женская гимназия, ремесленная школа, четыре приходских училища, сиропитательная школа и т. д. И все они помещались в прекрасных зданиях и содержались в основном на общественные средства.

Из Кяхты вышли фамилии Боткиных, Сабашниковых, Белоголового, Прянишникова, послуживших России отнюдь не карманом. Издательница сочинений Ленина в России Водовозова — дочь кяхтинского купца Токмакова. В реальном училище преподавал И. В. Щеглов, известный сибирский историк. В войсковой русско-монгольской школе учился будущий знаменитый бурятский ученый Доржи Банзаров. Здесь жил и работал автор песни «Славное море, священный Байкал» Д. П. Давыдов. Сын декабриста Николая Бестужева А. Д. Старцев (он воспитывался в семье селенгинского купца Старцева и носил его фамилию) собрал лучшую в Европе библиотеку китайских манускриптов. В Кяхте снаряжали свои экспедиции исследователи Азии Г. Н. Потанин и Н. М. Ядринцев, Н. М. Пржевальский и Г. Е. Грум-Гржимайло, П. К. Козлов и В. А. Обручев, тут они подолгу живали и выступали перед кяхтинцами с лекциями, помогли открыть краеведческий музей и отделение Географического общества.

Окончание следует.

На высоте...

Фото И. Александрова

Возвращение Айна Урбаса

Лучшая помощница Урбаса — доярка Таммоя Сирье.

Вечерний чай.

Н. ХРАБРОВА

Фото И. ТУНКЕЛЯ

не сорок лет, тринадцать из них прожил я в городе,— сказал Айн,— и все тринадцать хотел переехать в деревню.

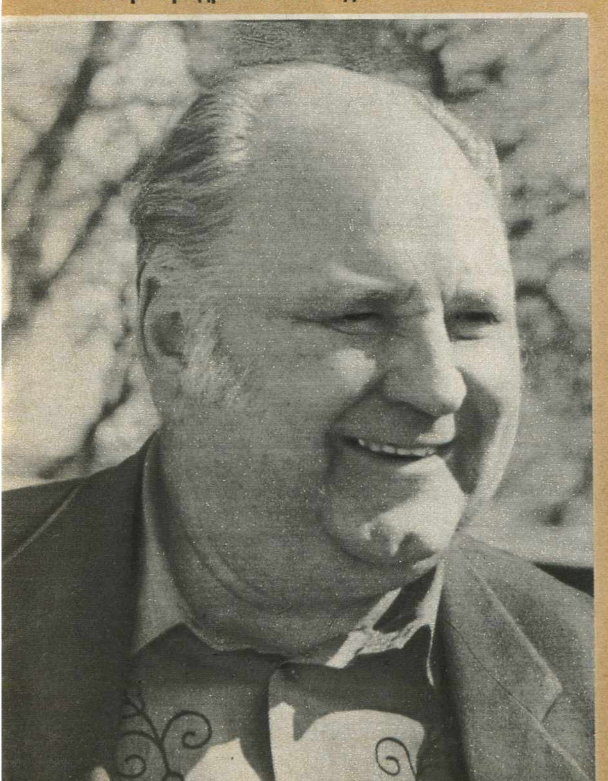
— Почему?

— У человека в деревне самостоятельности больше. И еще: дела в поле и на ферме отложить нельзя, тем и воспитывается в человеке чувство долга. Хочу, чтобы дети мои выросли в близости к природе, в нравственной атмосфере сельского быта. Мое дело — научить их трудолюбию, а там уж пусть сами решают... Но куда и как было ехать с семьей, ведь меня не только квартира, но и крыша над головой не ждала.

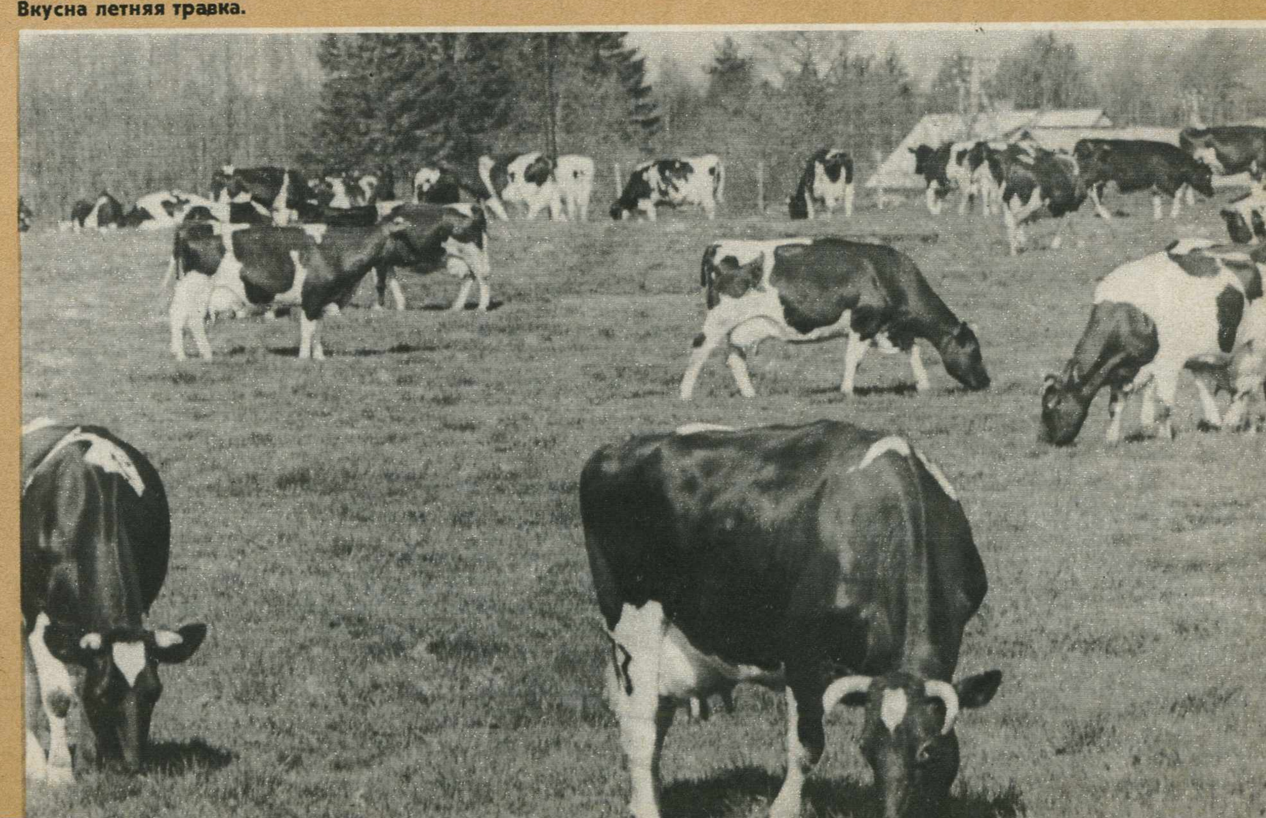
Мы разговариваем в маленьком кабинетике Айна Урбаса, инженера колхоза «Куусалу». Рядом механические мастерские, и Айн говорит, что не там и не в кабинете его главное рабочее место, а на фермах. Современные фермы... А я помню, как в каменный хлев, когда-то принадлежавший здешнему барону, были свезены коровы и снесены подойники и женщины в клетчатых передниках сами учились и коров приучали к новым условиям.

Нынче колхоз «Куусалу» один из лучших в Эстонии. В прошлом году в республике тринадцать хозяйств получили по 5000 килограм-

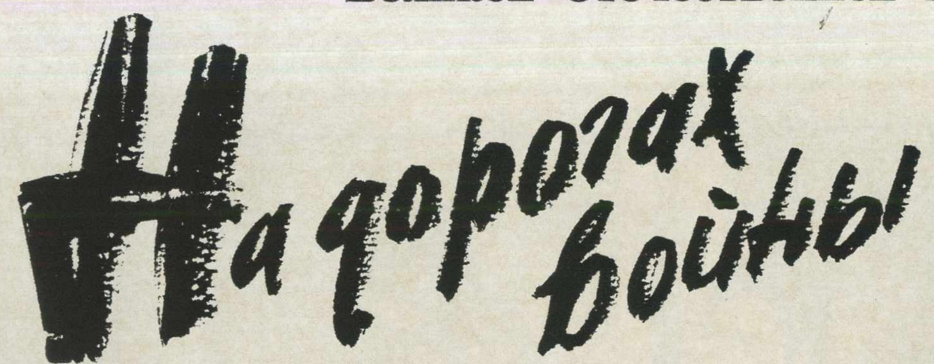
Оскар Фридрихович Колде.

Вкусна летняя травка.

К 45-летию начала Великой Отечественной войны

На дорогах войны

Максим
КОРОБЕЙНИКОВ

ИЗ ФРОНТОВЫХ БЫЛЕЙ

Снег и дождь давно смыли с земли кровь павших. Время заровняло окопы и воронки, и люди снова засеяли поля хлебом, восстановили города, понастроили много новых домов, проложили новые дороги.

И остались от того тяжелого и страшного времени памятники, обелиски, книги, картины, фильмы да наша память. Память о тех, кто счастливо прославлен, и тех, кто прошел сквозь войну незаметно, но столь же славно.

Я вспоминаю капитана Карпова, моего первого фронтового друга, командира стрелковой роты. Александр Федорович был родом из Новгородской области. Рассказывал мне, что отец его был председателем сельсовета. Саша Карпов был молод, худ и красив. Он все умел: звездочки на пилотки бойцам и кубари на петлицы средним командирам делал из жести консервных банок. Часы ремонтировал. Из двух-трех разбитых пулеметов «Максим» мог собрать один работающий. Ручки из плексигласа к ножам набирал. Был снайпером и уже в сорок первом имел Красную Звезду. В боях под Синявином увидел немецкий танк, брошенный экипажем, понял, что он на ходу, влез в люк механика-водителя и привел его к своим. Чтобы наши не подбили, поднял ствол вверх насколько было можно: дескать, сдаюсь! Добрый и душевный был парнишка. Рубашку последнюю отдаст товарищу. А вот ушел в разведку и не вернулся. Вся его группа пропала, как в воду канула, под Карбуселью в июле сорок третьего.

Вспоминаю Ишмурзина. Маленький, узкоглазый, с широким плоским лицом. Был в моей ячейке управления связным, когда я командовал ротой. Послал я его как-то во второй взвод, с которым связь оборвалась. Послал и жду, потому что должен был бы возвратиться, а его нет и нет, и послать некого. Побежал сам. Артиллерийский обстрел жуткий. Бегу по траншее, смотрю: из лисьей норы башмаки торчат. Потянул за них — Ишмурзин напуганный вылезает. Оказывается, укрылся в норе от огня да так и не мог от страха вылезти. Вытащил я его и послал во второй взвод с поручением: узнать обстановку и, вернувшись, мне доложить. Ишмурзин пошел, вроде повеселел даже. Вот прибежал он во второй взвод, а там их только трое в живых осталось. Некому оборону держать. Он у них и застрял. Весь день контратаки немецкие отбивал. Потом, после боя, пришел ко мне сержант, который там за командира взвода был, пришел и доложил, что Ишмурзин погиб. «Без него,— сказал сержант,— мы все погибли бы. Он один из пулемета «Максим» стрелять умел. Ну и уложил он их бессчетное количество». А когда бой кончился, Ишмурзин уже собирался в ячейку управления возвращаться, уже сержанту пообещал:

— Попрошусь у ротного пулеметчиком к тебе.

Побежал и в траншее опять под обстрел попал. Там-то его артиллерийский снаряд и разорвал в клочья.

Вспоминаю Степана Овечкина, капитана, с которым мы в дивизионной разведке были. Краснолицый, упругий, с пружинистой легкой походкой, был убит на марше. Маленький осколочек пробил череп — каску Овечкин не признавал — и остановил жизнь. Тут же, около дороги, похоронили. Надпись на столбике химическим карандашом сделали. И местность будто бы запоминающаяся была. А через двадцать лет был я в тех местах, проезжал по дороге, где он погиб, но не нашел захоронения: болото заросло кустарником и деревьями и стало неузнаваемым.

За платформой Турышкино шли мы на Шапки и попали под артиллерийский огонь. Начали все разбегаться кто куда. Я бросился в какой-то погреб. А там уже народу и без меня полно. Конечно, одного потеснил, он повернулся ко мне и говорит:

— Ну-ко, подвинься-ко, однако. Совсем задавил.

Я не обиделся, а, услышав в его голосе что-то с детства знакомое, родное, спросил, еще не видя его лица:

— Откуда вы родом?

— Дак ведь из тех же мест,— ответил он.

— Я спрашиваю серьезно,— повторил я свой вопрос.

Он повернулся ко мне:

— Я-то? Из Кирова, товарищ капитан.

— Так мы с тобой земляки.

— А откуда вы-то сами?

— С Большого Перелаза.

— Лико-лико,— говорит,— где повстречаться-то пришлось, а я из Верхобыстрицы. Знаете, поди, Верхобыстрицу-то?

В это время налетел самолет и начал из пулеметов бить. Мы все на дно опустились. Пролетел, а сосед так на коленях и стоит, не поднимается.

— Земляк, вставай, пролетел уже,— говорю я ему, а он, смотрю, мало-помалу набок, набок и падает ко мне под ноги. Посмотрел я на него а он уже мертв — двумя пулями сверху вниз прошило. Выходит, все пули, которые в погреб летели, на себя собрал. Когда самолеты ушли, выскочили мы из погреба и побежали, а земляк так навек там и остался безымянным. Никому до него дела не было: все старались это гиблое место быстрее проскочить.

А другой раз вылезли мы из болота. Мокрые, продрогшие—зуб на зуб не попадает. И

мов молока от коровы, среднее по республике — 4000.

— А у нас к концу года из-за небольшого перебоя неприятность вышла,— говорит Айн,— недотянули до верхней шкалы, надоили по 4963 килограмма от коровы.

Оно, конечно, неприятность, с одной стороны; а с другой — всем бы такие «неприятности», весом в 4963 килограмма молока... Коровьи жилища здесь вполне можно назвать залами — светло, чисто (еще бы, навоз удаляют четыре раза в день). Удобно и приятно работать в таких помещениях дояркам.

Айн Урбас родился в деревне, в семье колхозников. Тихеметсаский техникум окончил, отделение механизации сельского хозяйства. Распределили в Таллин. Сначала молодой специалист был очень доволен работой в руководящих организациях.

— Семьей обзавелся,— говорит он,— появилась у меня в городе квартира, и от села не отрывался: ездил по республике, помогал устанавливать доильные аппараты, учил доярок обращаться с ними. Часто бывал в колхозе «Куусалу». Нравилось мне здесь заинтересованное отношение к технике. Постепенно понял: нет, не в управлении, а именно в хозяйстве мое место. Инструкторские поездки — все рывком, нет представления о сделанном. Ну, и попросился в «Куусалу».

Тут следует сделать отступление о механизации ферм. В Эстонии она наладилась сравнительно быстро — с 1967 по 1976 год. И от начала до конца руководил и продолжает руководить этим процессом среди многих уходивших и сменявшихся один преданный своему делу человек. В разное время его должности назывались по-разному, а дело всегда оставалось постоянным, и служит он ему — не побоюсь сказать — вдохновенно. Человек этот — заместитель начальника отдела механизации сельского хозяйства Агропрома ЭССР Оскар Фридрихович Колде.

— Отток населения из деревни в город в пятидесятых и шестидесятых годах мог сказаться самым неблагополучным образом на эстонском породистом стаде,— рассказывает Оскар Фридрихович,— доярки в город подались. Медлить с заменой рук механизмами было нельзя. Замахнулись на «елочку», «карусель», а они были преждевременны, у людей не хватало достаточной подготовки. Механизация ведь не самоцель, она лишь способ получить хорошее и дешевое молоко. Сейчас у нас в республике две тысячи семьсот доильных установок, большинство с доением прямо в трубопровод! Подступаем и к «елочкам», «каруселям». А себестоимость молока одна из самых низких в стране. Среди прочих причин и та, что доярок, точнее, операторов машинного доения, сейчас вполовину меньше, чем в том году, когда начинали механизацию. Молодые специалисты после окончания сельскохозяйственных учебных заведений возвращаются в деревню, а не цепляются любой ценой за город.

...Это верно — еще не время бить в литавры, и рано говорить, будто первая стайка ласточек так уж и весну сделала. Но стихия отъезда в город поутихла, и молодежь в эстонских колхозах не пасует при виде ферм и полей. Хорошие квартиры, льготные условия обзаведения собственным домом, механизация труда, профессиональная образованность нового поколения,—пожалуй, все это пусть медленно, но надежно стирает грань между городом и деревней. Немало этому способствует агропром.

Агропромышленный комплекс страны в его сегодняшнем виде родился не на пустом месте. Методом проб и ошибок искала новых путей Молдавия. Осторожно, без особых срывов экспериментировали педантичные эстонцы и латыши, Грузия предлагала свой вариант. Теперь уже можно сказать: поиск шел в экономически развитых районах — и не случайно шел почти одновременно. Вот некоторые вехи на пути к агропрому в Эстонии. В августе 1975 года в республике образовано сельскохозяйственное объединение в Вильяндиском районе, в январе 1979-го — образовано такое же объединение в Пярнуском районе. Через два месяца, в марте, сельскохозяйственное объединение в Пярнуском районе переименовывается в агропромышленное: Вальтер Удам, секретарь Вильяндиского, затем Пярнуского райкомов партии, приходит к убеждению, что колхозы, совхозы и районная промышленность, в основном обслуживающая сельское хозяйство и его работников, должны быть объединены в одном хозяйственном органе.

Четыре года спустя, в марте 1983 года, создан Агропром Эстонской ССР.

Остановимся пока на одной интересовавшей Айна Урбаса проблеме. Помните, он говорил: «Куда и как ехать с семьей?»

А первое, с чего начал эстонский агропром, было строительство жилья: за три последних года в эстонских селах вступило в строй более 550 тысяч квадратных метров жилой площади.

Айн Урбас перебрался в колхоз «Куусалу» четыре года назад. Трудностей с переездом было немало. Но и большая поддержка была — Маре, его жена, учительница младших классов, тоже родом из колхозной семьи, ничуть не меньше хотела в деревню.

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА

тут, как на счастье, туман поднялся. Думаем: вот хорошо, что туман, значит, авиации нечего бояться. Кто-то даже команду по боевым порядкам пустил:

— Разжечь костры!

Начали костры разжигать. А кустарник не очень-то горит хорошо, валежника нет. Но солдаты — народ хитрый и смекалистый. Смотрим, уже где-то огонек задрожал, в другом месте как птица какая затрепетал. И у нас в роте нашлись мастера. Я подошел к солдатам, которые уселись кружком, а двое или трое костер шуруют. Вот и у нас сначала какие-то дымные колечки пошли, а потом и свет появился, сначала зыбкий, неуверенный, а потом как сердце выскочило и заполыхало. Кто-то уже котелок приспособил воды согреть. Уже костер как костер. Помню, солдат говорит, глядя, как в котелке над огнем снег незаметно темнеет и тает:

— Вот сейчас чайку согреем, кипяточком побалуемся.

И в это время команда прошла:

— Командиры рот к командиру батальона!

Я встал с нежеланием, так хотелось еще обогреться, обсушиться немного. Все-таки встал от костра, отошел, увидел, что уже совсем стемнело и кругом одни костры пылают.

Тут начали кричать:

— Погасить огонь! Возду-ух!

Кто-то быстро выполнил команду, кто-то еще медлил.

— Ну-ка, пульни туда! — раздался окрик. И в это время выплыл бесшумно из-за леса самолет, и полетели гранаты и мины. И когда я вернулся к своему костру, то оказалось, что мина, выброшенная с самолета, попала прямо в костер и погубила людей, которые грелись вокруг. Кругом все было черно, солдаты укладывали рядком убитых и проклинали немца, который подкрался к людям, нуждавшимся в обогреве, и порешил их всех до единого.

На Северо-Западном фронте весной в сорок втором году, помню, умирал боец из моего взвода, фамилию забыл. Как сейчас вижу, лежал он в траншее, думали, совсем кончился. А он поманил меня пальцем и говорит тихо, еле разберешь, громче уже не мог:

— Товарищ лейтенант, там у меня банка тушенки. Возьмите да с ребятами нашими съешьте. Хоть меня вспомните.

И вскоре умер.

А в медсанбате видел другую картину, и поразила она меня на всю жизнь. Солдата кладут на операцию — весь живот ему разворошило, а он хирурга спрашивает:

— Как там наш командир-то? Жив?

— А кто твой командир? — спросили его.

— Да как же кто — Вержбицкий.

Это он за командира дивизии перед смертью беспокоился.

Я вспоминаю также, как, развивая успех первого эшелона под рекой Великой, выскочили мы вперед и увидели, как лежат вповалку в огромной воронке раненые — кто в живот, кто в грудь, кто в голову. Между ними ползает санитарка, плачет и уговаривает:

— Ну, потерпите маленько. Сейчас машина придет. Ну, потерпите.

А через несколько минут, когда мы были на высоте, то увидели, что их накрыл шестиствольный миномет. Всех разбросало, будто сор какой.

И сколько таких историй можно было бы рассказать. И в каждой из них действующие лица — это наши люди, достойные нашей памяти. И каждое такое событие — трагедия, разрывающая сердце, когда на нее смотришь сейчас, издалека, много лет спустя.

Они не дошли до Дня Победы, не дожили до наших дней, и я кладу венок на их братскую могилу, и минута молчания, в которой склоняюсь перед памятью их, продолжается всю жизнь.

Колхоз не смог им сразу предоставить квартиру, однако у Айна хватило терпения каждый день в течение года ездить из города в деревню на работу. И вот получена в новом колхозном доме отличная квартира: четыре комнаты на пятерых — двое взрослых и трое детей...

Не знаю, правомерно или нет, но я все время веду отсчет сегодняшних колхозных дел от одного памятного дня, когда на моих глазах автобус с заводскими вербовщиками катил из колхоза в колхоз, увозя к городским удобствам молодых хозяев земли. Осень была, пусто в полях и горько в мыслях. Самое что ни на есть бурное воображение тогда не могло создать образ теперешних эстонских поселков. Современные, красивые, как с картинок архитектурных журналов, дома размещены не близко, но и не далеко один от другого и поставлены так, что и ландшафт их украшает, и они ландшафт. В «Куусалу» новые дома стоят углом к проезжей части улицы и почти у каждого подъезда легковые машины. Здесь большая, на 650 учащихся, школа, и Маре Урбас, переходя в своих начальных классах из одного в другой, и во втором, и в третьем, и в четвертом каждый день видит и учит двух своих сыновей — Марта и Индрека и дочь Маргит. У Айна в хозяйстве много дел: в просторных коровниках на оптимальном режиме две тысячи коров элитной черно-пестрой породы, и вся предшествующая и нынешняя работа ученых, зоотехников, операторов машинной дойки в немалой степени зависит от бесперебойной работы доильных установок.

— Аппаратура у нас хорошая, отечественная, производства Резекненского завода, — рассказывает Айн. — Хотелось бы только попросить резекненцев, чтобы доильные переносные ведра они делали получше, а то у нынешних стенки шероховатые, мыть трудно. Мы сами сделали трубопровод, а охладительные ванны и контрольно-измерительную аппаратуру из Кургана получаем, целая история, пока все состыкуешь. Хотелось бы, чтобы доильная аппаратура была более унифицированной. Безусловно, Оскар Колде прав: пока дойка прямо в трубопровод самая выгодная, и коровам лучше — не сбивают копыта, переходя по бетону. Но будущее, конечно, за доильными площадками, «елочкой» и «каруселью». Для этого операторов надо готовить. Моя задача в колхозе — уже сегодня моделировать новые установки применительно к нашим коровникам.

Кроме ежедневных дел в хозяйстве, за Айном сохранилась обязанность тренера эстонской команды доярок, в минувшем году эта команда на Всесоюзных соревнованиях мастеров машинного доения заняла первое место.

...Вечером мы идем в семью Урбасов пить чай. Все в сборе. Маре надела розовую кофточку и еще больше похорошела. Стол накрывают все вместе, и тут выявляются домашние обязанности и кулинарные способности каждого.

— За Маргит у нас стирка закреплена, — говорит Маре.

— Неужели и братьев обстирывает?

— И нас с отцом тоже.

— ?

— Так машина ведь стирает, — говорит четвероклассница Маргит. — Я с вечера сортирую и замачиваю белье, а назавтра, придя из школы, готовлю раствор стирального порошка и включаю машину. Развешиваем вместе с мальчиками во дворе или на чердаке.

— А я суп варю, — говорит Март. Биография такая: восемь лет, второй класс. Я уже не высказываю ни удивления, ни недоверия.

— Поделись опытом, — говорю.

— Ставлю на плиту воду, как закипит, сыплю вермишель, потом лью молоко, кладу соль, сахар, масло по вкусу. Мы с папой любим молочный суп. Я люблю очень сладкий и потому добавляю себе в тарелку еще четыре ложки сахару.

— А папа?

Маре, Март, Маргит и Индрек смеются. И Айн сознается честно:

— Тоже четыре.

— Индрек, а ты?

— Я специалист по котлетам, — скромно говорит третьеклассник Индрек. — Размачиваю в молоке булку, кладу фарш, перемешиваю; конечно, соль, перец, лук. Если еще немножко чесночка, то очень вкусно получается. Тем временем сковородка нагревается, и я жарю на медленном огне.

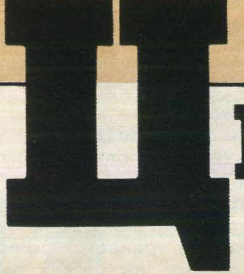
— Дети, — спрашиваю я с уважением и не без сочувствия, — а когда же вы отдыхаете?

— После обеда сделаем уроки — и на улицу до темноты: зимой коньки, санки, снежки, крепости. Раз в неделю вместе с родителями ездим в бассейн. Весной — велосипеды, экскурсии, ведем дневники пробуждения трав и цветов. Много хорошего в деревне!

— Дети, — упрекает Маре, — что же вы про чтение забыли?

— Не забыли, а еще не успели рассказать. У нас много книг и много газет, папа нынче детскую газету «Сяде» выписал в трех экземплярах, потому что каждому нужен свой вспомогательный учебный материал.

— Скоро у всех нас будет меньше свободного времени, — говорит Айн, — надеемся получить участок, станем все вместе дом строить и закладывать сад. И все будем делать на «отлично». А у кого вдруг учение и работа захромают, того на семейном совете отстраним от строительства.

ЦВЕТЫ НАШЕЙ ДРУЖБЫ

Мне много приходилось путешествовать по Индии. Пересекал эту страну с запада на восток, с севера на юг и на машине, и в поездах, и на самолетах. Но те впечатления, когда я впервые ступил на эту древнюю землю, из памяти не стираются, хотя прошло с того времени уже тридцать лет. Мы все были ошеломлены буйством тропической зелени, яркими красками, пестрыми нарядами женщин, незабываемыми восходами и закатами, иссиня-черным ночным бархатным небом, на котором, как бриллиантовая россыпь, сверкали крупные звезды. Об Индии тогда мы знали мало. Сотрудничество наше только начиналось. Помню, как пилот самолета, в котором мы летели из Калькутты в Бомбей, показал внизу на какие-то круги и прямоугольники, расчертившие плоскую выжженную равнину.

— Бхилаи,— услышали мы сквозь шум мотора это известное теперь каждому индийцу и советскому человеку слово. Да, эта стройка тогда только еще начиналась. Бхилайский металлургический комбинат был одним из первенцев советско-индийского сотрудничества.

Не знаю, большой это или малый срок — тридцать лет. Но если мерить его масштабами всего содеянного на ниве нашего сотрудничества, то итог будет весьма внушительным. Посмотрите на снимок завода, помещенный на центральном развороте. Так выглядит сейчас Бхилайский металлургический завод. Он дал стране десятки миллионов тонн стали, чугуна, проката. Бхилайская сталь, как и металл других заводов, построенных при сотрудничестве с СССР, идет на изготовление машин, оборудования, самой разнообразной продукции, выпускаемой целым рядом других крупных промышленных объектов, построенных при участии СССР, число которых составляет уже около шести десятков.

Расширились наши культурные и научные связи, а также контакты по государственной линии. Помню первый приезд в нашу страну выдающегося сына Индии, положившего начало сближению наших стран и народов,— великого Джавахарлала Неру. Мне выпала большая честь несколько раз встречаться и беседовать с ним в Индии, когда я работал там корреспондентом «Известий». Это был человек огромной эрудиции и вместе с тем очень простой в обращении и с большим чувством юмора.

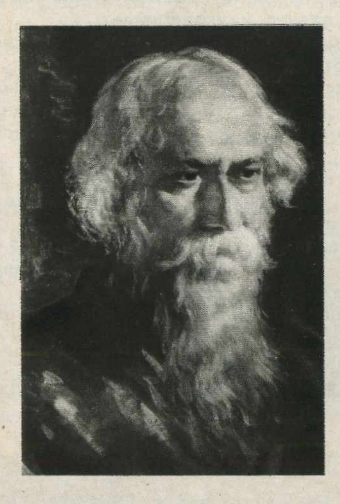
Неоднократно бывала в нашей стране его дочь Индира Ганди, ставшая через несколько лет после смерти отца у руля государственного правления страны. Приезжал в Советский Союз и сын Индиры Ганди Раджив, возглавивший индийское правительство после злодейского убийства его матери.

— Мы знаем, сколько страданий перенес ваш народ во время войн, происшедших после вашей революции,— сказал в своем телеобращении к советскому народу в прошлом году премьер-министр Индии.— Мы знаем, какие жертвы выпали на долю каждой советской семьи. Из мук и крови произросла роза вашей любви к миру, подобно тому, как из страданий, которые во время колониализма терпели мы, вырос лотос нашей надежды и решимости...

Раджив Ганди призвал тогда бережно лелеять эти символические цветы. И этот призыв находит отклик в сердцах всех советских людей, испытывающих чувства искренней симпатии и дружбы к великому индийскому народу.

Ю. ПОПОВ

В мае этого года исполнилось 125 лет со дня рождения великого индийского поэта, общественного деятеля Рабиндраната Тагора. Предлагаем новые переводы его стихов.

Рабиндранат ТАГОР

ИЗ КНИГИ «САД ПЕСЕН»

●

Во тьме, у истока времен, занимался
рассвет.
Измучась молчаньем за тысячи лет,
Земля вопрошала: «Когда, одолев немоту,
я речь обрету?»

Приди, словно утро, поэт,
ради жизни приди —
рождается солнце, и огненный день
впереди,
и свежие ритмы опять
готовы звучать
рассвету вослед,
и небо омыто росой,
и рушится сумрак пустой,
и властвует свет.
Приди, и да вновь зазвучит, западая
в сердца,
твой зов, твоя песня во славу творца,
несущего свет новизны,
того, кто приносит добро, а не зло,
и смотрит светло
на толпы людей с вышины,
того, кто вручает свои письмена
тебе, одинокий поэт,
и снова душа твоя потрясена,
охвачена болью разлуки и бед,
но воздухом благоуханным
свободная песня полна,
и тронута светом багряным
небесная голубизна.

●

Прятаться, таиться в трудный час не буду,
умирать от страха каждый раз не буду.
Правя лодкой старой, перед бурей ярой
падать ниц, сдаваться, не борясь, не буду.
Унижаться, жить, склонив чело, не буду!
Примиряться с вами, грязь и зло, не буду!
Выйду в путь далекий, честный и нелегкий —
беды одолею, долг не позабуду!

●

Кого ты наполнишь силой,
если сам ослабел?
Проснись от спячки унылой,
будь упорен и смел.
Себя побеждай, не бойся
сражаться с самим собой.
Вселенная отзовется
по-братски на голос твой.
Идти, отважен и стоек.
В дороге беды грозят,
но ты не страшись. Не стоит
оглядываться назад.
Страх — не зло мировое.
Он у тебя в груди.
Но ты по собственной воле
сам его победи!

●

Взгляни на близких — сколько лиц
печальных!
А как мрачны и скорбны лица дальних...
Не падай духом, брат, не отрекайся
от замыслов своих первоначальных.
Одна дорога у тебя, мой брат,
спеши, не поворачивай назад,
верши свое и не служи чужому,
не бойся осужденья и преград.

●

Встала новая заря —
пламенеет небосвод.
Не теряй минуты зря,
не пытайся наперед предугадывать исход.
Брось расчеты — жизнь зовет!
Водопад с отвесной кручи вниз бросается,
кипучий.
Так и ты дерзай! Вперед,
в мир неведомый и жгучий —
без унылых опасений, и сомнений, и забот!
Пусть преграды нарастают, но и мужество
растет.
Ты свои познаешь силы,
побеждая мрак унылый.
Барабан победы бьет. Время не теряй —
вперед!

●

Ох, захмелела моя душа —
тщетно ты ей прекословишь!
Тянется к небу, свободно дыша,—
разве ее остановишь?
Страх и смятенье в твоей крови,
с ними расстанься и вольно живи —
счастье догонишь, изловишь!
Ох, захмелела моя душа,
кружится, пляшет, легка, хороша —
разве ее остановишь?

●

Не бойся, не бойся, не бойся никого!
Гони беспокойство из сердца своего!
Смелость рождая, смерть побеждая,
крепнет живая сила души.
Старые путы свои разрывая,
не уставая, кружись и пляши!

●

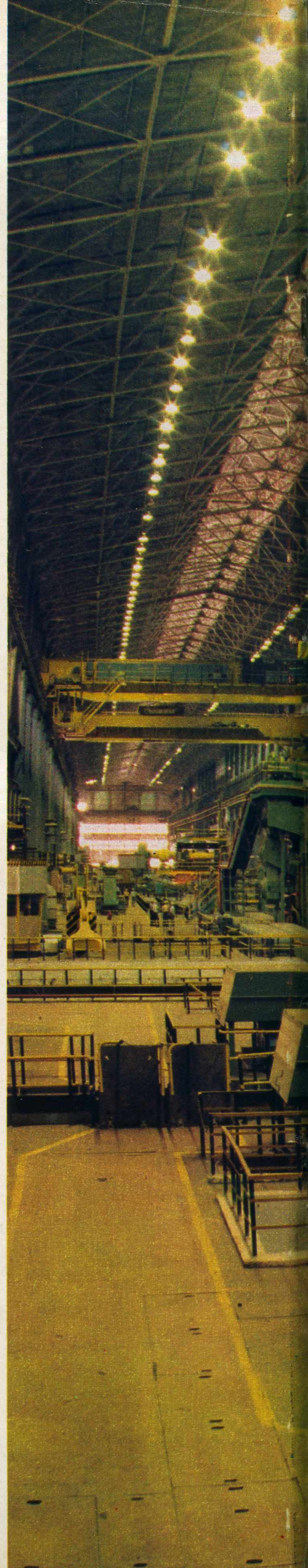
Брат мой! Не бойся грядущей беды.
Мы не сдадимся, не будем в неволе,
и не изгладятся наши следы,
и затоптать мы себя не позволим.
Будет беда, и нужда, и вражда,
будет дорога печали и боли.
Бросить без помощи мы не позволим
друга и брата в беде никогда!

Перевел
Михаил КУРГАНЦЕВ

Девушка из штата Матхья-Прадеш * Ритуал «Вечерняя зорька» в Нью-Дели на празднике Дня Республики.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Их связала тесная дружба * У древних руин мечети Кутуб-Минар в старом Дели * Прокатный стан «3600» на металлургическом заводе в городе Бхилаи.

Фото В. КОРНЮШИНА

HKM3
HKM3
SAFETY FIRST
SAFETY SAVES

К 175-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. Г. БЕЛИНСКОГО

...Талант — та же земля, но которая вместо хлеба родит истину.

БЕЛИНСКИЙ

Любимое слово: ИСТИНА

Игорь **ЗОЛОТУССКИЙ**

I

Все мы дети своего века, своего времени. Но мы еще и дети своих отцов. Вглядываясь в облик отца Белинского, я думаю, как много Белинский взял от него.

Отец Белинского был уездный лекарь, а до этого служил во флоте. Он, как и его сын, учился на казенном коште. Он живот положил для исцеления и спасения народа.

Григорий Никифорович Белинский, сын священника, не окончив Тамбовской семинарии, отправился в Петербург и поступил в Медико-хирургическую академию. По тем временам это было одно из лучших учебных заведений в Европе. Он окончил академию и стал плавать на судах врачом. В 1812 году он участвовал в сражении с наполеоновским флотом у Митавы и был награжден серебряной медалью.

Эта медаль лежит на полке книжного шкафа в доме-музее Белинского в бывшем Чембаре.

В Чембар он переехал в 1816 году, когда Виссариону было пять лет. Дом Белинских стоял на базарной площади, возле его окон устраивались ярмарки и шумела торговая жизнь. А через крыльцо шли в дом крестьяне и дворяне, купцы и разночинцы. Их принимал в небольшой комнате у входа штаб-лекарь Белинский. Он был человек насмешливый и независимый. Он читал Вольтера. Сочинения Вольтера и книга «Житие Петра Великого» были его настольными книгами.

От отца Белинский перенял любовь к Вольтеру и к Петру Великому. Позже он стал иронически относиться к Вольтеру, а Петра всегда считал национальным гением. В Петре его восхищала идея ломки, реформы, полного обновления жизни.

От отца он взял и уроки истового служения долгу. Григорий Никифорович неделями отсутствовал дома. Он выезжал на роды, на эпидемии, на вскрытия тел. Когда надо было отправиться к больному, он отправлялся в любой день и час.

В семье Белинских жили трудно — характеры у отца и у матери были тяжелые,— но жили честно. Простота обстановки и убранства дома бросаются в глаза, когда бродишь по комнатам музея.

Белинский окончил уездное училище, а затем поступил в Пензенскую гимназию. Учился он неровно.

Пройдет несколько лет, и Белинский будет исключен из университета с формулировкой «по слабому здоровью и притом по ограниченности способностей».

То, что не могли дать науки, дало чтение.

Критик начинается с чтения, начинается со вкуса. Вкус это не только умение ценить изящное и наслаждаться изящным, но и школа добрых чувств. Чувство прекрасного Белинский назвал «условием человеческого достоинства» и «основой добра».

Юношеские тетради Белинского заполнены стихами. Своим красивым почерком он переписывал стихотворения Жуковского, Батюшкова, Пушкина.

Критики рождаются там, где есть литература. Критики рождаются там, где «писатели выговаривают народное содержание».

Белинский родился за год до событий 1812 года. В известном смысле он, как и Пушкин, и Гоголь, и все гении первой половины века, был дитя этих событий. Именно тогда русская интеллигенция, может быть, впервые так остро осознала свою вину перед народом и захотела искупить ее.

II

В своей первой крупной работе — статье «Литературные мечтания» (1834) — Белинский напал на редуты официальной словесности, разнес их в клочья. От многих «талантов» не осталось и следа. «Гении в отставке без мундира» были им действительно отправлены в отставку.

Белинский начал с критики, с расчищения места для подлинных гениев и истинных талантов.

К счастью, они в России уже тогда были. Белинский не собирался делать из них идолов, но он отдал им должное. И хотя он произнес в этой статье свою знаменитую фразу «у нас нет литературы», это была крайность. Крайность, брошенная в мир, чтоб возбудить споры и прения.

Моя жизнь, моя сущность — полемика, говорил он. Я без полемики сохну, без полемики вяну. Лучшие статьи Белинского написаны как ответ на чье-то мнение, как опровержение противного образа мыслей. Таковы «Менцель, критик Гете», «Педант», «Письмо к Гоголю», «Ответ «Москвитянину». В своих спорах он нередко оказывался на «краю» истины, но тут же его мысль отшатывалась от края, устремлялась в «центр», чтоб потом, впрочем, вновь очутиться на краю.

Колебания в точках зрения Белинского поражают, но это колебания чистого сердца и неудовлетворенного духа. Нет истины, на которой Белинский остановился бы, в которой бы закоснел, если жизнь и литература отвергли их как заблуждение, как увлечение. Нет идеи, которой бы он не пересмотрел, если ему указал на ошибочность этой идеи чей-то гений.

«Истина открылась человечеству впервые — **в искусстве...»**,— произнес он как-то и с тех пор держался этого мнения, отдавая ему первенство перед всеми другими.

В нем слишком было сильно непосредственное чувство искусства, чтоб он во имя теории мог отвергнуть само искусство. К истине его выводила не теория, не философия, не социальные трактаты, а слово, образ и поэзия.

Он и критику превратил в поэзию, взял у поэзии ее черты: воображение, огонь, ритм. Статьи Белинского — вдохновенные поэмы о русской литературе, которые в иных своих частях кажутся сейчас, может быть, архаичными, как архаичен стих «Илиады» и «Одиссеи», но это илиады и одиссеи мысли прошлого века. Белинский назвал «Евгения Онегина» энциклопедией русской жизни, но он и сам создал энциклопедию умственного развития России от Ломоносова до Гоголя.

Читая журналы тех лет, когда Белинский явился на литературном поприще, видишь, как бедна была критика, как ее почти не существовало. Были лекции Мерзлякова, обзоры А. Бестужева, статьи Вяземского, И. Киреевского, сам Пушкин выступал в роли оппонента Булгарина и его партии, но критики как таковой не было — не было этой родной сестры поэзии и прозы, которая, доводясь им младшей сестрой, все же имела бы свой голос, свое мнение и высказывала его суверенно.

До Белинского критика писалась поэтами и учеными, ею баловались образованные люди и предназначалась она для десятков людей. Белинский вынес критику «в публику», предпочтя публику салону, комнате редакции или «субботам» на дому литераторов.

До него критические статьи читали по преимуществу литераторы (они и спорили друг с другом, отвечая на взаимные попреки), с выходом в свет «Литературных мечтаний» с критикой стали считаться как с силой, которая, влияя на умы, может повлиять и на действительность.

«Знаете ли, что наиболее вредило, вредит и, как кажется, еще долго будет вредить распространению на Руси основательных понятий о литературе и усовершенствований вкуса?— восклицал в этой статье Белинский.— Литературное идолопоклонство! Дети, мы еще все молимся и поклоняемся многочисленным богам нашего многолюдного Олимпа и нимало не заботимся о том, чтобы справляться почаще с метриками, дабы узнать, точно ли небесного происхождения предметы нашего обожания».

Пушкин, ознакомившись с этой статьею, где, кстати, была произнесена фраза «кончился и сам Пушкин», решил пригласить молодого человека в свой журнал.

III

«Летопись жизни Белинского», изданная в 1924 году, не изобилует событиями, переменами в жизни героя, а полна списков отрецензированных им книг. Списки эти год от года растут, заполняя почти все пространство биографии, не оставляя места отдыху, развлечениям, путешествиям. Белинский мало путешествовал. Он только раз навестил Чембар, когда учился в Москве, потом совершил со Щепкиным поездку в Крым, затем перед смертью побывал на лечении в Европе. Тогда он увидел Берлин, Брюссель, Париж.

Работа критика — работа книжная. Это каторга журнального существования, которая обязывает на все откликнуться, все заметить. Мы помним великие статьи Белинского, но в списках отрецензированных им книг есть и «Вестник парижских мод», и гомеопатический лечебник, и «Огородник», и методики, пособия по шелководству, грамматики, собрания рецептов. И рядом—Гете, Шекспир, Державин, Пушкин, Гоголь, Гончаров, Лермонтов, Достоевский, Бальзак, Диккенс, Шиллер, Гофман — все вершины XIX века.

Критика была для Белинского не только любимым делом, но и средством к добыванию куска хлеба. Она его кормила и кормила плохо. В те годы занятия критикой не приносили доходов.

Вот краткая, и страшная в своей краткости, запись, извлеченная из архива церкви на Волковом кладбище в Петербурге, где похоронен Белинский: «Виссарион Григорьев Белинский. За копку могилы 1 руб. За катафал 2 руб... За место по 5 разряду 5 руб.».

Пятый разряд — это разряд, по которому хоронили бедняков. Белинский и был бедняк. Вечно ему ссуживали деньги то Герцен, то Анненков, то В. Боткин. Да и лечиться он поехал за границу на деньги, собранные по подписке. И хоронить его было не на что — опять собрали с тех, кто мог дать.

Белинскому едва минуло двадцать лет, когда он впрягся в лямку журнала. С тех пор он, не отрываясь, стоял у конторки. Упал этот хомут с его шеи только по его смерти.

◄ В. Г. БЕЛИНСКИЙ. 1843 г. **Художник К. А. Горбунов.**

Что спасает творца при таких нагрузках? Что позволяет ему выстоять, устоять, разгребая авгиевы конюшни литературы, сохранить уровень? Талант. Талант, как правило, дается не один. Ему придаются энергия, самоотвержение, воля. Все силы таланта брошены на работу, он все отдает обществу, но и все забирает у своего обладателя.

У Белинского он забрал здоровье. Письма Белинского — жалобы на свою кабалу. Но в них дышит и восторг по поводу предоставившейся ему участи. Мы апостолы просвещения, пишет он в одном письме. Апостолы отрекаются от всего житейского во имя высшей идеи. Они питаются хлебом и рыбами, но их дух поддерживается их верой.

Кто бывал у подножия Парнаса в Греции, тот знает, что у основания этой горы течет чистая вода. Источник бьет из камня и уходит в землю, и кто попьет этой воды или умоется ею, может помолодеть, выздороветь.

Так пьешь из статей Белинского. Живая вода литературы переливается в них. Статьи Белинского поднимают тебя высоко, как высоко поднимала тех, кто встречался с ним, личность Белинского.

На страницах журнала это был неумолимый судия и исполнитель приговора, в жизни — добрый, участливый человек.

Так же страстно, как он любил детей, любил он и таланты. Белинский говорил, что критику часто понимают только как осуждение, порицание, вынесение вердикта о неспособности данного автора пребывать в списках литературы. Это ошибка, добавлял он. Конечно, «критика более или менее есть сестра сомнению», но и у нее есть идеал. Этот идеал — творения гениев и талантов, которые помогают критике установить иерархию ценностей.

«Мы, наконец,— заявлял он,— хотим владеть сокровищем немногим, но истинным. А что то за сокровище, которое беспрестанно боишься потерять? Что тот авторитет, который каждую минуту готов пасть? Что та за истина, которая боится исследования, темнеет от взоров ума? Нет, пусть будет воздаваемо каждому должное, пусть заслуга пользуется уважением, а бездарность обличится и всякий займет **свое** место!»

Так заняли свое место на страницах его писаний литература толкучего рынка и сочинения Пушкина, Гоголя, Гончарова. В 1835 году, когда Гоголя знали только как создателя «Вечеров на хуторе близ Диканьки», а к его новым повестям, вошедшим в «Миргород» и «Арабески», только присматривались, Белинский провозгласил Гоголя первым среди русских поэтов. Когда погиб Пушкин и раздались звуки музы Лермонтова, он Лермонтова назвал наследником Пушкина.

Зато когда талант такого прекрасного поэта, как Языков, «остыл», Белинский прямо сказал ему об этом. И Языков был вынужден признать правоту критика.

Не остывает только гений. «У гения всегда есть инстинкт истины и действительности...» Гений как бы наполнен бессмертным веществом, исчерпать которое невозможно.

Тема гения — особая тема Белинского. Гений — выразитель чаяний нации. Гений — крупная звезда, по которой, как по звездам на небе, можно отыскать верный путь.

Вот почему Белинский то и дело возвращается к творениям гения. Он мог уже однажды писать о них, разбирать их, но минует время, и рука сама тянется истолковать уже истолкованное, уже объясненное. Так пишет он — немало сказав о Пушкине — одиннадцать статей о Пушкине. Так постоянно возвращается к прозе Гоголя, считая, что он в долгу перед Гоголем.

Литературу, повторял Белинский, судят не по обыкновенным талантам, а по гениям. Таланты образуют с гением один горный массив, но гений — вершина, а таланты — основание.

Будь то Пушкин или Петр Великий, они равно видят, что в данный момент потребно их отечеству. Они видят со своей высоты то, что не видно другим.

То же и Гоголь, Шекспир, Гете.

Белинский сначала не признавал вторую часть «Фауста», находя ее напыщенной и темной, но потом обнаружил в ней великие мысли. Он долго отказывал Карамзину в преобладающем влиянии на содержание русской литературы, но потом понял, что без Карамзина она была бы иной. Он и о Гоголе хотел написать несколько статей, чтоб, уже после «Письма к Гоголю»,— сказать о нем все.

IV

Путь критика — это путь литературы. Но это к тому же еще и просто **путь.** Это зигзаги, как говорил Белинский, и скачки пути, это лихорадка исканий, которые есть не только искания образцов, примеров в литературе, но и искания смысла жизни.

Так Белинский покончил с «риторической» школой в литературе и открыл путь школе «натуральной». Так было и тогда, когда он новому периоду в литературе дал имя гоголевского.

Он мог спорить с Гоголем, не соглашаться с ним, даже метать в Гоголя перуны, но это не могло поколебать его понимания необъятности гения Гоголя, которому он в своей последней статье «Взгляд на русскую литературу 1847 года» поклонился перед кончиной.

Вот последние строки этой статьи Белинского, говорящие о благородстве его сердца: «Надо иметь терпимость к чужим мнениям. Нельзя заставить всех думать одно. Опровергайте чужие мнения, не согласные с вашими, но не преследуйте их с ожесточением потому только, что они противны вам; не старайтесь выставлять их в невыгодном для них свете не в литературном отношении. Это плохой расчет: желая выиграть больше простору вашим мнениям, вы, может быть, этим самым лишите их всякой почвы».

Это написано после «Письма к Гоголю», после расхождения, после того, как Белинский, кажется, начисто отверг курс корабля Гоголя.

Есть люди, упорствующие в своих заблуждениях. Они выдают заблуждения за верования, за истину, которая незыблема и не подлежит ни пересмотру, ни ударам критики. Но что это за критик, если он не может критически взглянуть на себя?

«...Чем сильнее человек, чем выше он нравственно,— утверждал Белинский,— тем смелее он смотрит на свои слабые стороны...» Он относил это свойство не только к отдельному человеку, но и к нации, к народу. «Народ слабый, ничтожный или состаревшийся, изживший всю свою жизнь до невозможности итти вперед, любит только хвалить себя и больше всего боится взглянуть на свои раны...»

Эти мысли мелькают у него посреди разборов стихов или прозы, они являются как-то естественно, сами собой, не принуждая текст отвлекаться от предмета, не отрывая его от самой литературы.

У Белинского всегда так. Он не может удержаться в пределах разбираемого произведения и толковать только об эпитетах, метафорах и рифмах. Он тут же взыскует идеи, большой мысли, которая вынесла бы его к нуждам общества, нуждам момента. Берется ли он писать о Татьяне Лариной, он пишет этюд о воспитании, о месте женщины в семье, в быту, в свете, о любви-страсти и любви по родству душ, о том, наконец, что означает любовь в жизни человека.

Приноравливаясь к «злобе дня», он никогда, впрочем, не снижает уровня, не теряет высоты критериев, не приносит искусства в жертву «направлению».

«Теперь многих увлекает волшебное словцо «направление»,— оговаривается он,— думают, что все дело в нем, и не понимают, что в сфере искусства, во-первых, никакое направление гроша не стоит без таланта, а во-вторых, само направление должно быть не в голове только, а прежде всего в сердце, в крови пишущего, прежде всего должно быть чувством, инстинктом, а потом уже, пожалуй, и сознательною мыслию,— что для него, этого направления, так же надобно родиться, как и для самого искусства».

Как ни дорожил Белинский своими заветными идеями, как ни ставил высоко в конце жизни «дельность» поэзии и прозы, он не был паладином какой-то «школы» или направления. Он был паладин литературы.

Стоя горой за «натуральную школу», видя в ней будущее русской реальной словесности, он сознавал, что многим из творцов этой школы недостает «художественности». Порой он раздражался на эту самую «художественность», ругал ее за то, что она якобы не служит очевидной пользе, но затем вновь обращал свои взоры к гению, как мере истины в искусстве.

«Гений — инстинкт, а потому и откровение,— писал он,— бросит в мир мысль и оплодотворит ею его будущее, сам не зная, что сделал, и думая сделать совсем не то!»

Очнувшись от сна гегелева учения, внушавшего ему, что действительность отвлеченного духа выше действительности самой жизни, он ополчился на «гнусную действительность».

Увлекаясь, он начинал думать, что ради изменения этой действительности, ради устранения страданий миллионов можно пожертвовать жизнью тысяч. Что кровь тысяч в сравнении с унижением миллионов? — спрашивал он и отвечал: людей надо насильно вести к счастью. Но тут же обуздывал свой порыв. «Нам с Вами жить недолго,— писал он в 1847 году Кавелину,— а России — века, может быть, тысячелетия. Нам хочется поскорее, а ей торопиться нечего».

Читатель, знакомящийся с этими высказываниями Белинского, может удивиться их противоречивости. Но таков Белинский. Его нельзя разбирать на цитаты, рвать на цитаты. Важен контекст, который есть одновременно и контекст литературы и контекст его жизни, из которых не изъять ни строчки.

V

«...России нужен новый Петр Великий»,— мечтал Белинский. Он имел в виду не только исторического деятеля, способного возглавить государство, но гения в литературе.

Он уже заметил Достоевского, поддержал Достоевского. Трогательно читать его записку к молодому автору «Бедных людей»: «Достоевский, душа моя (бессмертная) жаждет видеть Вас. Приходите, пожалуйста, к нам, Вас проводит человек, от которого Вы получите эту записку. Вы увидите всё наших, а хозяина не дичитесь, он рад Вас видеть у себя».

Трогает тон этого послания, как бы предупреждающий стеснительность Достоевского.

«В последний год его жизни я уже не ходил к нему,— вспоминает Достоевский.— Он меня невзлюбил, но я страстно принял тогда всё учение его». Это учение привело Достоевского на Семеновский плац. Но те мгновения, когда Белинский восторженно простер к нему руки, как бы предугадывая его значение для литературы, не стерлись в памяти Достоевского. Он вышел тогда от Белинского «в упоении».

Белинский не принял фантастических повестей Достоевского. Белинскому казалось, что он ошибся в «Достоевском — гении». Но в его отзыве на «Двойника» сквозит вера в «слишком богатый силами талант» автора. Белинский обнаруживает в этой повести «огромную силу творчества». А в «Господине Прохарчине», которого он тоже не приемлет, сверкают, по его мнению, «яркие искры большого таланта».

Так пишут великие критики о великих писателях. Так они отзываются об их произведениях в тех случаях, когда эти произведения им не по душе. И еще делают сноску: «Может быть, мы ошибаемся», как сделал ее Белинский.

Григорович и Даль, Герцен и Тургенев были ближе Белинскому по направлению, чем, скажем, Гончаров. Но о Григоровиче он писал, что тот лишь блестящий мастер очерка, а повесть у него не получилась, что рассказы Даля представляют «физиологический» интерес, что сила Герцена «не в творчестве, не в художественности, а в мысли...». Фантазия у Герцена, пояснял он, «является на втором месте, а ум — на первом», и «совершенную противоположность составляет с ним в этом отношении автор «Обыкновенной истории» — «он больше, чем кто-нибудь теперь, поэт-художник».

На поэта-художника и были упования Белинского. На поэта-художника и на публику. Публикой он называл мыслящего читателя, читателя-друга, которому и посвящал свои статьи. Он писал их не в пустоту, не для праздного чтения, а для того, чтобы заставить работать чье-то сердце, чей-то ум.

И Россия откликнулась ему. Проезжая вместе со Щепкиным многие города по пути в Крым, они побывали в Калуге, Воронеже, Курске, Екатеринославе, Одессе,— Белинский встречался с людьми, которые знали его, читали его статьи и отчасти были образованы этими статьями. Для него это был успех невиданный. Все же его голос прорывался сквозь глухоту российских пространств. Все же он доходил до толщи толщей. Именно тогда Белинский понял, что делает свое дело не зря.

Вопрос о публике, замечал он еще в 1841 году, решит вопрос о литературе. До тех пор, пока в России нет достаточного числа грамотных, а, точнее, чувствующих прекрасное людей, вопрос о влиянии литературы равен нулю. Литература образует публику, но и публика создает литературу.

Белинский был одним из тех, кто создал на Руси читателя. Он заставил публику чтить гениев русской литературы.

Я В МИРЕ БОЕЦ

СТРАНИЦЫ ВЕЛИКОЙ ЖИЗНИ

«Завидуем внукам и правнукам нашим, которым суждено видеть Россию в 1940-м году — стоящею во главе образованного мира, дающею законы и науке и искусству и принимающею благоговейную дань уважения от всего просвещенного человечества...»

В. Г. БЕЛИНСКИЙ.

Писатели у больного Белинского. Худ. Б. Лебедев.

«Тысяча восемьсот одиннадцатого года июня 1-го числа 7-го гребного экипажа у лекаря Григория Белынского от первой его жены Марии Ивановой родился сын Виссарион».

Выписка из метрической книги.

* * *

«Фамилия Белынского, смягченная Виссарионом Григорьевичем в Белинского, происходит от села Белыни, в Нижне-Ломовском уезде Пензенской губернии. Отец Виссариона Григорьевича, Григорий Никифорович, был сын священника этого села... Во время пребывания своего в Кронштадте Григорий Никифорович женился на дочери какого-то флотского офицера, Марии Ивановне. Флотский экипаж, в котором служил Григорий Никифорович, стоял в Свеаборге, и там... родился у него первый сын, Виссарион... Не знаю, каких лет Виссарион Григорьевич был привезен в уездный город Чембар Пензенской губернии, в который отец его, в звании штаб-лекаря, определился городовым и уездным врачом».

Д. И. ИВАНОВ, «Несколько мелочных данных для биографии В. Г. Белинского».

* * *

«Чтобы еще лучше объяснить вам, почему стихотворения г. А. Коптева произвели на меня такое сильное действие, скажу вам, что я, будучи учеником уездного училища, сам писал стихи точно в таком же роде и с таким же успехом, в этом роде, чисто классическом и совершенно чувствительном; с романтическим я познакомился уже тогда, как во мне совсем прошло стихотворное неистовство».

В. Г. БЕЛИНСКИЙ. «Стихотворения А. Коптева».

* * *

«В 1823 году ревизовал я чембарское училище... Во время делаемого мною экзамена выступил передо мною между прочими учениками мальчик лет 12, которого наружность с первого взгляда привлекла мое внимание. Лоб его был прекрасно развит, в глазах светлелся разум не по летам... На все делаемые ему вопросы он отвечал так скоро, легко, с такою уверенностию, будто налетал на них, как ястреб на свою добычу (отчего я тут же прозвал его ястребком), и отвечал большею частию своими словами... Я особенно занялся им, бросался с ним от одного предмета к другому, связывая их непрерывною цепью, и, признаюсь, старался сбить его... Мальчик вышел из трудного испытания с торжеством. Это меня приятно изумило... Я спросил... кто этот мальчик. «Виссарион Белинский, сын здешнего уездного штаб-лекаря»...»

И. И. ЛАЖЕЧНИКОВ. «Заметки для биографии Белинского».

* * *

«Бывало, когда отправлюсь с учениками за город, во всю дорогу, пока не дойдем до засеки, что позади городского гулянья, или до рощей, что за рекой Пензой, Белинский пристает ко мне с вопросами о Гете, Вальтер Скотте, Байроне, Пушкине, о романтизме и обо всем, что волновало в то доброе время наши молодые сердца».

Из воспоминаний М. М. ПОПОВА, учителя Белинского.

* * *

«...Еще в 1828 году Белинский задумал поступить в университет. В это время Белинскому было 17 и даже 18 лет; следовательно, возраст не мешал его вступлению...»

Д. П. ИВАНОВ. «Сообщения при чтении биографии В. Г. Белинского (А. Н. Пыпина)».

* * *

«Белинский был совершенно свободен от влияний, которым мы поддаемся, когда не умеем защититься от них. Соблазненные новизною, мы в юности принимаем множество вещей памятью, не проверяя их разумом. Эти воспоминания, которые мы считаем за приобретенные истины, связывают нашу независимость. Белинский начал свои занятия с философии, и то, лишь когда ему исполнилось двадцать пять лет. Он приступил к науке с серьезными вопросами и со страстной диалектикой. Для него истины, выводы не были ни отвлеченностями, ни игрой ума, но вопросами жизни и смерти; свободный от всякого постороннего влияния, он вступил в науку с большой искренностью; он не старался что-либо спасти от огня анализа и отрицания и совершенно естественно восстал против половинчатых решений, робких заключений и малодушных уступок».

А. И. ГЕРЦЕН. «О развитии революционных идей в России».

* * *

«Между младшими студентами самым ревностным поборником романтизма был Белинский, который отличался необыкновенной горячностью в спорах и, казалось, готов был вызвать на битву всех, кто противоречил его убеждениям. Увлекаясь пылкостью, он едко и беспощадно преследовал все пошлое и фальшивое, был жестоким гонителем всего, что отзывалось риторикою и литературным староверством».

П. ПРОЗОРОВ. «Белинский и Московский университет в его время».

* * *

«Я не буду говорить Вам о причинах моего выключения из университета: отчасти собственные промахи и нерадение, а более всего долговременная болезнь и подлость одного толстого превосходительства. Ныне времена мудреные и тяжелые: подобные происшествия очень нередки».

В. Г. БЕЛИНСКИЙ — М. И. Белинской. Москва 1833 года, мая 21 дня.

* * *

«Станкевич по достоинству оценил пылкий и оригинальный ум Белинского. Вскоре вся Россия воздала должное смелому таланту публициста, получившего аттестацию «неспособного» от куратора Московского университета...

Он был один из самых свободных людей, не связанный ни верованиями, ни традициею. Он не зависел от общественного мнения и не признавал никаких авторитетов; он не боялся ни гнева друзей, ни ужаса «прекраснодушных». Он всегда стоял на страже критики, готовый обличить, заклеймить все то, что считал реакционным».

А. И. ГЕРЦЕН. «О развитии революционных идей в России».

* * *

«В 1834 году появилась в нескольких нумерах «Молвы» блистательная статья его под названием: «Литературные мечтания, элегия в прозе». Мало кому из молодых писателей случалось начинать свое поприще так смело, сильно и самостоятельно. Белинский выступил в ней во всеоружии даровитого новатора. Изумление читателей было общее. Кто был от нее в восторге, кто вознегодовал, что дерзкою рукою юноши, недоучившегося студента (как узнали вскоре), семинариста (как называли его иные) — одним словом человека без роду племени — кумиры их сбиты с пьедестала, на котором они, казалось, стояли так твердо... С этой поры Белинский угадал свое призвание и не ошибся в нем... За ним навсегда останется слава, что он сокрушил риторику, все натянутое и изысканное, всякую ложь, всякую мишуру и на место их стал проповедывать правду в искусстве...»

И. И. ЛАЖЕЧНИКОВ. «Заметки для биографии Белинского».

* * *

«Эстетическое чутье было в нем почти непогрешительно; взгляд его проникал глубоко и никогда не становился туманным. Белинский не обманывался внешностью... он сразу узнавал прекрасное и безобразное, истинное и ложное и с бестрепетной смелостью высказывал свой приговор — высказывал его вполне, без урезок, горячо и сильно, со всей стремительной уверенностью убеждения... При появлении нового дарования, нового романа, стихотворения, повести —

никто ни прежде Белинского, ни лучше его не произносил правильной оценки, настоящего, решающего слова».
И. С. ТУРГЕНЕВ. «Воспоминания о Белинском».

* * *

«...И все-таки больше всего... меня радуют доселе и всегда будут радовать, как лучшее мое достояние, несколько приветливых слов, сказанных обо мне Пушкиным и, к счастию, дошедших до меня из верных источников. И я чувствую, что это не мелкое самолюбие с моей стороны, а то, что я понимаю, что такое человек, как Пушкин, и что такое одобрение со стороны такого человека, как Пушкин».
В. Г. БЕЛИНСКИЙ — Н. В. Гоголю. (20 апреля 1842 г. Петербург).

* * *

«...В Москве нечем мне жить — в ней, кроме любви, дружбы, добросовестности, нищеты и подобных тому непитательных блюд, ничего не готовится. Мне надо ехать в Питер, и чем скорей, тем лучше... Если дело дойдет до того, что мне скажут: независимость и самобытность убеждений или голодная смерть — у меня достанет силы скорее издохнуть, как собаке, нежели живому отдаться на позорное съедение псам... Что делать — я так создан... А работать я могу, если только мне дадут МОЮ работу».
В. Г. БЕЛИНСКИЙ — И. И. Панаеву. Москва. 1839, февраля 18 дня.

* * *

«Умру на журнале и в гроб велю положить под голову книжку «Отечественных записок». Я литератор — говорю это с болезненным и вместе радостным и гордым убеждением. Литературе расейской моя жизнь и моя кровь».
В. Г. БЕЛИНСКИЙ — Н. А. Бакунину. СПб. 1841, декабря 9.

* * *

«...Я рожден, чтобы называть вещи их настоящими именами; я в мире боец...»
В. Г. БЕЛИНСКИЙ — Н. А. Бакунину. СПб. 1841, декабря 9.

* * *

«Поселясь в Петербурге, Белинский начал ту многотрудную, работящую жизнь, которая продолжалась для него восемь лет сряду, почти без всякого перерыва, потрясла самый организм и заела его».
П. В. АННЕНКОВ. «Замечательное десятилетие (1838—1848)».

* * *

«Около Белинского в Петербурге составлялся мало-помалу небольшой кружок из людей, высоко ценивших его как писателя и глубоко уважавших его как человека. К этому кружку принадлежали между прочими: П. В. Анненков, К. Д. Кавелин (переехавший в Петербург), А. А. Комаров, М. А. Языков, И. И. Маслов, Н. Н. Тютчев и другие; вскоре к ним присоединились Н. А. Некрасов и И. С. Тургенев, и позже — Ф. М. Достоевский и И. А. Гончаров... Из Москвы часто приезжали: В. П. Боткин, Искандер (Герцен) и Огарев. Приезды эти были праздником для Белинского и для всех нас. Искандер с каждым приездом своим все теснее сближался с Белинским...»
И. И. ПАНАЕВ. «Литературные воспоминания».

* * *

«Поклонись от меня Гоголю и скажи ему, что я так люблю его, и как поэта и как человека, что те немногие минуты, в которые я встречался с ним в Питере, были для меня отрадою и отдыхом...»
В. Г. БЕЛИНСКИЙ — К. С. Аксакову. СПб. 1840, генваря 10.

* * *

«В ноябре 1843 года Белинский женился на Марии Васильевне Орловой, получившей воспитание в одном из московских институтов и бывшей впоследствии... классною дамою в том самом институте, где она воспитывалась».
Н. Н. ТЮТЧЕВ. «Мое знакомство с В. Г. Белинским».

* * *

«При всех своих немощах Белинский любил иногда играть с дочерью: отворотит обшлага у рукавов и говорит: «Я буду медведь, а ты Машенька»,— и начнет ворчать...»
А. В. ОРЛОВА. «Из воспоминаний о семейной жизни В. Г. Белинского».

* * *

«Некрасов произвел на Белинского с самого начала очень приятное впечатление... Когда он прочел ему свое стихотворение «В дороге» (1845), у Белинского засверкали глаза, он бросился к Некрасову, обнял его и сказал чуть не со слезами в глазах:
— Да знаете ли вы, что вы поэт — и поэт истинный!
С этой минуты Некрасов еще более возвысился в глазах его... Его стихотворение «Родина» привело Белинского в совершенный восторг».
И. И. ПАНАЕВ. «Литературные воспоминания».

* * *

«Я — Прометей в карикатуре: «Отечественные записки» — моя скала, Краевский — мой коршун. Мозг мой сохнет, способности тупеют...»
В. Г. БЕЛИНСКИЙ — В. П. Боткину. СПб. 1843, февраля 6.

* * *

«...Я был спасен «Современником»... Вследствие моего условия с Некрасовым мой труд больше качественный, нежели количественный; мое участие больше нравственное, нежели деятельное... «Современник» — вся моя надежда; без него я погиб в буквальном, а не в переносном значении этого слова».
В. Г. БЕЛИНСКИЙ — В. П. Боткину, (4—8 ноября 1847 г. Петербург).

* * *

«В. П. Боткин писал мне, что Белинский становится плох и приговорен докторами к поездке за границу, именно на воды Зальцбрунна в Силезии, начинавшие славиться своими целебными качествами против болезней легких. Друзья составили между собой подписку для отправления туда больного; к участию в подписке приглашал меня и Боткин. Я отвечал, что приеду сам в Зальцбрунн и надеюсь быть полезнее Белинскому этим способом, чем каким-либо другим. Точно такое же решение принял и И. С. Тургенев, находившийся тогда в Берлине. Он немедленно отправился навстречу неопытного вояжера, мало разумевшего по-немецки и никогда еще не покидавшего своей родины, в Штеттин, где и принял его под свое покровительство. Оба они и прибыли через Берлин в Обер-Зальцбрунн, поселясь в чистом деревянном домике с уютным двориком на главной, но далеко не блестящей улице бедного еще городка... Переночевав в Бреславле, я на другой день рано очутился в неизвестном мне местечке и на первых же шагах по какой-то длинной улице встретил Тургенева и Белинского, возвращавшихся с вод домой...
Я едва узнал Белинского. В длинном сюртуке, в картузе с прямым козырьком и с толстой палкой в руке передо мной стоял старик, который по временам, словно заставая себя врасплох, быстро выпрямлялся и поправлял себя, стараясь придать своей наружности тот вид, какой, по его соображениям, ей следовало иметь».
П. В. АННЕНКОВ. «Замечательное десятилетие (1838—1848)».

* * *

«...Пробежав строки Гоголя к нему самому, Белинский вспыхнул и промолвил: «А он не понимает, за что люди на него сердятся,— надо растолковать ему это — я буду ему отвечать». Он понял вызов Гоголя... Не покажется удивительным, что он употребил три утра на составление письма к Гоголю, если прибавить, что он часто отрывался от работы, сильно взволнованный ею, и отдыхал от нее, опрокинувшись на спинку дивана... Видно, что он придавал большую важность делу, которым занимался, и как будто понимал, что составляет документ, выходящий из рамки частной, интимной корреспонденции».
П. В. АННЕНКОВ. «Замечательное десятилетие (1838—1848)».

* * *

«Летом 1847 года Белинский попал, в первый и последний раз, за границу. Я прожил с ним несколько недель в Зальцбрунне, небольшом силезском городке, славящемся своими водами, будто бы излечивающими чахотку... ему они принесли мало пользы. В Зальцбрунне он, под влиянием негодования, возбужденного в нем известной «Перепиской с друзьями» Гоголя, написал ему письмо... Потом я встретился с ним в Париже. Там он поступил в лечебницу к некоему доктору, специалисту против чахотки, по имени Тира де Мальмору. Многие считали его за шарлатана, но он совсем было поставил Белинского на ноги, кашель прекратился, с лица сошла зелень... Слишком скорое возвращение в Петербург все уничтожило. Странное дело! Он изнывал за границей от скуки, его так и тянуло назад, в Россию. Уж очень он был русский человек, и вне России замирал, как рыба на воздухе».
И. С. ТУРГЕНЕВ. «Воспоминания о Белинском».

* * *

«...Я навестил... умиравшего Белинского, который жил на Лиговке в доме Галченковых. Он был очень плох. Помню, мы сидели с ним под открытым небом в садике или на дворе. Он едва говорил, задыхался. Из тогдашнего разговора помню, что он подтрунивал над вооружением Петропавловской крепости. Это, говорит, из боязни, чтобы я ее не взял».
К. Д. КАВЕЛИН. «Воспоминания о В. Г. Белинском».

* * *

«После его смерти, когда разыгралось дело Петрашевского и ключ к литературе сороковых годов был подобран, в III отделении Л. В. Дубельт яростно сожалел, что Белинский умер, прибавляя: «Мы бы его сгноили в крепости»».
К. Д. КАВЕЛИН. «Воспоминания о В. Г. Белинском».

* * *

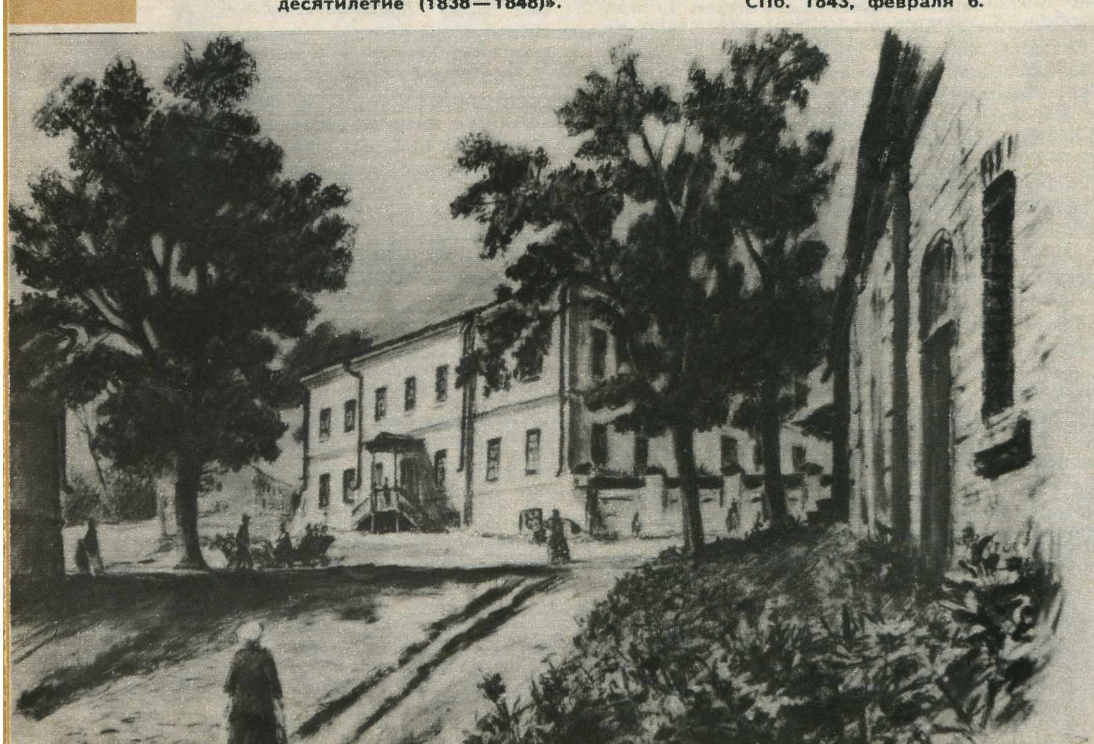
«Да! Он умер кстати и вовремя!— Какие беды ожидали его, если б он остался жив! Известно, что полиция ежедневно справлялась о состоянии его здоровья, о ходе его агонии... От тяжких испытаний избавила его смерть».
И. С. ТУРГЕНЕВ. «Воспоминания о Белинском».

* * *

Белинский был особенно любим...
Молясь твоей многострадальной
тени,
Учитель! перед именем твоим
Позволь смиренно преклонить
колени!

В те дни, как все коснело на Руси,
Дремля и раболепствуя позорно,
Твой ум кипел — и новые стези
Прокладывал, работая упорно.

Н. А. НЕКРАСОВ.

Пенза. Здание гимназии, в которой учился Белинский.

Посмертная маска В. Г. Белинского.

из разысканий

«ЛУЧШЕ НЕ УПОМИНАТЬ»...

В 1895 году в Пензе вышла книжка И. Ф. Кузьмина «Пензенская губерния», предназначенная для учеников начальных училищ. В книжке есть раздел «Замечательные люди, жившие в губернии, и известнейшие уроженцы ее». Белинскому в этом разделе нашлось место лишь в подстрочном примечании, причем не сказано ни слова о том, кто он был и чем замечателен. Разгадка этого странного обстоятельства встретилась в ноябрьском номере журнала «Былое» за 1906 год, где напечатана заметка А. Кремлева «Ученый комитет и Белинский». Оказывается, книжка Кузьмина до выхода в свет была на просмотре в Особом отделе Ученого комитета Министерства народного просвещения, который в своем отзыве от 27 мая 1894 года написал следующее:

«...Сохрани бог нашу школу и неопытную юность от соприкосновения с Белинским! В последний и самый шумный период своей деятельности это был завзятый проповедник неверия и грубого материализма, не видевший ничего доброго в России и ждавший спасения для нее от всесветной революции. Конечно, полная крайность такого рода воззрений и вожделений не могла найти себе места в тех 12 томах его сочинений, о которых говорит автор рассматриваемой рукописи и которые прошли сквозь цензуру. Чтобы понимать Белинского и судить о нем, надобно заглянуть в другие памятники его литературной деятельности, в его переписку с друзьями и между прочим в знаменитое письмо его к Гоголю. Тут Белинский обнаруживается весь, как он есть и был...

Кажется, что, если говорить о Белинском в таком кратком труде, как рассматриваемый теперь труд г. Кузьмина, назначенный притом для школ низших, то достаточно ограничиться упоминанием лишь о том, что Белинский родился там-то и тогда-то, а еще лучше вовсе о нем не упоминать».

Автор заметки в «Былом» А. Кремлев замечает в связи с этим, что, если бы составитель книжки был более пугливого нрава, Белинский не попал бы и в подстрочное примечание.

А. В. ХРАБРОВИЦКИЙ

В кадре — Елена Сафонова и Виталий Соломин.

БЕЗ СЕМЬИ, ИЛИ ИЗДЕРЖКИ ЭМАНСИПАЦИИ

Фильм И. Масленникова по сценарию В. Валуцкого «Зимняя вишня», снятый на «Ленфильме», — заметное явление в нашем кинопрокате. Среди немалого количества иностранных и отечественных пустышек, часто безвкусных, а то и просто пошлых, мы воспринимаем всякий хорошо сделанный фильм с вполне понятным отрадным чувством. А в «Зимней вишне» есть сюжетная напряженность, прекрасно подобран и слажен актерский ансамбль и не только отлично сняты интерьеры и уличные сцены, но каким-то образом уловлен сам воздух северной столицы (оператор Ю. Векслер, художник Б. Маневич). Но именно талантливость создателей фильма побуждает оспорить как некоторые постановочные решения, так и общий сценарный замысел.

Начинается фильм с крупного плана — устало-счастливого лица молодой женщины (Е. Сафонова), лежащей в постели и рассказывающей, как ее бабушка гадала в крещенье на суженого. Женщина словно бы сказку рассказывает (и кому-то за кадром, и себе самой), потому так нежно звучит в устах актрисы слово «суженый». Тема фильма, как видим, заявлена сразу — женщина с ее мечтой о семейном счастье.

Но ощущение сказочности быстро исчезает. Выясняется, что перед нами не раннее утро, а поздний вечер; что говорит женщина не с кем-то, а со своим любовником Вадимом (В. Соломин). Причем отношения персонажей поданы не просто правдиво, а с каким-то даже ощущением привычности, нормальности происходящего. И эта будничность интонации при изображении супружеской измены вполне закономерно вызывает у нас, зрителей, некоторое недоумение.

Но авторы намеренно погружают нас в повседневность. Мы наблюдаем, как Оля встает, «наводит красоту», собирает сына в детский сад. Затем три соседки-подружки с двумя детьми едут на работу в автобусе и в пути не то поют, не то кричат хором песенку «про айсберг». Эти утренние сцены к концу фильма приобретают прямо-таки символическое значение, становятся олицетворением всей привычной жизни трех подруг с незадавшимися судьбами, кричащих в пустоту: «А ты такой холодный...»

Между тем сюжет начинает «закручиваться». Вадим предлагает «куда-нибудь деть» на выходные дни сына Оли. («А бывший муж не может взять? Это же все-таки его ребенок».) Его ловкое самодовольство действует гипнотически — и Ольга отвозит сына к бывшей свекрови. Авторы и тут намеренно буднично показывают отношения, противоестественность которых не может не ощущать зритель, и этим как бы узаконивают их.

Наше понимание происходящего на экране углубляется сценой вечернего разговора Оли и Вадима на даче. Мы видим, что Оля все-таки создана для семейной жизни и ей чрезвычайно трудно переносить нынешнее положение. Именно «семейная идилличность» этого вечера заставляет ее произнести сокровенное: «Давай поженимся, а?.. Я тебе девочку рожу... Ведь это же так просто — если два человека любят друг друга...» Лицо актрисы выразительно — ее игра доставляет зрителю истинное наслаждение. Но стоит услышать, как Вадим произносит: «Ну зачем ты так?» — и сразу становится ясной вся беспочвенность надежд Оли на «простое человеческое счастье».

И тогда авторы ставят рядом с героиней еще одного представителя сильного пола: «организуют» случайную встречу Оли с преуспевающим Гербертом (И. Калнынь).

И вот на экране зима. Заснеженная мостовая перед Олиным НИИ. Из окна своих «Жигулей» Вадим замечает, как его (!) «Малыш» привычно садится в чей-то белый «мерседес». В следующем кадре мы видим, как Герберт ведет за руку из детского сада Антошку, — сравнение не в пользу Вадима. И если вначале безупречный костюм и белый «мерседес» Герберта могли показаться излишними в фильме, то теперь становится ясно, что авторы предлагают нам воспринимать этого героя как своеобразного «принца» из современной сказки (красив, внимателен, великодушен, добр, воспитан). Место сказочного бала занимает в фильме церемония открытия международной выставки, устроителем которой является Герберт. Здесь и происходит его объяснение с Олей. Она колеблется: ведь в отличие от Вадима герой И. Калныня не говорит ей о любви, а просто предлагает руку и сердце.

Вернувшись с выставки, Оля набирает номер Вадима. Слышен голос его жены: «...Милая девушка! Вы любите Вадима?.. Я ведь его не держу... Просто мы двадцать три года вместе...» Здесь есть над чем подумать и Оле, и внимательному зрителю. Ведь семья — это действительно нечто более сложное, нежели «когда два человека любят друг друга».

И вот Оля решила, кажется, выйти замуж и дать Антону отца. Но откуда ни возьмись появляется светлый «жигуленок», обгоняет «мерседес», заставляет остановиться. Вадим выводит Олю и Антона и сажает к себе (мальчик брыкается, но «дядя» неумолим). Герберт явно не может осознать, что происходит. А Оля будто забыла уже телефонный разговор с женою Вадима.

Решительности «героя» хватило ровно на то, чтобы вернуть себе любимую игрушку. Брать любовницу в жены он, по всей видимости, не намерен. Попив с Олей чайку, он уезжает домой (двадцать три года вместе — это не шутка).

В глазах Елены Сафоновой и ужас перед низостью любимого человека, и жалость к нему, и страх за свою судьбу, и раскаяние, и безропотно принятое наказание...

Вновь под хоровое исполнение «Айсберга» утренний автобус через сугробы выезжает со знакомого двора...

«Современная сказка» со счастливым концом не удовлетворила авторов. Они предпочли модный «открытый» финал, когда будущее героев неясно. То ли Оля все-таки решится прекратить свою любовную связь и станет жить для сына, то ли разыщет Герберта (или он ее), то ли все вернется на круги своя. Похоже, что создатели фильма склоняются к последнему варианту. Не зря ведь они не позволили героине забыть свою страсть к Вадиму и выйти за единственного «настоящего мужика», показанного в фильме. Почему же сценарист и постановщик фильма предпочли оставить героиню Е. Сафоновой в положении любовницы? Хотели быть «ближе к жизни»? Но в действительной жизни, и зрители это прекрасно понимают, настоящая женщина-мать (а именно такой показана Оля в фильме) унизительному и для нее, и для сына существованию любовницы предпочла бы, по всей вероятности, «каменную стену» замужества за человеком, который хорошо относится к ее ребенку. Ведь это Оля произносит прекрасные слова, выражающие идейный смысл фильма: «Семья — это как родина. Просто должна быть — и все. А иначе в ней вообще смысла нет».

Напрасно авторы фильма при создании семьи во главу угла хотят поставить только любовь и не задумываются о том, что в нашем пожелании семейного счастья — «совет вам да любовь» — слово «совет» не случайно стоит на первом месте...

Александр ФОМЕНКО

КИНО

Н. БУМАГИНА,
фото
А. НАГРАЛЬЯНА,
специальные корреспонденты «Огонька»

Едва мы прошли несколько метров по заводскому двору, как легкий ветерок донес откуда-то запах свежего хлеба. Мы пошли на этот ориентир, пошли мимо вывесок «Книги», «Производство трансформаторов», «Сберегательная касса», мимо ларька сапожника, мимо киоска с мороженым и соками... Позвольте, откуда все это? Мы же на ПО «Армэлектромаш». Это подтверждают и снующие электрокары, и указатели с номерами цехов. Но на самом оживленном перекрестке заводских дорог расположились овощной базар и тот самый дом, к которому привлек нас хлебный дух. Да, здесь пекут хлеб. Объединение купило машину для прокатки теста, приобрело электрическую печь. Лаваш получается таких достоинств, что никто от него не может отказаться. Хорошо пропеченный, но не подгоревший, как иной раз получается в каменной печке. И тянутся к окошку ларька люди. Продают хлеб на вес, килограмм — 22 копейки.

...Зайдем в цех. Отгороженный цветами уголок, несколько столиков, за стойкой Айкуш Джабахджурян. Предлагает горячие пирожки, хачапури, слойки. Все так аппетитно!

Степа Саркисович Фаградян работает на предприятии двадцать пять лет. Он бригадир слесарей-инструментальщиков, депутат Верховного Совета СССР. Охотно рассказывает про заводской сервис.

— У нас семь столовых, тринадцать киосков. Но можно перекусить и в буфете — их восемь. И успеть потом сделать кучу нужных дел. Скажем, покупки. Есть на территории завода продовольственный, овощной, промтоварный магазины. Можно купить пакет овощей, полуфабрикаты. Можно даже и телевизор — транспорт для его доставки даст завод. Хозяйки охотно заглядывают в магазин «Бытовая химия», а я люблю покопаться в книгах...

Целый дом быта, где шьют, причесывают, чинят часы. Есть касса Аэрофлота. Здесь все, что нужно человеку. Словом, весь бытовой сервис на территории завода. Например, выписала рецепт на лекарство, а его надо еще заказать и получить. Когда? Или отпрашиваться, или пойти в аптеку после работы? И то, и другое плохо. Человек стоит у станка, а сам думает, как бы успеть после смены сделать то и другое. Вот и дергались люди, страдала дисциплина, а то и уходили с завода.

— В профсоюзном комитете «Армэлектромаша» была образована специальная комиссия. Не сразу, но создалась стройная система обслуживания. Вроде бы разным ведомствам подчинены, но теперь, как говорится, все наши. Правда, Айкуш? — спрашивает Фаградян.

— Приятно здесь работать,— отвечает буфетчица.— Я знаю вкусы многих заводских. Знаю, кто любит жареные пирожки, а кому бутерброд предложить. Только не нужно здесь сигареты продавать. А в план их включают. Лучше фруктов побольше да конфет хороших — вот и товарооборот... Мы себя считаем заводскими, хотя зарплату получаем в тресте общественного питания. Но завод дает премии, путевки, квартиры.

...Снова мы на необычной улице. После рабочей смены здесь царит особое оживление. Из обувного магазина выходят две женщины. Несут туфельки — подарки для внуков. Ереванцев не удивишь хорошей обувью, но в заводской магазин завозят лучшее из того, что делает фирма «Наири». Убедилась, что завод имеет режим наибольшего благоприятствования в снабжении. Если город получает что-то совсем уж дефицитное, то в первую очередь этот товар попадает на заводской прилавок.

Заведующая обувным магазином Софик Карапетян успевает предлагать товар и принимать заказы. Посетители выбирают понравившиеся модели. Снимается мерка, а обувь будет готова через два-три дня, крайний срок — через неделю.

Работница Жанна Саркисян покупает сынишке сандалии. Ей тридцать лет. Муж — водитель трамвая, старшему сыну одиннадцать лет, младшему — пять; а есть еще и дочка. Бабушки далеко, в деревне. Семье очень помогает заводской сервис.

— День расписан по минутам. И если б не было всего под рукой, не выдержала бы, наверное. Покупаю здесь буквально все, что нужно. Пока иду от цеха до проходной — сумка полна,— рассказывает Жанна.— В коробочках — кололак, фарш со специями. Из него можно быстро приготовить фрикадельки. Овощи покупаю только тут, на рынок не хожу. Много выпечки — здешние пироги не хуже домашних...

Заметила, что особо богат выбор в пятницу. Это самый торговый день. Все товары выносятся на улицу. Тут уж только успевай раскрывать кошельки и кошелки.

...Оказалось, совместимы две стихии — можно под одной крышей выпускать силовые трансформаторы, передвижные электростанции, стиральные машины и торговать всем — от иголки до пианино, от лаваша до мясных полуфабрикатов. К тому же служба быта — пятнадцать разных услуг. Спрашиваю: а почему именно эти, а не другие? Не нужна ли, например, химчистка?

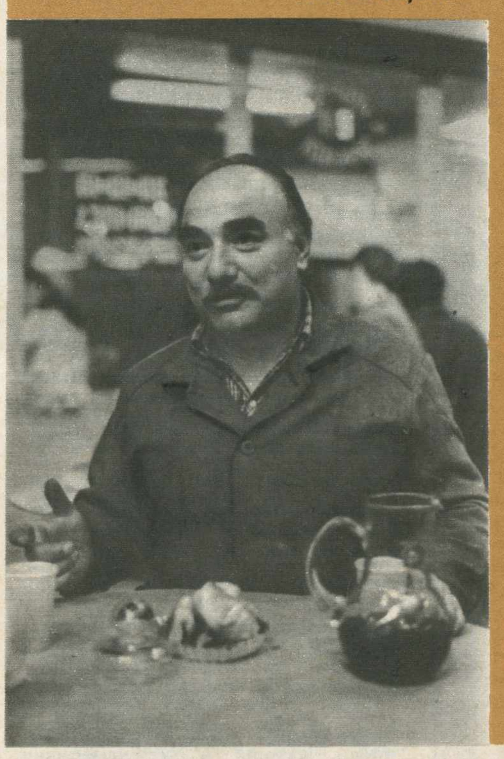
— Выбирали мы сами,— рассказывает технолог Лариса Сергеевна Рафаэлян.— В каждом цехе, на всех участках провели опросы. Теперь, когда вроде бы все у нас есть, и потребности другие. Нам кажется маловатым ассортимент молочных продуктов, беден выбор очков. И еще: чтобы добраться от проходной до некоторых цехов, надо затратить минут 15—20. Выручили бы микроавтобусы.

Директор предприятия Петрос Манвелович Манвелян рассказывал и о предстоящем вводе нового магазина «Молоко», о будущем салоне «Оптика». Но почему об этом до сих пор не извещены рабочие? Наладить информацию о магазине все же проще, чем открыть сам магазин. Это упрек вроде бы небольшой, но и его могло бы не быть. Ведь сделано много. Социологи установили: услуги, собранные в одном месте, резко сокращают потери времени. Поэтому-то Жанна Саркисян и ее подруги говорят: «Спасибо, завод, что ты разделил наши заботы».

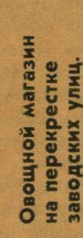
Ереван.

У книжного киоска

Степа Саркисович Фаградян: «Очень вкусно!»

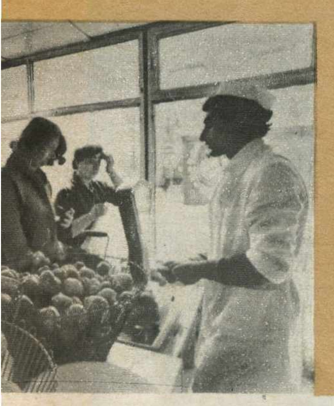
Овощной магазин на перекрестке заводских улиц.

Заводская проходная.

ЗАВ

— До чего хорош лаваш! — На снимке: технолог Шушаник Багдасарян, электромонтажник Камо Абрамян и архивариус Сусанна Назарян.

— Не нравятся! Закажите по своему вкусу,— предлагает заведующая обувным магазином Софик Карапетян.

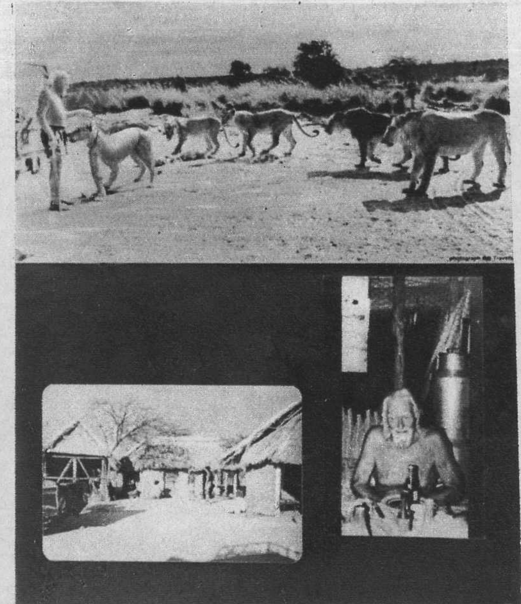

— Айкуш, мне пирожки! ▶

ОД И МОИ ЗАБОТЫ

К международному дню охраны окружающей среды

Д. ГОРЮНОВ

Всю жизнь со львами

Человек, которого вы видите на последней странице обложки,— не служитель зоопарка, не цирковой дрессировщик, а львы, выстроившиеся к нему в очередь как бы в терпеливом ожидании ласки от его протянутой над головой львицы руки,— дикие, свободно живущие в полупустынной африканской саванне, почти у самого экватора, куда не так-то просто добраться даже на машине высокой проходимости.

Человека зовут Джордж Адамсон.

После того, как в 1980 году трагически погибла его жена, всемирно известная натуралистка и писательница Джой Адамсон, Джордж продолжает в одиночестве чрезвычайно важные в наше время, когда катастрофически исчезают целые виды животных, опыты по возвращению в природу диких зверей, выросших в неволе. На его плечи легло и все бремя популярности, которая уже много лет сопутствует Адамсонам. Его лагерь в кенийском местечке Кора посещают ученые, зоологи, журналисты географических и природоведческих изданий, телевизионные операторы из многих стран. В последнем письме ко мне, извиняясь за задержку с ответом, он сетует: «Я получаю так много писем со всех концов мира, что просто не успеваю сразу же отвечать на них».

Журналисты часто называют Джорджа Адамсона «последним из могикан» классического типа искателей приключений.

Да, приключений, опасностей и лишений, выпавших на его долю, хватило бы не на одну даже долгую жизнь. После обучения в Англии он вернулся в Кению на кофейную ферму отца восемнадцатилетним юношей, но после нескольких лет ему надоело изо дня в день копаться в земле, им «овладело беспокойство, охота к перемене мест». В поисках призвания, своего места в жизни он испробовал множество занятий: был резчиком сизаля, водителем автобуса, перегонщиком скота, лесником, искал золото на пустынных берегах озера Рудольф.

Наконец, стал профессиональным охотником. Его учителем был старик из племени доробо, маленький, худенький человек, охотившийся на диких зверей с луком и отравленными стрелами. Джордж узнал от него повадки животных, учился читать следы, безошибочно определять направление ветра, уметь бесшумно ходить по лесу, осторожно преследовать раненого зверя. Ему приходилось сопровождать и «страховать» богатых туристов, приезжавших на охоту в Кению, и делал он это надежно и хладнокровно, как хемингуэевский Роберт Уилсон.

К тридцати двум годам Джордж не нажил капитала как такового, но приобрел значительно большие ценности: жизненную закалку, бесстрашие, спокойствие и уравновешенность, уникальные знания природы, животного и растительного мира Кении. Произошла в нем и глубокая духовная перемена, подобная той, которую пережил Булл Булит — герой романа Жозефа Кесселя «Лев»: в один прекрасный день звучит выстрел, и зверь падает, но охотник внезапно ощущает, что ему это безразлично. Радость удачи, которая была самой сильной из всех, вдруг исчезла, ее не стало. Потом приходит другой день, когда уже нет сил убивать. И охотник понимает, что любит зверей ради того, чтобы видеть, как они живут, а не как они умирают.

Джордж становится старшим инспектором по охране животного мира, грозой браконьеров.

Истребление животных Африки — позорная страница в истории колониализма. Вслед за солдатами колониальных войск на Черный континент двинулись отряды разного рода авантюристов, контрабандистов, любителей легкой наживы. Животный мир Африки для одних стал источником баснословных барышей, другие нашли здесь идеальный полигон для удовлетворения необузданной охотничьей страсти и тщеславия. Никто не может подсчитать, сколько из Африки вывезено слоновой кости, рогов носорога, шкур леопардов, гепардов, зебр, антилоп, кожи крокодилов. Несть числа!

Заправилы бизнеса на животных приучили и африканцев к браконьерству. Кочевые африканские племена испокон веков занимались охотой, которая кормила и одевала их. Но это была охота разумная, осмотрительная, свойственная многим племенам в Африке. Любопытная запись на сей счет содержится в дневниках В. К. Арсеньева. У удэгейцев «строжайше запрещалось какого бы то ни было зверя убивать и бросать в тайге неиспользованным. Это большой грех. В этом мы видим очень разумный запрет, не допускающий хищничества и бесцельного убиения зверя». Западные контрабандисты привили многим африканцам торгашеское отношение к зверю, втянули их в преступный бизнес на животных.

Джордж знает множество разных историй о браконьерстве. Он говорил мне, что поймать африканца-браконьера непросто: в отличие от белого авантюриста он прекрасно знает местность, водопои, повадки зверей, пути их миграции. К тому же сородичи не всегда выдают властям нарушителей закона. В Северной провинции Кении легендарной неуловимой фигурой слыл старый туркана Адукан; за его поимку назначались высокие вознаграждения. Джорджу со своими помощниками удалось выследить и накрыть шайку браконьеров во главе со своим опытным предводителем. В пещере, где схватили Адукана, были обнаружены горы слоновой кости, рогов носорога, кож бегемотов, буйволов, антилоп.

— Сильное ли сопротивление оказал Адукан?— спросил я Джорджа.

— Представьте, никакого!

— Как так?

— А дело в том, что последнее его обращение к «оракулу» с помощью брошенных в воздух сандалий обещало беду. Подчиняясь голосу неба, Адукан сложил пожитки и спокойно ждал, когда за ним придут.

Выходит, даже темная вера язычника может иногда заставить смириться закоренелого грешника и послужить доброму делу! Какому же богу надо молиться, чтобы найти управу на белых браконьеров и перекупщиков?

Перестав охотиться, Джордж, однако, не расставался с винтовкой. Его не раз просили убить льва-людоеда. Раз он выследил такого льва, соорудил засаду на его тропе. Настал момент, когда зверь пошел на человека. Бывалый охотник, не дрогнув, поднял ружье, нажал на спуск, но выстрела не последовало. Осечка! Зверь набросился на человека, трагический конец казался неотвратимым. Но, не потеряв самообладания, Джордж каким-то чудом дотянулся до второго карабина и убил льва наповал. Истекая кровью, он успел окликнуть своего африканского помощника и наказал ему колоть себя пенициллином. К счастью, к этому времени он был изобретен и получил широкое признание. Джордж знал, что под когтями хищников накапливается трупный яд, от царапин наступают гангрена и неминуемая смерть. Несколько недель, сначала в палатке, а потом в госпитале Джордж находился между жизнью и смертью, но железный организм следопыта победил, и Джордж выздоровел. После этого о нем заговорили по всей стране, как о бесстрашном человеке, отважном страже африканского буша. Африканцы прозвали Джорджа Адамсона «бвана гейм». Это сочетание суахилийского и английского слов можно перевести как «хозяин диких зверей».

Впервые с Джорджем Адамсоном я встретился в середине 60-х годов в Национальном парке Меру, где он приучил к дикой жизни двух главных исполнителей ролей в фильме «Рожденная свободной» — льва Боя и львицу Герл, выросших в одном из батальонов шотландской гвардии. Кстати, Джордж на съемках фильма был главным консультантом. Ко времени моего приезда в Меру Бой и Герл прижились в своих природных владениях. У них родились два детеныша; львы охотились, были сыты, но регулярно навещали лагерь Джорджа. Приходили они, как уверял натуралист, не за мясом, а из-за привязанности к человеку. К несчастью, Бой неудачно атаковал буйвола, и тот пропорол ему бок. Льву сделали довольно сложную операцию, и он восстанавливал силы, проходил под руководством Джорджа специальные тренировки. Льва готовили к перевозке на озеро Найваша, где у Адамсонов был дом и где они намеревались полностью вылечить Боя. Герл и полугодовалых львят решено было оставить в парке: у исследователей была уверенность, что они полностью освоились с дикой жизнью и можно не опасаться за их судьбу.

К лагерю Джорджа нас проводила Джой Адамсон, с которой я уже успел познакомиться. Не доезжая нескольких десятков метров, мы покинули машину и тихо подошли к участку, огороженному металлической сеткой. Возле палатки за низким столиком стучал на пишущей машинке обнаженный по пояс, бронзовый от загара человек, а у его ног лежал огромный рыжий лев с роскошной темной гривой. Среднего роста, худощавый, с белой как лунь головой и такой же остроконечной бородкой («козлиной», как называла ее Джой), с удивительно чистыми синими глазами, с трубкой в зубах — это был Джордж Адамсон. Он разрешил мне подойти к Бою, предварительно что-то пошептав ему на ухо и потрепав по густой гриве. Признаюсь, в присутствии Адамсонов я не испытывал страха и спокойно положил руку на голову льва. Я не отдернул ее и тогда, когда Бой вдруг сладко зевнул, обнажив свои могучие клыки. В этот момент щелкнула фотокамера моего спутника, и получился снимок, которым я страшно горжусь, а друзья отказываются верить своим глазам: лев с раскрытой пастью, и моя рука на его голове. Внезапно Бой оживился, и, проследив за его взглядом, я увидел в десятке шагов выходящую из зарослей львицу с двумя львятами. Это Герл пришла на свидание с Боем и Джорджем. Почуяв незнакомца, львица оскалила зубы и так зашипела, что у меня мурашки побежали по телу, а сердце куда-то провалилось. Забыв про разделявшую нас сетку, я быстро спрятался за спину Джорджа.

В 1970 году Джордж переселился в местечко Кора, расположенное в пустынной местности в 250 милях севернее Найроби. Эта дикая «ничейная» земля оказалась единственным во всей Кении местом, где ему было разрешено заниматься львами. К Джорджу присылали львов, выросших в неволе, и он терпеливо, с риском для жизни «возвращал» хищников в буш, приучал их к самостоятельной жизни в условиях дикой природы, восстанавливал у них утраченные или крайне ослабленные навыки, необходимые для жизни на свободе. Сюда же он перевез и Боя.

В следующем году, как-то будучи по делам на северо-востоке Кении, я рассчитал, что у меня есть время навестить Джорджа в Кору. Легковая машина для такой прогулки не годилась, пришлось у местного торговца втридорога арендовать «лендровер» и прихватить проводника.

Лагерь Джорджа мы нашли с трудом, проплутав по бездорожью почти полдня.

На небольшом пятачке, огороженном проволочной сеткой, сгрудилось несколько небольших тростниковых хижин, крытых пальмовыми

И. Грабарь. 1871—1960. ЯБЛОКИ. Саратовский государственный художественный музей имени А. Н. Радищева.

М. Врубель. 1856—1910. МУЗА.

Саратовский государственный художественный музей имени А. Н. Радищева.

листьями, парусиновых палаток и сарай, где хранились бочки с горючим, хозяйственный инвентарь и домашняя утварь. У ворот — старенький, видавший виды «лендровер». Внутри лагеря к оградительной сетке прислонены, очевидно, найденные в саванне черепа, рога и кости животных. У края участка, где к лагерю подступает буш, растет одинокое дерево, увитое гнездами, в течение дня к нему прилетали десятки скворцов, ткачиков, нектарниц, чтобы поклевать зерен и напиться из расставленных заботливой рукой кормушек и жестянок с водой. Здесь и жил натуралист со своим младшим братом Терренсом и несколькими помощниками-африканцами.

Джордж встретил меня как старого знакомого и провел в самую большую в лагере хижину, служившую и гостиной, и столовой, и рабочим кабинетом. На подпиравших крышу столбах висели бинокли, фонари, барометр, часы. В одном углу портативная рация, а в другом гудел холодильник, у задней стены стояли винтовки Джорджа и шкаф для них. По стенам, обтянутым мешковиной (спасение от всякой живности, скорпионов, например!),— самодельные полки, на которых разместилось много книг и альбомов. Почти все они посвящены животному миру Африки. С потолка на обеденный стол, окруженный плетеными стульями, с крупноформатных фотографий смотрят львы, с которыми работал и работает хозяин лагеря.

От меня не скрылось, что всегда спокойный, уравновешенный, обладающий огромной выдержкой Джордж на этот раз выглядел удрученным. Совсем недавно в лагере разыгралась драма. Тот самый лев Бой, которого я гладил в парке Меру, неожиданно напал на африканца Стенли, служившего в лагере и покинувшего его без разрешения Джорджа, чтобы полакомиться диким медом, и разорвал ему шейную артерию. Когда Джордж подоспел к месту драмы, Стенли был уже мертв. Инспектор, сняв из-за спины ружье, в упор выстрелил в своего четвероногого друга. Джордж неохотно рассказывал об этой истории, мне он сказал только, что Бой хотел поиграть со Стенли, но забыл спрятать когти, и заключил: «Жаль, это был прекрасный лев».

Джордж рассказал о своих планах. Вместе со своим братом Терренсом — еще бо́льшим отшельником, чем сам Джордж,— он исподволь подготавливает территорию к тому, чтобы объявить ее заповедной.

— Мы хотим, чтобы в Кора обитало столько львов, сколько может прокормиться. Хотим восстановить поголовье антилоп, носорогов, леопардов, жираф — всех тех видов, которые прежде в изобилии обитали в этих местах,— говорил Джордж.

Джордж поднимается с рассветом, в начале седьмого утра. Я был свидетелем, как после раннего завтрака братья покидали лагерь, отправляясь по своим делам. Джордж садился за руль «лендровера», навещал своих подопечных львов, отмечал, где и каких животных видел, преследовал браконьеров, снимал их капканы, проволочные петли, разрушал ловушки. Терренс, водрузив на плечи лом и лопату, отправлялся расчищать дорогу.

В Кора я побывал в последний раз в 1973 году, когда оставлял работу в Кении. Вместе со мной полетела и Джой. Братья уже много сделали: расчистили и оборудовали площадку для посадки легких самолетов, проложили десятки миль дорог. Львы, которых присылали к Джорджу, постепенно привыкали к дикой жизни и время от времени навещали «Кампи я симба» (львиный лагерь), чтобы подкормиться.

За мясом в то утро пришла львица Джума с двумя годовалыми детенышами. Накормив их, Джордж пошел проводить семейство до логова, а мы с Джой на машине медленно следовали и наблюдали за ними. Непередаваемая картина! По красной пыльной дороге идет старый человек в шортах и сандалиях на босу ногу с неизменной трубкой в зубах, и ветер развевает шевелюру седых волос на непокрытой голове. А за человеком лениво плетутся львы. Проводив их до буша, Джордж свернул к невысокой скале, на которой разлегся еще один лев. Джордж взобрался на скалу, потрепал льва, а потом улегся рядом с ним, положив голову на роскошную гриву льва. Потом Джордж свозил нас на реку Тана, показал многих животных — бегемотов, слонов, носорогов, ориксов, сетчатых жираф, зебр Греви. С горечью он обратил наше внимание на срубленные деревья с объеденной листвой и ветвями.

— Кто это сделал?— спросил я.

— Люди.

— Какие люди?

— Сомалийские пастухи. Они срубили уже много деревьев, в том числе и столетних, только для того, чтобы их верблюды и козы могли обглодать листья и ветви.

Братья добились своего: в 1974 году заказник Кора был объявлен Национальным резерватом. Но радость натуралистов была недолгой. Старые кенийские знакомые писали мне, что резкое повышение цены на слоновую кость в середине 70-х годов роковым образом отразилось на Кора. Щупальца международного подпольного бизнеса дотянулись и до нее. Мошенники и контрабандисты вкупе с корыстолюбивыми чиновниками вовлекли местные племена в массовое браконьерство. Параллельно действовала «шифта» — бродячие шайки вооруженных современными карабинами и автоматами бандитов, проникших сюда из Сомали. Истребляли слонов, носорогов, леопардов — все живое, из чего только можно извлечь барыши. Часть животных успела покинуть резерват и ушла за реку Тана. Бандиты грозят расправиться с Джорджем, он у них как бельмо на глазу. Со своими немногочисленными помощниками, рискуя постоянно жизнью, он старается мешать браконьерам. Глубокий старик вырыл в своем лагере окоп и спит рядом с ним, держа наготове винтовку и пистолет.

Сотрудники службы национальных парков настойчиво советовали Джорджу покинуть Кора, пока не улягутся страсти. Но охотник не утратил духа бойца. «Меня отсюда можно вытащить только в наручниках под стражей»,— заявил он.

Случилось так, что после гибели Джой Адамсон я потерял прямую связь с Джорджем. Но вскоре на работу в Кению поехал один мой давний сослуживец. Я попросил его с какой-либо оказией переслать Джорджу в Кора мое письмо. Ответ не заставил долго ждать.

«Дорогой Дмитрий!

Огромное спасибо за Ваше письмо и за то, что Вы вспомнили обо мне и решили написать. Великолепная фотография напоминает мне о счастливых днях, проведенных нами вместе во время Вашего пребывания в Кора. Сейчас, когда прошло уже более двух лет со дня смерти Джой, мне все еще трудно смириться с тем, что я ее больше никогда не увижу...

Искренне надеюсь, что мы с Вами еще увидимся, а пока позвольте заверить Вас, что Вам в Кора всегда рады.

Джордж Адамсон».

Теперь письма из Кора приходят регулярно, и я во всех подробностях знаю, как поживают подопечные Джорджа — львы Наджа, Коретта, Гроу, Глоу и их потомство,— как ведет себя дикий лев Блакантан.

О себе же Джордж пишет скупо. «Моя операция на глазах (катаракта) прошла с полным успехом, благодарю Вас, и я в хорошем состоянии»... «С Терренсом также все хорошо, он почти полностью выздоровел после того, как был болен в начале года».

В феврале этого года в Кора побывал мой знакомый В. А. Тарасов. Он подробно описал свою встречу с Джорджем, который отметил свое 80-летие. «Мы увидели его таким же, каким привыкли видеть на фотографиях и в кино — в коротких шортах с широким поясом, в сандалиях на босу ногу. Продубленные солнцем, отсвечивающие бронзой грудь и спина, выгоревшие серебристые, почти спадающие на плечи волосы — таков его облик. Конечно, годы берут свое и откладывают отпечаток в складках его худощавого тела и морщинах лица. И все же он производит впечатление человека дела и жизни, он обдумывает что-то связанное с книгой, которую заканчивает».

Забот у Джорджа хватает. Он подбирает в саванне осиротевших львят, приучает их к жизни в дикой природе. Кинозвезда Брижжит Бардо, ставшая пылкой сторонницей защиты животных, обещает прислать Джорджу двух детенышей леопардов.

У Джорджа нет своих детей. «Зато у меня есть мои львы»,— говорит он.

Как хочется, чтобы человек удивительной судьбы, бескорыстный энтузиаст охраны животного мира прожил свой век с верой в то, что в Африке всегда будут водиться редкостные животные!

САТИРИЧЕСКИЕ СТРЕЛЫ

Один из разделов книги Д. Демина и В. Фомичева «Без намеков» имеет заголовок «...Знакомые все лица». Итак, знакомые нам все лица изображены здесь, а вернее, заклеймены без намеков, но впрямую — пером и кистью сатириков. Нерадивые хозяйственники и демагоги, подхалимы и перестраховщики, очковтиратели и хапуги — вот ее персонажи, обличаемые и выжигаемые острым (и остроумным) словом и образной, лаконичной карикатурой.

Важно ли такое издание для воспитания, для разоблачения тех, кто, скрываясь под различными личинами, наносит вред нашему обществу,—особенно теперь, в период перестройки? Чрезвычайно важно, как важны были ее темы и прежде, вспомним Окна РОСТА Маяковского. Сатирическая миниатюра, короткая басня, афоризм — вот те острокритические элементы, которые в совокупности, как мощнейший заряд, взрывают всю накипь, «типов и типчиков».

Остро, принципиально изобличаются в книге пером поэта-сатирика и кистью художника негативные явления нашей жизни; рвачи, тунеядцы, пустопорожние болтуны, показушники, пьяницы, очковтиратели, тормозящие движение общества вперед. Борьба с ними—бескомпромиссная, до победы — одна из задач боевой советской сатиры, талантливыми представителями которой являются поэт и художник — соавторы сборника «Без намеков».

Часто короткое стихотворение, разящая эпиграмма, умная басня могут сделать для воспитания человека, для исправления общественных пороков больше, чем пространные нравоучительные сочинения. История знает тому немало примеров. Книжки-агитки, сатирические листовки и плакаты, если выполнены они профессионально и неравнодушно, если болит у авторов душа при виде безобразий и махинаций и руководствуются они в творчестве девизом «Не могу молчать!», становятся настоящим оружием в борьбе с пороками. Это полностью относится к книге «Без намеков». Перелистаем ее и увидим немало знакомых «лиц и положений». Например, миниатюра «Постоянная временность»:

«На должность посадили
Дурака.
И что ж потом?
Сидит пока».

А вот картинка «жизни» в одном из НИИ:

«— Работа,—
мой похвастался Сосед,—
Дремота
с перерывом на обед».

Ситуации типичные и тем более тревожные затрагивает поэт:

«В костюме сорок два изъяна,
Зато он выпущен
сверх плана».

Сатирические стрелы летят точно в цель. Они поражают пороки неотразимо.

Дмитрий Демин — известный поэт-сатирик. В этом сложном жанре ему удалось найти свой голос. Он крайне скуп и сдержан в слове, и каждое это слово несет в его маленьких баснях, коротких, даже суперкоротких стихах высокую эмоциональную и смысловую нагрузку.

Поэт прошел и проходит великолепную школу, постоянно работая с замечательными мастерами советской политической графики — Кукрыниксами. Тесное содружество с ними дало Д. Демину неоценимо много. И, читая его новую работу, где собраны сатирические стихи на темы нашей повседневной жизни, книгу, сделанную совместно с художником Василием Фомичевым, отчетливо видишь не только гражданское стремление поэта бичевать недостатки, но и художественное умение это делать.

А емкие и выразительные работы художника В. Фомичева делают содержание книги «Без намеков» беспощадно зримым.

В. ЕФИМОВ

Д. Демин, В. Фомичев. Без намеков. М., «Советская Россия», 1985, 48 с.

Алим КЕШОКОВ

ОТЧИЙ КРОВ

ПАМЯТЬ РЕЧИ

Горит костер там, под скалой далекой.
Горит огонь, пока не расссвело.
И уголь, в пепел кутаясь, как в кокон,
Старается продлить свое тепло.

Там, на хранителя огня похожий,
Сидит чабан, мечтая, чтоб прохожий
Прошел его тропою до утра:
Прохожий новость принесет,
быть может,
Иль хоть охапку сучьев для костра.

Над лугом, над скалой сгустился вечер,
Сидит чабан, как двести лет назад,
Поет он песню, ждет случайной встречи,
Но вдаль напрасно устремляет взгляд.
А с губ его слова родимой речи
Слетая, губы сладко холодят.

Ручьем свободно льется песнь родная,
Слова просты, как травы на лугу.
Хоть этих слов я слышать не могу,
Но их я слышу, потому что знаю.

Поет чабан и песню повторяет,
Поет, как пел я сам в далекий год.
Неедкий дым лица не обжигает,
Но слово старой песни сердце жжет.

И кажется, что с этой песней вместе
Мой пращур — седовласый аксакал
С какой-то доброй иль недоброй вестью
На скакуне горячем прискакал.

И песню мне подсказывает память,
Что слышал я в теченье многих лет.
И слово пахнет гарью и лугами,
И без него нам жизни в мире нет.

Людская память в слове, в старой песне,
И живы мы, пока жива она.
А если слово отчее исчезнет,
И мы на все исчезнем времена.

●

Я сплю — под головою не подушка,
Мне мнится — в головах моя Шалушка,
Мне, если я иду куда-нибудь,
Мысль о Шалушке облегчает путь.

Хоть я уже давно живу в столице
И дни мои полным-полны забот,
Один и тот же сон мне ночью снится:
Мой отчий дом и дорогие лица,
Какими были в тот далекий год,
Когда случилось с ними разлучиться.

Тоска по ним сильнее с каждым годом,
И дома я или в чужой стране,
Все слаще и приятней думать мне,
Что я крестьянин из Шалушки родом.

Пусть изменились наши земляки,
Пусть тем сегодня легче хлеб дается,
Кому послушны умные станки,
Как некогда лихие иноходцы.

Неумолима времени рука,
И мерит время все своим аршином.
Пусть в русле новом потекла река,
И начат день не криком петушиным,
А голосом фабричного гудка.

Что делать, время не жалеет нас.
Одни ушли, другие постарели.
И трактор пашет клин земли за час,
Что мы с отцом пахали две недели.

Пусть поросли тропинки трын-травой,
Моя Шалушка, все же ты близка мне.
И, горожанин с белой головой,
Я, выжимавший скудный хлеб из камня,
И сын твой блудный, и хозяин твой.

С годами все сильней влечет назад
Меня — туда, где обретал я крылья,
Где хлевы прежние еще стоят,
Хоть и мычанье буйволов забыли.

Каких бы ни достигнул я вершин,
В какие б ни низвергнулся низины,
Я — кабардинец, я — крестьянский сын,
Я из твоей, Шалушка, слеплен глины.

Мне кажется, и ныне отчий кров
Меня хранит, где я бы ни скитался.
И вкус коптящихся в печи сыров
Поныне на губах моих остался.

И если, постарев и поседев,
Еще пою о том, что сердцу мило,
То это потому, что свой напев
Моя Шалушка мне в уста вложила.

СТАРИК

Что, старик, ты поник головой,
Что твоя седина растрепалась?
Оттого ль, что пути пред тобой
Меньше, чем за спиною осталось?

Забывается время весны,
И уже ты не веришь в удачи,
И всегда твои веки красны,
Даже если ты вовсе не плачешь.

Ты душой никогда не кривил,
Перед сильным главы не клонил.
Все пути твои были достойны,
Хоть за годы, что в мире ты жил,
Бушевали пожары и войны,
И своих ты друзей хоронил.

Не осталось погодков твоих.
Что остались, те много моложе.
Но сегодня среди молодых
Ты мудрей и достойней других,
Больше видел ты, дольше ты прожил.

Пусть завидуют все старику.
Он же будет вымаливать милость,
Чтоб другим увидать не случилось
То, что он повидал на веку.

Пусть тускнее становится свет,
Не страшны ни бессилье, ни старость.
Ничего, что согбен ты и сед,
Что дорога длиною в сто лет
За тобой, как чалма, размоталась.

ОБРАЩЕНИЕ К ВЕСНЕ

О весна, ты не поздно, не рано,
Ты пришла к нам, как только смогла.
Солнце вешнее или туманы
Ты в заплечном мешке принесла?

Каждый раз мы чего-то иного
От тебя с нетерпением ждем.
Ты страшишь нас глаголом громовым
Или мочишь желанным дождем.

Верим мы: нам на радость пришла ты.
Разноцветьем и всходов, и трав
Поле, как на черкесске заплаты,
Обновила, их цвет поменяв.

Ты на ветви надела сережки,
Разбудила дремавший ручей,
На телячьих, на маленьких рожках
Заиграла пучками лучей.

Обогрела ты спины овечьи
И с горы, что от века бела,
Приняла малость тяжести вечной,
Растопила и в реки влила.

Я прошу о дожде, но не сильном,
Чтоб на холмике друга могильном,
Зелена, и густа, и нова,
Как и в прошлые годы, трава
Расстелилась покровом обильным.

Знаю: будет и солнце, и зной.
А пока ты нас даришь цветеньем,
Мы не ждем, что ты станешь иной,
Но всегдашним своим повтореньем
Одаряешь весь мир новизной.

ШЕЛКОВАЯ ПОРА ЛЮБВИ

Пора любви шелкóвой названа.
Любя, бескрылый обретает крылья,
Бессильный забывает про бессилье
И спящий пробуждается от сна.

В глазах влюбленных вспыхивают звезды,
Нездешним светом сумрак озарен.
Равно всегда и в ранний час, и поздний
Ручьи, звеня, стекают с гор на склон.

Пора любви шелковой названа,
Она и впрямь напоминает кокон,
Сплетенный столь искусно из волокон,
Чья тайна ото всех сохранена.
Но в нем бескрылый обретает крылья,
Бессильный забывает про бессилье
И ввысь летит, где небо и весна.

●

Есть на земле печали и невзгоды,
На свете есть нерадостные дни.
Мелькают то закаты, то восходы,
И вновь не повторяются они.
А потому постой, повремени,
В глаза людей, в глаза друзей взгляни!

На свете есть обиды и укоры,
Они порой свиваются в клубок.
Твои враги не дремлют, о которых
Ты, может, знал, а может, знать не мог.
Но и в свои плохие времена
Взгляни на мир, где солнце и весна.

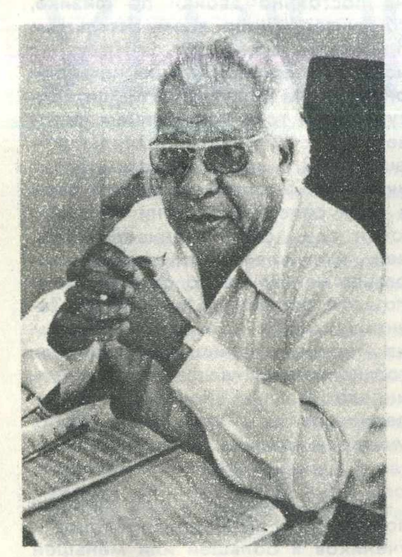
Ползет змея, высовывая жало,
С лихвою на земле хватает зла.
Но все ж земля тебя не раз спасала,
От множества смертей оберегла.
И потому ты выкрои мгновенье
На размышленье, на благодаренье.

Бывают в жизни горе и сомненья,
Но по другую сторону окна
Свое неповторимое цветенье
Вновь повторяет каждая весна.
И потому ты выйди до зари,
За все, что в мире, поблагодари!

●

Хоть глаз у критиков изменчив,
Стрельба для них и страсть, и власть.
Но в цель, которая поменьше,
Гораздо легче им попасть.

Перевел с кабардинского
Наум ГРЕБНЕВ.

Николас ГИЛЬЕН (Куба).

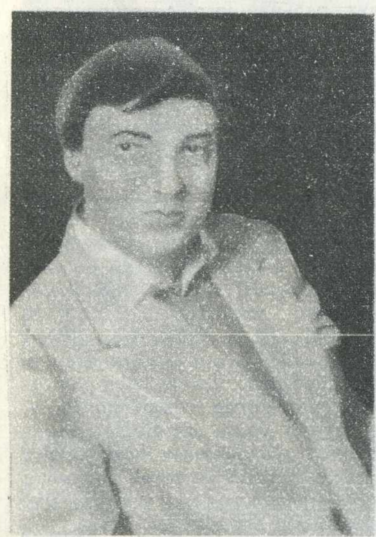
Алисия АЛОНСО (Куба) и Майя ПЛИСЕЦКАЯ (СССР).

Николай ГЯУРОВ (НРБ).

Марыля РОДОВИЧ (Польша).

Карел ГОТТ (ЧССР).

Станислав МИКУЛЬСКИЙ (Польша).

Кадр из кинофильма «Победа».

ФОТОВИКТОРИНА «Мои встречи с мастерами культуры»

Так называлась фотовикторина «Огонька», объявленная в № 1 за 1986 год. К семи снимкам из редакционного архива предстояло дать правильные подписи и ответить на несколько дополнительных вопросов. Сегодня мы подводим итоги. Жюри называет имена тридцати победителей, которые получают награды — книги, грампластинки, фотографии с автографами мастеров культуры социалистических стран.

ПОБЕДИТЕЛЯМИ ФОТОВИКТОРИНЫ СТАЛИ:

Агафонова Е. А., рабочая, г. Ангарск; **Булавкин Ю. В.**, слесарь, г. Железногорск, Курской области; **Бесогонова Т.**, школьница, г. Устинов; **Важенина Р. А.**, инженер, г. Верхняя Салда, Свердловской области; **Данилова В. А.** с семьей, г. Таганрог; **Дубова А. В.**, переводчик, г. Иркутск; **Девятых Н.**, школьница, г. Устинов; **Кузьмина И.**, историк, г. Клин; **Кацович М. А.**, ветеран труда, г. Кизилюрт, Дагестанская АССР; **Кукс Н. Ф.**, учительница, г. Даугавпилс, Латвийская ССР; **Костиков М. М.**, учитель, г. Владимир; **Краснова Н. П.**, инженер-конструктор, г. Тула; **Кондрашова Т. В.**, юрист, г. Свердловск; **Карцева С.**, учащаяся школы искусств, г. Клин; **Моренец Ф. М.**, пенсионер, г. Жданов; **Морозова Е. М.**, экономист, г. Москва; **Мухина М. Г.**, лаборант, г. Великий Устюг; **Муравлянский В. А.**, пенсионер, г. Бийск, Алтайского края; **Осокин П. В.**, г. Симферополь; **Платоненко В. М.**, доцент пединститута, г. Шадринск, Курганской области; **Рахматов Абдужалия**, экономист овощеводческого совхоза «Сыр-Дарьинский», Таджикская ССР; **Руднева Т. И.**, строитель, г. Коломна; **студенческая группа 91—92** машиностроительного техникума, г. Каменка, Пензенской области; **Сокольникова Ю.**, школьница, г. Петрозаводск; **Тюрнева Г. И.**, геолог, г. Хабаровск; **Таухен Е. А.**, учительница, п. Абаш, Красноярского края; **Торгоев А. К.**, служащий, г. Фрунзе; **Тилишевская В. В.**, инженер, г. Ростов-на-Дону; **Чернина Г. М.**, библиотекарь, г. Ленинград; **Уранчимэг Ш.**, мастер-полиграфист, г. Дархан, Монгольская Народная Республика.

Редакция благодарит всех, откликнувшихся на приглашение «Огонька». Мы рады тому, что викторина вызвала живой интерес, позволила в определенной степени систематизировать ваши знания о культуре стран социализма. Особенно приятно видеть тягу к серьезному искусству у большинства наших молодых читателей, чьи письма-размышления помогут наметить темы выступлений журнала. Письма подсказали, с кем из мастеров культуры хотели бы встретиться читатели. Многие авторы ответов предлагают сделать подобные викторины регулярными, и редакция учтет такие предложения. Еще раз сердечное спасибо!

Пришло такое вот письмо в «Огонек»...

«Дорогая редакция! Хочу поделиться своими сомнениями на извечную, казалось бы, тему... Дело в том, что мой сын-пятиклассник, как это у нас говорят, двоечник, а я, естественно, мать двоечника. И, конечно, стоит мне показаться на классном собрании, прийти на лекцию в школу или просто забрести в район школы, сердце мое начинает тихонько напоминать о себе. Как-то в школьном коридоре мне пришлось услышать о себе просто, как говорится, в лоб. Ученица, которую я попросила найти классного руководителя, так и закричала на всю школу: «Галина Николаевна! Вас ищет мать двоечника Селиванова!»

Хорошо, я человек взрослый, многое повидала, могу оценить те или иные слова, сказанные в мой адрес, но я не могу этого же сказать о своем Игорьке. Каково же ему живется в школе, если каждый вот так, с чувством превосходства и пренебрежения, может обозвать его двоечником?

Я довольна своим сыном. Он не хулиган, исправно делает уроки, помогает мне, его всегда можно послать и в магазин, и в детский сад за младшим братишкой, и за лекарствами. Он неплохо успевает по географии, истории, ботанике. Он не отличник, нет, но я и не ставлю перед ним такой задачи — приносить в дом одни лишь пятерки. Пусть приносит четверки, тройки, пусть уж и двойки, если не очень часто. Моя любовь к нему не станет меньше, наши отношения с ним не станут, надеюсь, от этого холоднее, поскольку я прекрасно знаю, что, кроме школьных отметок, есть в жизни и другие показатели качества человеческой личности, его достоинства, преданности, мужества, его ума и способностей. Меня беспокоит другое: понимают ли это в школе? И то пренебрежение, которое я ощущаю на себе, случайность ли это или продуманный метод воспитания? Меня беспокоит, каким вырастет Игорек, сможет ли он преодолеть в себе ту отторгнутость, которую тоже наверняка ощущает, сможет ли он понять суть, причины того пренебрежения, которым его окатывают одноклассники с более высокими отметками? Не возникнет, не разовьется ли в нем чувство неполноценности, не превратится ли оно в озлобленность?

Извините, что не указала свою настоящую фамилию и имя сына. Причина, я думаю, понятна.

И. СЕЛИВАНОВА».

Запорожье.

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

ШКОЛЬНИК И ДВОЙКА

И. ТОЛКАЧЕВА

Обычно, произнося слово «двоечник» или даже «троечник», мы представляем себе этакого шалопая с вечно оторванной пуговицей, с волосами, почти не знающими расчески, с проказами на уроках даже у самых строгих учителей. Это они в бурных играх колотят друг друга портфелями, играют шапками в футбол, это их опасаются родители «приличных» детей. Но давайте задумаемся: не спешим ли мы клеймить их как отпетых, трудных, безнадежных чуть ли не с первого класса?

Согласимся с тем, что сами понятия «двоечник» и «троечник» куда многозначнее, чем нам иногда кажется. В этот разряд попадают и откровенные лодыри, и озорники, и драчуны, и ребята, за которыми попросту недосмотрели, и те, кто увлекся спортом, книгами, моделями в ущерб урокам, и те, кто складом своей натуры предназначен стать умельцем, охотником, садоводом, художником, наконец, просто люди с созерцательным складом ума. Нужно признать и то, что не у всех детей одинаковые способности: кто-то готов усваивать программу, например, пятого класса в семь лет, кто-то в десять, а кто-то в пятнадцать. И это вовсе не говорит об их талантливости или неполноценности, просто это особенности развития, о которых надо знать,— в специальной литературе об этом сказано немало.

...Познакомься я с этой девочкой до того, как о ней рассказала учительница, никогда бы не подумала, что у нее есть двойки.

— Ира, мне кажется, ты не лентяйка. Много занимаешься?

— До вечера.

— А гулять ходишь?

— Когда папа с мамой разрешают.

— А что у тебя по литературе?

— Тройки. Я медленно читаю.

— Родители с тобой занимаются?

— Проверяют... Я езжу к двоюродной сестре. Она со мной занимается.

— А по каким предметам у тебя пятерки, четверки?

— По рисованию. И по труду.

Милый, аккуратный ребенок. Бледное личико, несмелый взгляд. Видно, девочка сама не может привыкнуть к неудачам. Представьте: целый день напряженнейших занятий — и тройка, двойка. И тащить этот «булыжник» домой, видеть расстроенные лица родителей, снова и снова сидеть над книгой, отчаиваясь и теряя веру в себя. В результате вообще пропадает желание учиться. Представьте себе спортсмена, которого все обошли на несколько кругов,— он просто сходит с дистанции.

Хорошо, введут скоро переводные экзамены во всех классах. И что же? Сдаст их Ира? Вряд ли. Учителя знают: девочка не виновата, она не может усваивать все предметы в общем темпе, ей ближе предметы, уроки, отнюдь не главные в школе.

Слушала я Иру и вспоминала школьный класс, который хорошо знала. Там не так уж и баловались на уроках, учительница умела «держать» дисциплину. Но многие учились плохо. Что же, все лодыри и бездельники? Отнюдь! Оказывается, был там некий негласный лидер — грубиян, драчун и, что самое неприятное в ребенке, циник. Не знаю, чем уж он так покорил всех, но его побаивались. Известно, что есть и такая категория школьников, которым ничего не дорого, для которых нет святых понятий. У большинства же они есть, особенно у детей. Но вот попадется в классе шалопай-нигилист, и под его влиянием формируется общественное мнение: хорошо учиться стыдно, дескать, в примерные рвешься, хочешь, чтоб похвалили...

О неисчислимых школьных проблемах я говорила со многими людьми: учителями, родителями, недавними учениками. Вот что сказала завуч Зинаида Алексеевна Байрамова, человек думающий, переживающий и за дело, и за ребят:

— Кое-кто из учеников считает, что раз мы, учителя, их упрашиваем, ругаем, стыдим, а в результате все-таки ставим тройки, значит, учеба эта нужна не им, а учителям, ведь за их успеваемость и с учителей спрашивают. Нам говорят: педагог должен научить, заинтересовать, внести элемент игры. А что ж ученики? Они должны пассивно все это принять? Но принимают не всегда, не все, не настолько, насколько нам бы хотелось. Это лень? Бездарность? Нет. Это своеобразный протест против безудержной усложненности, напряженности программы. Когда человек не может добиться чего-либо, он говорит: мне это неинтересно — и находит свой интерес там, где он может опередить других, блеснуть...

А опередить очень сложно, потому что в школе слишком силен стереотип мышления: если у Вани постоянно двойки по физике, то учителя и по всем остальным предметам начинают смотреть на него с опаской. Больше четверки он вряд ли получит и по литературе, да и то с выражением недоверия и сомнения в правильности оценки. Это не только оскорбляет учеников. У детей убивается вера в свои способности, они привыкают и сами себя оценивать ниже, чем заслуживают, перестают стараться не только по физике, но и по всем остальным предметам. Таких учителей, которые в каждом из сорока с лишним учеников только одного класса будут искать индивидуальные способности, поддерживать их и поощрять,— таких учителей единицы.

Где же выход?

Нужно создать систему, которая помогала бы выявлять способности учеников в большей или меньшей степени независимо от добросовестности отдельных преподавателей.

Вот почему все без исключения учителя, с которыми мне пришлось говорить, с нетерпением ждут дальнейшего совершенствования школьной реформы, когда дети с гуманитарными наклонностями не будут биться над всеми теми премудростями физики, которые легко постигают любители точных наук, а будущие филологи узнают из физики лишь то, что необходимо знать культурному человеку. Другими словами, создадут не одну новую программу, а несколько разновидностей школьных программ. А в школах будет несколько разных классов — не «а», «б», «в», а, допустим, «м» — математики, «г» — гуманитарии, «б» — биологи. Да и труд учителей станет более осмысленным — одно дело учить детей заинтересованных, увлеченных предметом, и совсем другое — детей, которые воспринимают твои усилия как наказание и зло.

Немало и сейчас двоечников, так сказать, «по убеждению», таких ребят, которые ничем не интересуются, нигде не хотят самоутвердиться. И есть ли гарантия, что в будущих, даже идеальных условиях таких бездельников не останется? Что делать с ними? Стоит ли насиловать их немилой учебой? Учителя считают, что некоторых учеников (конечно, семь раз проверив) после восьмого класса нужно сразу направлять на производство или в ПТУ.

Сколько же нужно силы воли, характера, напористости, чтобы быть «счастливым двоечником», чтобы твердо знать: вот где мое призвание, моя судьба. И идти по избранному пути, презрев неудачи, то бишь двойки по нелюбимой литературе или, напротив, по физике, презрев осуждение учителей да и товарищей по классу. Нет еще, к сожалению, и прикладных классов, где бы рисование, моделирование, фотография стали бы основными предметами, а остальные науки давались бы, скажем, по облегченной программе, где дети не чувствовали бы себя ущербными оттого, что не могут усвоить математику в объеме первого курса вуза. А то ведь частенько приходится слышать, что за первые два курса в техническом институте студент не узнает ничего нового — все уже проходили в школе.

«И с какой же психикой выйдет

УДАЧНЫЙ ЗАПЕВ

Думается, что даже самые оптимистичные болельщики нашей сборной в самых смелых мечтах не могли предположить, что счёт в запевном матче старых друзей-соперников — футболистов СССР и Венгрии окажется столь неожиданным — 6 : 0! Эти цифры, надо полагать, не скоро повторятся, если вообще им суждено когда-нибудь повториться в поединке команд такого уровня в товарищеском ли матче или в состязании за обладание «Золотой богиней». Ведь в жарких спорах о возможном исходе матча, которые велись накануне его, редко кто рисковал дать больше одного-двух мячей преимущества той или иной из этих команд. И даже специально запрограммированная ЭВМ рискнула предсказать нашу победу с разрывом в мяч — со счетом 3 : 2.

По счастью, об этих хитроумных расчетах и выкладках не знали парни, надевшие в тот знойный день в далеком Ирапуато майки с гербом Советского Союза, ибо они с первых минут обрушили на ворота венгерской сборной шквал атак. Десятки миллионов телезрителей видели, как невысокий юркий Василий Рац филигранно пробил штрафной, мяч попал к Павлу Яковенко — и: го-о-ол! А шла только вторая минута поединка, по мнению специалистов, ключевого для обоих соперников в борьбе за выход в очередной этап. К началу четвертой минуты наши вели 2 : 0 после кинжального удара из-за штрафной Сергея Алейникова.

Нельзя сказать, что венгры после этого сникли. Но той команды, которая несколько месяцев назад в товарищеском матче блестяще одолела бразильскую сборную, мы не увидели — ей просто не позволили так играть. Забив в каждом из таймов по три мяча, сборная СССР одержала впечатляющую победу 6 : 0. Мы увидели, что старшему тренеру Валерию Лобановскому и его товарищам по труднейшей работе в считанные дни удалось решить целый ряд проблем сборной, волновавших всех любителей футбола в стране.

Нет нужды выделять игру кого-нибудь из наших спортсменов — все они были творцами победы. Но не будем забывать, что первый матч — всего только запев. Мы рады, что он получился удачным.

А. ГРИГОРЬЕВ

Сергей Родионов — автор шестого гола.

Безупречный пенальти Игоря Беланова.

Телефото АП — ТАСС

в жизнь такой человек, окончив школу? Какие пути изберет? Будет ли искать действительное свое призвание, или же, усвоив школьный опыт, не доверяя себе, своим способностям, изберет нечто совершенно чуждое, что само подвернулось, легко досталось, и будет всю жизнь волочить тяжкий груз нелюбимого дела?» — с болью спрашивает учитель биологии Анна Васильевна Новожилова из Калуги.

В шестом классе я беседовала с одним из сорванцов, брала, так сказать, интервью. Сидит он на последней парте, в тетради — ни намека на цифры, хотя дело было на уроке математики. Нарисовал какие-то каракули — водил карандашом по бумаге. Потом крепко о чем-то задумался.

— Гриша, ты ничего не записываешь.

— А! Не хочу!

— Но дома уроки делаешь?

— Что? А... когда как...

И все это с ужимочками, с хиханьем.

— Тебя совсем ничего не интересует в школе?

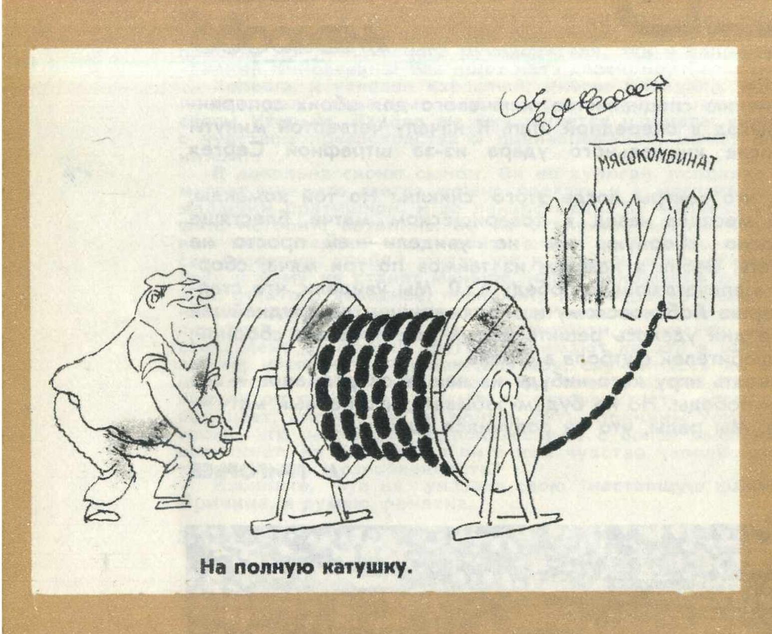
— Почему? География!

— Скажи, Гриша, разве тебе не хотелось идти в школу? Вот ты собирался в первый класс, ходил с мамой в магазин, покупал тетради, карандаши. Радовался?

— Да... Радовался...— Мальчишка вдруг притих, сам удивившись давно, казалось бы, забытым воспоминаниям.

А потом учительница показала мне объяснительную записку Гриши. Привожу без исправлений: «Вместо того, чтобы решать контрольную работу по алгебре, я пускал зайчиков. Ирина Павловна меня предупредила, чем это может кончиться. Я подумал и решил: пусть кончается, чем кончится».

Здесь и убеждение, и свой взгляд на вещи. Гриша не грубиян, не нахал, его не назовешь злым или жестоким. Так получилось, что жизнь или, скажем, условия, окружение, отношения, сложившиеся с учителями, с товарищами, вынудили его ходить в осуждаемых, в отрицательных. Роль эта неприятна и толкает иных на позицию своеобразной бесшабашности. Однако под маской такой вот бесшабашности прячется зачастую горькое чувство непонятости и беспомощности. Сколько же мужества надо, чтобы каждый день идти в школу, не ожидая там ничего хорошего для себя? Каждый может осудить, осмеять, просто обругать. Какую закалку проходит ребенок в такой вот неравной борьбе! Пройдя через горнило двоечничества, другими словами, определенной отверженности школьным обществом, ребенок, случается, приобретает некоторые бойцовские качества. Однако гораздо чаще он оказывается сломленным. Приучившись в школе к безответственности, к постоянному утаиванию своих мыслей, болей, обид, человек не всегда освобождается от этого напускного пренебрежения в последующие годы, часто даже и не осознает его. Нет ответственности за семью — и она не будет прочной. Нет ответственности за дело — и не будет оно приносить удовлетворения. А человек — существо общественное, и, как бы он ни храбрился, ему необходимо признание окружающих, чтобы действительно чувствовать себя Человеком.

На полную катушку.

Его копилка.

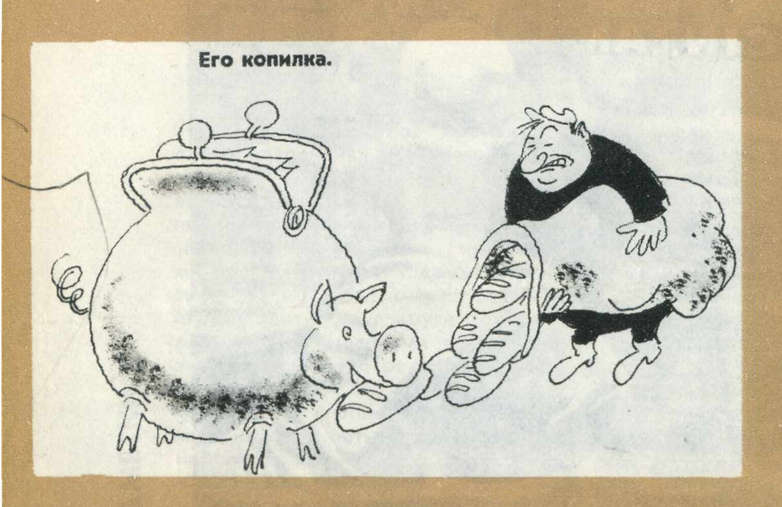
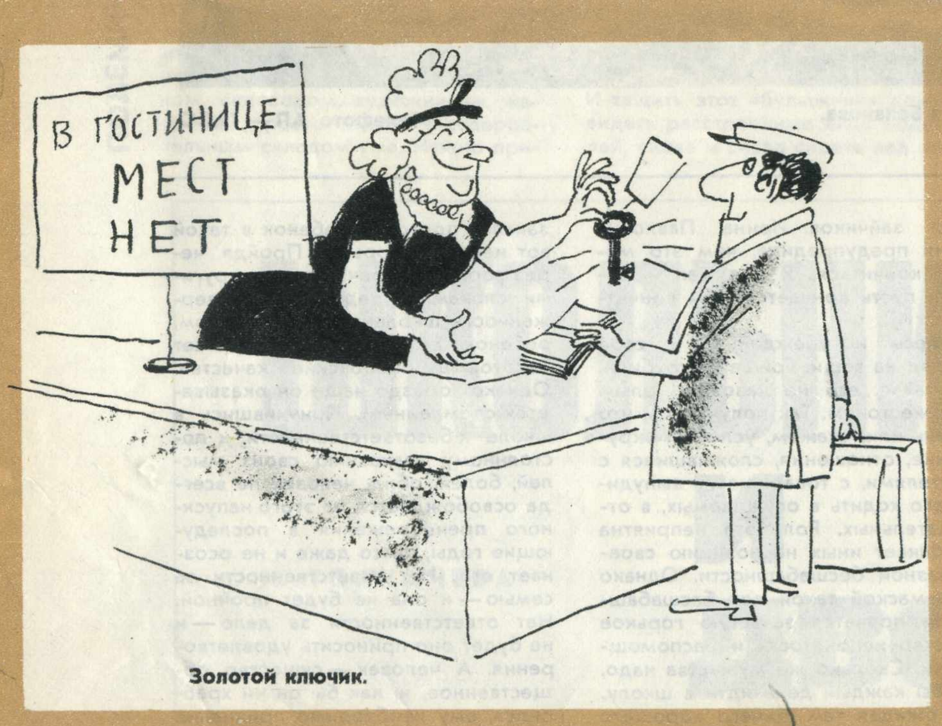
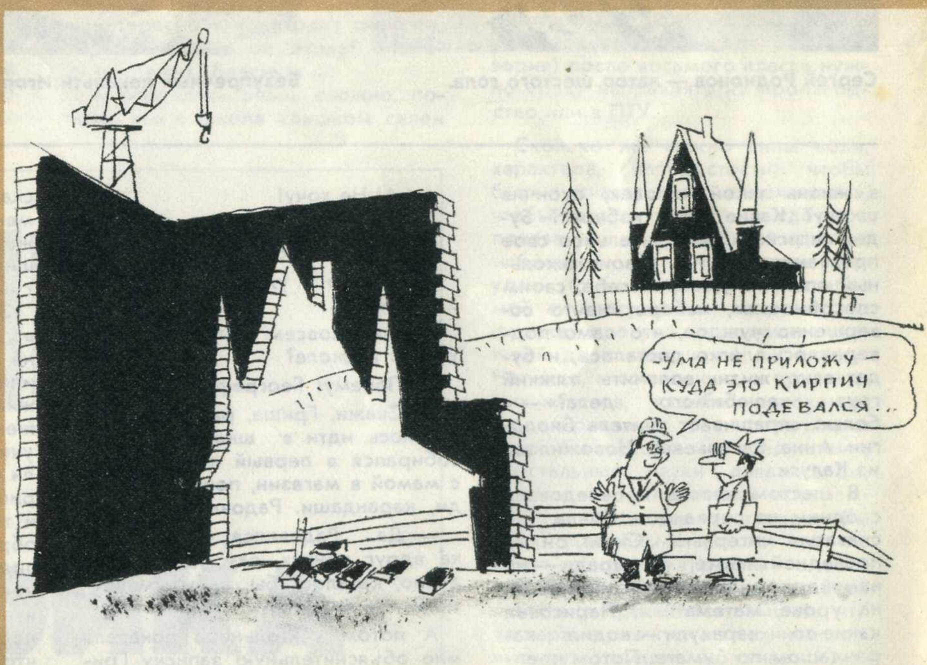

Рис. Ю. ЧЕРЕПАНОВА

Золотой ключик.

КРОССВОРД

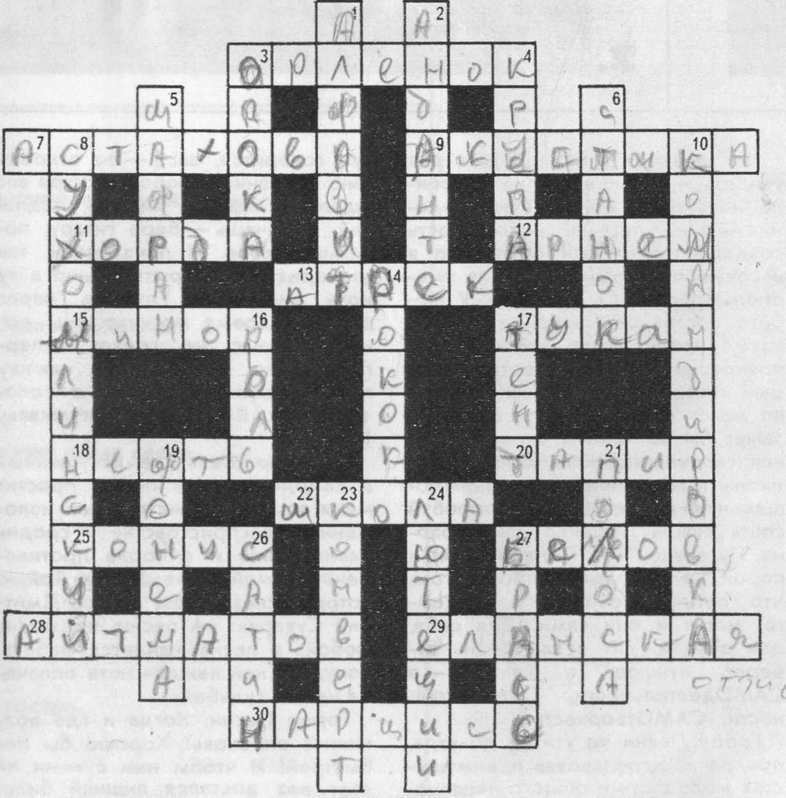
По горизонтали: 3. Всероссийский пионерский лагерь. 7. Персонаж романа М. А. Шолохова «Тихий Дон». 9. Раздел физики. 11. Отрезок прямой, соединяющий две точки окружности, кривой линии. 12. Город в Нидерландах. 13. Река в СССР и Иране. 15. Музыкальный лад. 17. Южное созвездие. 18. Ископаемая горючая жидкость. 20. Животное, обитающее в тропических лесах Америки и Азии. 22. Повесть А. П. Гайдара. 25. Геометрическое тело. 27. Советский писатель. 28. Писатель, Герой Социалистического Труда. 29. Народная артистка СССР, выступавшая во МХАТе. 30. Декоративное растение, цветок.

По вертикали: 1. Азбука. 2. Умеренный темп в музыке. 3. Приспособление в литейном производстве для удержания формовочной смеси. 4. Пищевой продукт из зерен. 5. Сорт яблок. 6. Машина для обработки металла, дерева. 8. Педагог, Герой Социалистического Труда. 10. Поездка со служебным поручением. 14. Стилевое направление в европейском искусстве в XVIII веке. 16. Художественный образ в пьесе, киносценарии. 17. Парусиновый навес для защиты от солнца, дождя. 19. Звук, единица языка. 21. Страница в наборе, оттиске. 23. Пакет для письма. 24. Химический элемент, металл. 26. Глянцевитая хлопчатобумажная ткань. 27. Способ спортивного плавания.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 22

По горизонтали: 5. Подсолнечник. 8. Макаренко. 9. Гомофония. 10. Киву. 11. Лосось. 13. Акимов. 15. Молекула. 17. Торпеда. 18. Ремесло. 19. «Раздолье». 23. Норильск. 25. Наречие. 26. Инсаров. 27. Цирконий. 30. Тимпан. 32. Ирасек. 33. Кипр. 34. Баскетбол. 35. «Евпатория». 36. Килиманджаро.

По вертикали: 1. Модель. 2. «Колокол». 3. Кенгуру. 4. Витоша. 6. Часовой. 7. Бинокль. 12. «Снегурочка». 14. Компрессор. 15. Марганец. 16. Аренский. 20. Зубр. 21. Линь. 22. Капитан. 24. Комедия. 28. Реклама. 29. Нереида. 31. Нутрия. 32. Иматра.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: В. Г. Белинский. Художник И. Астафьев. 1879 год * Город Белинский (бывш. Чембар). В этом доме прошли детские и юношеские годы критика. Ныне музей В. Г. Белинского * Вещи Г. Н. Белинского и В. Г. Белинского * Книги, принадлежавшие Белинскому, и его карандаш * Экспозиция, посвященная учебе Белинского в Пензенской гимназии. (См. в номере материалы, посвященные 175-летию со дня рождения В. Г. Белинского.)
Фото М. САВИНА

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Джордж Адамсон приехал навестить своих подопечных львов * Лагерь знаменитого натуралиста в местечке Кора (Кения) * Джорджу Адамсону исполнилось 80 лет. (См. в номере материал «Всю жизнь со львами».)

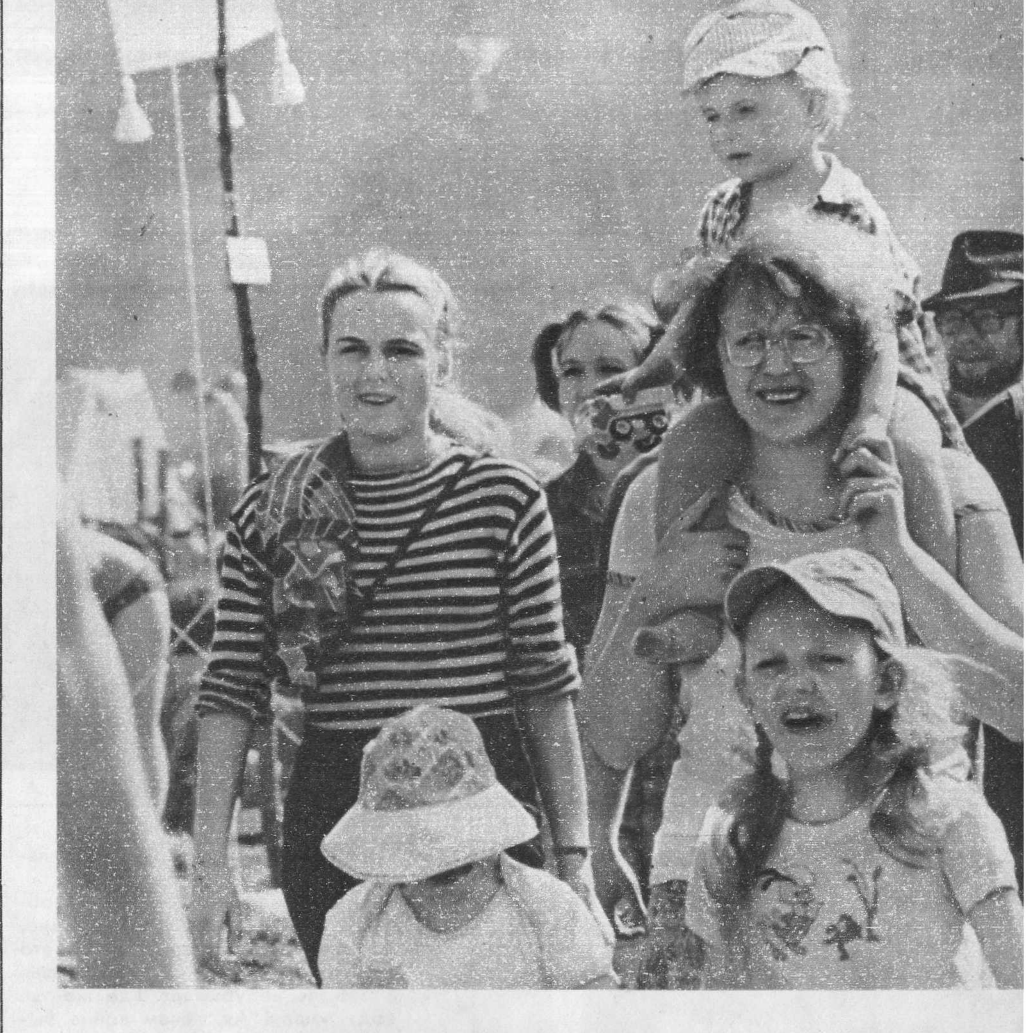
Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Оформление Н. И. БУДКИНОЙ.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Очерка, публицистики и информации — 250-56-88; Морали и права — 251-00-26; Международный (капиталистические страны) — 212-30-03; Международный (социалистические страны) — 212-22-90; Искусств — 212-15-39; Экономики быта — 250-38-17; Поэзии — 250-51-45; Прозы — 212-63-69; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-53; Науки — 212-21-68; Юмора и занимательной информации — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем и массовой работы — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 19.05.86. Подписано к печати 03.06.86. А 01978. Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 500 000 экз. Изд. № 1385. Заказ № 2817.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865. ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

...А ПЕСНЮ ПОДХВАТИТ ЛЮБОЙ

Игорь МИХАЛЁВ

Фото И. ГАВРИЛОВА

Новый город в Подмосковье с населением в пять тысяч человек на карту области нанести не успели — он просуществовал всего два дня.

А был он настоящий — с микрорайонами и культурными центрами, с магистралями, носящими непривычные пока названия — площадь Визбора, проспект Окуджавы, проспект Высоцкого, улицы Никитина, Кукина, Городницкого... Город Песни!

Как только ее не называют, эту «Золушку» на песенном балу: самодеятельная, туристская, студенческая, гитарная, самоходная песня и т. д. и т. п. Как только не стараются задвинуть подальше, в уголок лесной чащи, уйти от ее проблем, удач, сомнений те, кому по роду деятельности надо бы разобраться, помочь, объединить разрозненные (на первый взгляд) течения и направления, самодеятельные и часто бесприютные клубы, секции, группы!.. Впрочем, не о буднях сейчас речь, сегодня мы с вами приглашены на праздник Московского городского Клуба самодеятельной песни.

Итак, слет... Слет тех, кто любит петь, сочинять стихи и музыку, делиться радостью творчества, открытием непрописных истин, кто умеет искренне радоваться и грустить.

Представьте себе огромную поляну. Расставьте на ней множество палаток, зажгите костры, заготовьте дрова для бессонной ночи у этих костров, подготовьтесь к интересной беседе. Вроде все... Да нет, мы забыли самое главное: постройте сцены для исполнителей и освободите места у костров для гитаристов и певцов. Теперь вроде все на месте. Начали!

...К центральной сцене подходят участники пролога праздника — в фантастических костюмах, но с непременными атрибутами — гитарами шестиструнными, семиструнными, двенадцатиструнными. Это карнавальное шествие — приветствие гостей слету — описать, пожалуй, невозможно, ибо все играло роль: прекрасные тексты, остроумные пародии, музыкальные эффекты и тысячи разных мелочей, из которых складывается хорошее настроение, созданное талантливыми исполнителями.

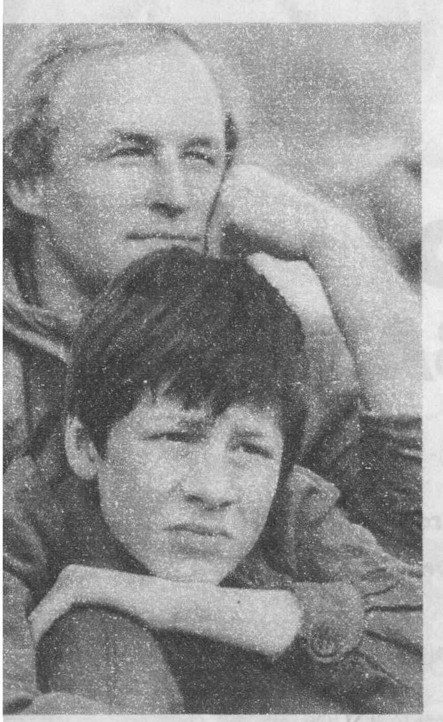
Но вот... Наступила великая и святая минута молчания. День был такой — и радостный, и грустный одновременно — 9 Мая. Минута молчания — в память о тех, кто отдал свои жизни за вот такой мирный день, за тысячи дней, ему предшествовавших, за все предстоящие — радостные, светлые, творческие. И только соловей пел

1.

2.

3.

среди абсолютной, почти нереальной тишины.

«Над землей бушуют травы, облака плывут, как павы. А одно, вон то, что справа,— это я... это я... это я... И мне не надо славы. Эта боль не убывает. Где же ты, вода живая? Ах, зачем война бывает, ах, зачем... ах, зачем, ах, зачем? Зачем нас убивают?» Эти строки из песни Вадима Егорова были, пожалуй, самыми важными во время большого концерта известных авторов. Потому что в них — связь поколений, цепочка памяти, не прерывающаяся на детях, внуках, правнуках. А жизнь продолжается, в том числе и в песнях. Тех, что знают и поют сотни тысяч людей; тех, что пели на слете их создатели — Сергей Никитин и Вероника Долина, Борис Щеглов и Юрий Колесников, Александр Дулов и Григорий Гладков, Владимир Туриянский и Ирина Руднева. Разные поколения, разные песни, объединенные общей искренностью, талантом доброты, чистотой...

Нет, все-таки это надо хоть раз увидеть и услышать. Мне искренне жаль своих коллег с телевидения — они упустили возможность создать прекрасный цикл (ибо в часовую программу всего не уместишь) передач «Песня-86». У любого костра, на любой из шести сцен можно было найти героя прекрасного телеконцерта, который наверняка вызвал бы не только массу интересных писем, но и зажег бы во многих сердцах огонек творчества. Жаль мне и миллионы телезрителей, вяло внимающих чужим талантам (попробуй спеть лучше Лещенко или Кобзона, Пугачевой или Понаровской) и порой не подозревающих о том, что петь и сочинять в общем-то могут и они сами. Для себя, для друзей, для всех. Жизнь отберет лучшее, а главное — в САМОдеятельности, САМОактивности, САМОтворчестве.

Город Песни не утихал до утра, прекрасно использовав преимущества молодости и общего песенного накала. Молодости не по возрасту (немало было и тех, кому, как говорится, за...) — по отношению к жизни. У любого костра вас ждали — подходи, слушай, подпевай. А хочешь — бери гитару, показывай свое. И показывали, так что приятных открытий было в ту ночь множество. Глядишь, через какое-то время магнитофоны донесут до нас не грохот супер-групп и не развесистую клюкву псевдорусских «бардов», а голоса новых Высоцкого, Окуджавы, Кима.

Пусть читатель, не искушенный в самодеятельной песне, простит меня за столь пристрастное изложение — беспристрастие сродни равнодушию и в корне противоречит самой идее Песни. Той, о которой сказал поэт и бард Дмитрий Сухарев: «А песню подхватит любой, а песне найдется работа, покуда в ней каждая нота оплачена нашей судьбой»...

Город Песни. Когда и где возникнет он вновь? Хорошо бы побыстрей! И чтобы нам с вами на этот раз достался лишний билетик хотя бы с помощью телевидения. Хорошо бы...

4.

5.

6.

1.
Выступает Сергей Никитин.

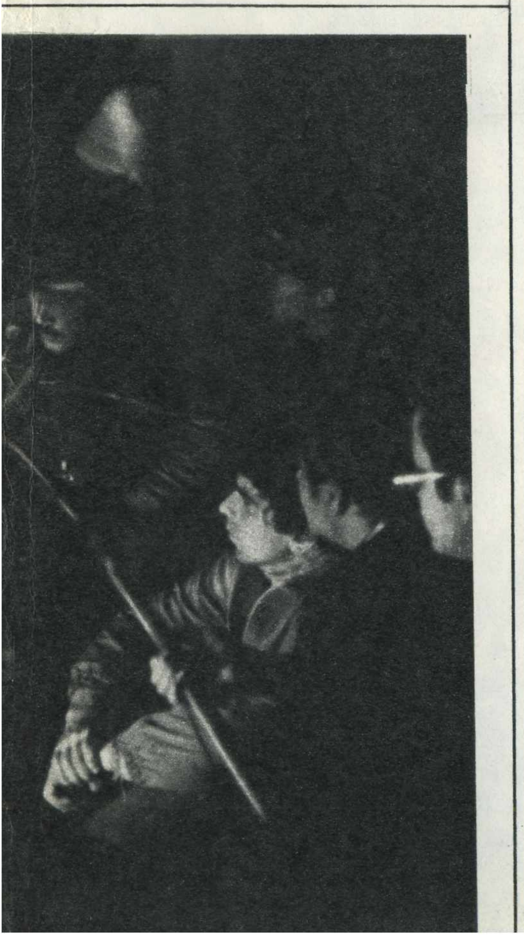
2.
«Зал» переполнен.

3.
Звучит новая песня...

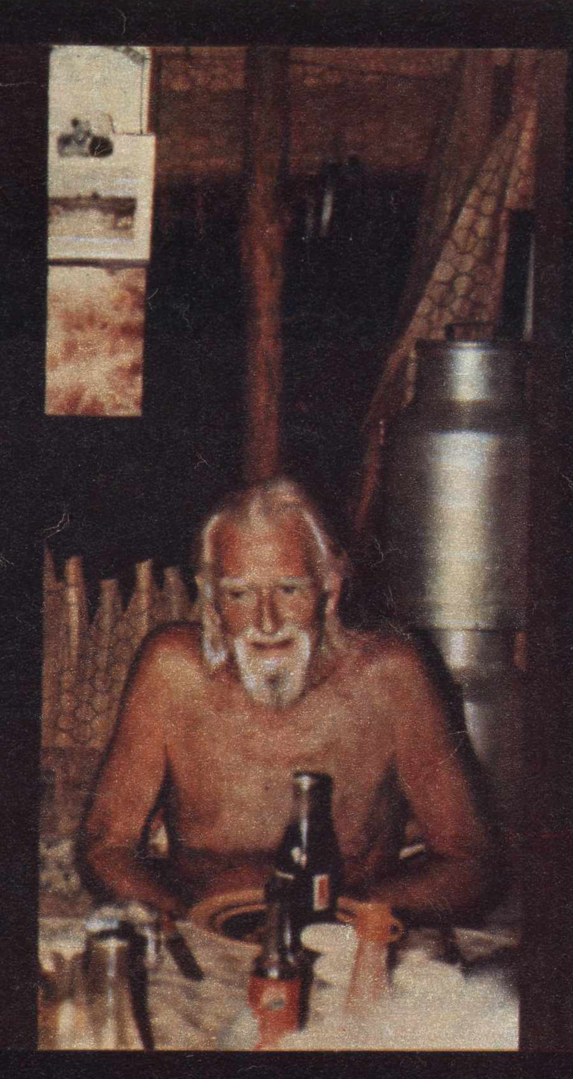
4.
Веселая ярмарка.

5.
У костра.

6.
На сцене Сергей Рыженко.

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663